

Министерство науки и высшего образования
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

КАРЦОВА Маргарита Алексеевна

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНТАМИНАНТОВ
В СИТУАЦИИ УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА**

10.02.19 – теория языка

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, доцент
Золотова Наталия Октябровна

Тверь 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. КОНТАМИНАЦИЯ: ПРИРОДА ФЕНОМЕНА И ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ	
1.1. Контаминация как языковой феномен и обозначающий его термин.....	12
1.2. Подходы к изучению контаминированного образования.....	23
1.2.1. Контаминация с позиции лингвистического подхода	23
1.2.2. Лингвокогнитивный подход к пониманию феномена контаминации	34
1.3. Идентификация слова в ментальном лексиконе: модели хранения и доступа к слову	44
Выводы по главе 1.....	56
Глава 2. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КОНТАМИНИРОВАННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ	
2.1. Вопросы организации экспериментального исследования процесса идентификации контаминантов искусственными билингвами.....	58
2.1.1. Цель, задачи и методика экспериментального исследования.....	58
2.1.2. Процедура проведения эксперимента. Характеристика испытуемых.....	60
2.1.3. Отбор стимульного материала для исследования.....	61
2.2. Интерпретация результатов экспериментального исследования и моделирование процесса идентификации контаминированного образования	68
2.2.1. Анализ результатов эксперимента №1: свободные ассоциации и субъективные дефиниции.....	68
2.2.2. Анализ результатов эксперимента №2: субъективные дефиниции	

и словообразовательные реакции.....	96
2.2.3. Факторы, влияющие на выбор приоритетных стратегий, и модель процесса идентификации контаминированного образования.....	116
Выводы по главе 2	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	126
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	133
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	148
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	149

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена исследованию проблемы контаминированного слова с позиций психолингвистики. В современной лингвистике лексическая контаминация рассматривается как возникновение нового выражения или формы в результате «взаимодействия двух или более исходных единиц, которые проходят процесс усечения и объединяются в единую лексему, либо имеют схожие фрагменты в своей структуре и объединяются путём наложения» [Хрущёва 2010 цит. раб.: 187]. Лексические единицы, образованные в результате контаминации, именуется в научной литературе по-разному: контаминанты, бленды, телескопы и др. В нашем исследовании предпочтение отдаётся таким терминам, как «контаминант», «контаминированное слово», «контаминированное образование», «контаминированная лексема», «контаминированная единица», «инновационный бленд», которые используются в контексте данной работы как синонимы.

Проблеме феномена контаминации как принципа взаимодействия единиц языка, реализующихся на его разных уровнях, посвящены многочисленные труды отечественных и зарубежных исследователей. Учёными обсуждается место контаминации среди сходных явлений, таких как словослияние, словосращение, блендинг и др. (Н.А. Лаврова, О.А. Хрущёва, Е.С. Кубрякова); содержание понятия с лингвокогнитивной точки зрения (О.А. Хрущёва, Т.Р. Тимошенко, А.Ю. Мурадян, G. Cannon, G.A. Bergstrom); принципы классификации видов контаминантов (Ю.А. Жлуктенко, В.И. Заботкина, S. Kemmer и др.).

Возрастание интереса отечественных и зарубежных учёных к изучению феномена контаминации во второй половине прошлого и начале нынешнего века связано с фактом активного использования контаминированных образований в разговорной речи, в языке газет, художественных произведений, Интернете, рекламе и многих других сферах жизнедеятельности современного человека. Наблюдаемые тенденции к интеграции слов и словосочетаний, очевидно, связаны со стремлением к экономии языковых усилий носителей языка, практически

безграничным лингвокреативным потенциалом словообразования и усилением процессов заимствований из англоязычной культуры как следствия технологической революции и глобализации. Представляется, что контаминированное образование является, с одной стороны, отражением деривационного потенциала языка, а с другой, результатом активной речемыслительной деятельности человека.

Настоящая работа представляет собой психолингвистическое исследование, нацеленное на выявление специфики функционирования контаминанта в ментальном лексиконе индивида, изучающего английский язык как профильный предмет. Проблема доступа и идентификации лексических единиц комплексного типа при взаимодействии родного и изучаемого языков рассматривается на уровне индивидуального сознания с акцентированием внимания на особенностях и закономерностях рассматриваемых процессов.

Таким образом, *актуальность* исследования обусловлена необходимостью изучения контаминированных лексических образований в ракурсе воспринимающего их носителя языка и культуры в условиях возрастания интенсивности межкультурного взаимодействия, в том числе и квазимежкультурного, в ситуации искусственного билингвизма.

Объектом исследования выступает процесс идентификации контаминированного образования носителями учебного билингвизма, *предметом* – особенности доступа к значениям контаминанта в ситуации учебного двуязычия.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении специфики функционирования контаминированных образований в ментальном лексиконе индивида в условиях учебного двуязычия с последующим построением (на основе экспериментальных данных) модели процесса идентификации рассматриваемых образований носителями учебного англо-русского билингвизма.

В соответствии с общей целью работы в исследовании решаются следующие конкретные *задачи*:

1) систематизировать взгляды исследователей по проблеме контаминации в разных сферах гуманитарного знания;

2) описать природу контаминации как лингвистического и лингвокогнитивного феномена;

3) рассмотреть существующие в психолингвистике модели хранения и доступа к слову в ментальном лексиконе;

4) сформулировать рабочую гипотезу исследования;

5) организовать и провести экспериментальное исследование, нацеленное на обнаружение особенностей доступа к контаминированному слову учебными билингвами;

6) на основе количественного и качественного анализа языковых фактов, полученных от испытуемых – носителей учебного билингвизма на разных этапах экспериментального исследования, выявить и описать основные стратегии и опоры, используемые при доступе к контаминанту;

7) установить факторы, влияющие на выбор Ии. той или иной стратегии;

8) построить модель идентификации контаминированного образования индивидом в условиях учебного двуязычия.

В соответствии с целью и задачами работы наряду с общенаучными *методами* исследования использовались: методы наблюдения, сравнения, анализа и синтеза, метод опросника (questionnaire), психолингвистический эксперимент с привлечением методик свободного ассоциирования и субъективного дефинирования, количественная и качественная обработка экспериментальных данных с последующим сопоставительным анализом результатов всех этапов экспериментов и обобщение теоретических и экспериментальных данных, метод моделирования.

Теоретической базой диссертационного исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных:

– в области изучения некоторых аспектов теории контаминации (G.A. Bergstrom, H. Marchand, J. Algeo, G. Cannon, H.A. Лаврова, O.A. Хрущёва, A.Ю. Мурадян и др.);

– в области исследования лингвокогнитивной структуры контаминантов (Е.С. Кубрякова, Н.А. Лаврова, О.М. Кобытова, Л.Г. Ефанова, Т.Р. Тимошенко и др.);

– в области психологии развития и психологии личности (Л.С. Выготский, Л.С. Рубинштейн, А.Г. Асмолов);

– в области исследования проблемы хранения и доступа к значению слова в ментальном лексиконе человека (Н.Р. Baayen, М. Taft, К.И. Forster, W.D. Marslen-Wilson, J.L. McClelland & J.L. Elman, М. Coltheart и др.).

Теоретическую основу исследования составили положения психолингвистической теории слова как достояния индивида, как средства доступа к единой информационной базе человека, разработанной А.А. Залевской [Залевская 2005]. Вслед за А.А. Залевской, под *идентификацией* понимается весь набор психических процессов, продуктом которых является субъективное переживание знания (понимания) того, о чём идет речь; готовность оперировать этим знанием с учётом разностороннего предшествующего опыта и эмоционально-оценочных нюансов, при постоянном взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и не поддающегося вербализации [Залевская 1990, 1992, 1999].

В работе используются результаты исследований представителей Тверской психолингвистической школы и их последователей, посвящённые изучению механизмов идентификации слова на различном материале, в том числе с привлечением двуязычных индивидов (Т.Ю. Сазонова, И.Л. Медведева, И.В. Новикова, Ю.В. Федурко, С.И. Корниевская, В.М. Беляева, М.А. Жолтикова, М.С. Овчинникова).

На становление позиции автора также повлияли работы Н.О. Золотовой, связанные с изучением психолингвистической специфики единиц ядра ментального лексикона [Золотова 2005 и др.], а также некоторые положения психолингвистической концепции неологии С.И. Тогоевой [Тогоева 1989] и результаты исследования параметра новизны лексической единицы в

индивидуальном сознании, представленные в работе Е.Н. Гришкиной [Гришкина 2017].

При формулировании гипотезы исследования автор опирается на теорию концептуальной интеграции и теорию ментальных пространств, лежащую в её основе [Fauconnier, Turner 2001].

Материалом исследования послужили данные серии психолингвистических экспериментов, в которых приняли участие студенты 1–4 курсов факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, изучающих английский как первый иностранный язык, а также студенты 1 курса магистратуры того же направления. Всего получено и проанализировано 1207 реакций на 22 стимула от 143 испытуемых (далее – Ии.). В качестве стимулов предъявлялись англоязычные и русскоязычные контаминированные образования. Экспериментальный список на первом этапе исследования включал в себя данные словарей “The Official Dictionary of Unofficial English” [Barret 2006], “Oxford Learner’s Dictionaries” [Oxford Learner’s Dictionaries [http](http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/)], “Collins English Dictionary” [Collins English Dictionary [http](http://www.collinsdictionary.com/)], а также контаминанты, отобранные методом сплошной выборки из Интернет-ресурсов, в том числе «Дар слова», «Неологизм года» и «Слово года» М.Н. Эпштейна [Эпштейн [http](http://www.epstein.ru/)]. Слова предъявлялись Ии. в порядке убывания частоты их использования в различных контекстах. Частотность стимулов определялась путём подсчёта количества обращений пользователей к поисковой системе Google при помощи платформы Google Trends [Google Trends [http](http://www.google.com/trends/)], а также web-приложения Keyword Tool [Keyword Tool [http](http://www.keywordtool.net/)].

Стимульным материалом на втором этапе исследования послужили контаминанты разных лексико-грамматических классов: существительные, прилагательные, глаголы и наречия, отобранные методом сплошной выборки из исследования [Danks 2003], основу которого составляют 4 лингвистических корпуса (Independent Newspaper corpus; корпус блендов, включающий в себя данные словарей, слова из средств массовой информации и др.).

Бланки с инструкциями для Ии., принявших участие в двухэтапном эксперименте, представлены в Приложениях 1 и 2 диссертации.

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что доступ к контаминанту в ментальном лексиконе, как правило, сопровождается процессом *дезинтеграции* «смешанного пространства», или *концептуальной дезинтеграцией* – процессом, обратным концептуальной интеграции в терминах Ж. Фоконье и М. Тёрнера [Fausonnier, Turner 2001]. Процесс идентификации контаминированного образования в этом случае сопровождается *ментальным реблендингом*, в результате которого образуется иное, индивидуальное / искажённое значение слова, которое, с одной стороны, наследует роли и свойства исходных ментальных пространств и, с другой стороны, приобретает собственную структуру, новые оттенки и смысловые нюансы под влиянием внутреннего и внешнего контекста.

В результате проведённого исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие **теоретические положения**.

1. Специфической особенностью идентификации контаминанта при поэлементном / поморфемном доступе является стратегия восстановления слов-источников. При восприятии контаминанта как целостного образования, т.е. без предварительного доступа к элементам (цепочкам графем / морфемам), входящим в его состав, приоритетной опорой выступает графический облик слова.

2. Лексические характеристики контаминанта влияют на модель доступа к нему как единице ментального лексикона. Поэлементный доступ к значениям контаминированных образований обусловлен: а) его низкой частотностью по данным задействованных корпусов; б) мотивирующей морфемой, воспринимаемой Ии. как высокочастотная. При прямом (непосредственном) доступе к контаминанту как целостному образованию определяющим является: а) его высокая частотность; б) знакомость слова; в) ситуация, в которой мотивирующие элементы контаминанта соотносятся с другим, хорошо знакомым словом («графическим соседом»).

3. Выбор носителем языка той или иной идентификационной стратегии обусловлен рядом факторов, условно подразделяемых на две категории: а) факторы, связанные с лексическим статусом контаминанта, выраженностью его лексических характеристик, к которым относятся: степень усечённости компонентов слова, орфографическое сходство с другими высокочастотными «соседями», влияние словообразовательных морфем; б) факторы, связанные с личностно-психологическими особенностями носителей учебного билингвизма, воспринимающими контаминант, такие как объём фоновых знаний, уровень лингвистической компетентности, степень социокультурной эрудиции.

4. При доступе к контаминанту происходит «расщепление» находящихся в состоянии слияния ментальных пространств, которое, как правило, сопровождается семантическим сдвигом, приводящим к образованию новой лексической единицы с иным, индивидуальным / искажённым значением. Процесс «переосмысления» значения предлагается обозначить термином «ментальный реблендинг», подразумевающим вторичное объединение распавшихся ментальных пространств, что может рассматриваться как начало нового этапа концептуальной интеграции.

Научная новизна исследования заключается в том, что автором впервые осуществляется изучение специфики процесса идентификации лексического контаминанта в новом ракурсе «ментальных пространств» Ж. Фоконье и М. Тёрнера для объяснения механизма опознания лексических единиц такого типа.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в развитие психолингвистической концепции ментального лексикона, в частности, расширяет представления о способах опознания слова учебным билингвом. Полученные результаты дополняют научную картину лексического доступа при двуязычии. Описание механизма «расщепления» контаминанта и процесса реблендинга с опорой на экспериментальные данные обогащает теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тёрнера.

Практическая значимость результатов проведённого исследования обусловлена возможностью их использования для разработки путей оптимизации

методов обучения английскому языку, в частности, формирования навыков сегментации слова при декодировании контаминанта, а также навыков «конструирования» гибридных слов для осознания креативного потенциала изучаемого языка. Результаты исследования могут быть использованы в спецкурсах и курсах лекций по проблемам психолингвистики, психолингводидактики, теории учебного двуязычия.

Основные положения исследования прошли *апробацию* в виде докладов на международных и научно-практических конференциях: X Международная научно-практическая конференция, посвящённая проблемам языковой коммуникации (Уфа, май 2018 г.); Международная научно-практическая конференция «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверь, 29-30 марта 2019 г.) с последующей публикацией материалов, а также на заседаниях кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета. По теме диссертационного исследования опубликовано 6 статей общим объёмом 3.1. п.л., 3 из которых – в изданиях, включённых в перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК МОН РФ.

Структура диссертации определяется спецификой поставленных задач, характером объекта и предмета изучения. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы (140 источников на русском и английском языках) и приложений.

Глава 1. КОНТАМИНАЦИЯ: ПРИРОДА ФЕНОМЕНА И ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ

1.1. Контаминация как языковой феномен и обозначающий его термин

В настоящий момент английский язык, так же как и многие другие языки, переживает «неологический бум» (*neological boom*) [Elina, Tibbenham 2009]. Появление таких словарей неолексикологии, как “The Longman Register of New Words” [Ayto 1990], “The Oxford Dictionary of New Words” [Knowles, Elliott 1997], “Cambridge Dictionaries Online Blog” [Cambridge Dictionaries Online Blog [http](http://)], “Wordspy” [Wordspy [http](http://)], “Macmillan Buzzword Dictionary” [Macmillan Buzzword Dictionary [http](http://)], “Urban Dictionary” [Urban Dictionary [http](http://)] и др. лишь подтверждает то, что количество новых слов стремительно растёт. При этом большинство словарей неолексикологии не фиксирует слова разговорно-оказионального характера, а именно такими являются около 80% лексических единиц современного английского языка. Данный процесс, прежде всего, связан с языковыми изменениями, вызванными преобразованиями в различных сферах общественной жизни, бурным развитием средств массовой информации, а также стремительным ростом научно-технического, экономического и культурного международного сотрудничества в условиях мировой интеграции и глобализации. Как утверждает Дэвид Кристал, язык всегда находится в состоянии изменения, и эти изменения влияют не только на то, как люди говорят, но и на любую человеческую деятельность [Crystal 2007: 367]. Если на фонетическом и грамматическом уровнях языка общественные изменения отражаются опосредованно, в течение долгого времени, то лексический уровень является наиболее мобильным и подвергается постоянным изменениям. В последние десятилетия исследование лексического уровня языка было вызвано интенсивным пополнением словарного состава языка новыми словами, активным словопроизводством и всплеском неузвального словообразования. В этих условиях основными источниками пополнения и обновления словарного запаса

явились не заимствования, а образование новых лексических единиц на базе родного языка путём использования разных способов словообразования с целью обозначения новых явлений действительности, предметов или понятий.

Результатом воздействия на английский язык «извне» стало ослабление (либерализация) нормативных правил употребления и образования языковых единиц, расцвет языковой игры и жаргонизация языка [Беляева 2013: 153]. На данном этапе одним из самых высокопродуктивных способов словообразования является контаминация (от лат. *contaminatio* – соприкосновение, смешение). Этот языковой феномен заключается в «объединении в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости» [Бельчиков 1990 цит. раб.: 238]. Получившееся новообразование включает в себя лексические значения обоих слов, от которых оно возникло. Появление в современном английском языке таких слов-гибридов, как *smexting* < *smoking* + *texting* (*рассылка сообщений во время перекура*) [Wiktionary [http](http://)], *dramedy* < *drama* + *comedy* (*комедия-драма*) [Urban Dictionary [http](http://)], *scientifiction* < *science* + *fiction* (*сайентификация, или проникновение науки во все сферы деятельности человека и общества*) [Wiktionary [http](http://)] и многих других объясняется огромной популярностью использования контаминантов в рекламе, журналах, газетах и кино, в художественной литературе и в разговорной речи. Это связано, прежде всего, со стремлением коммуникантов к краткости и выразительности, при этом сохраняя высокий уровень информативности высказывания, и к созданию юмористического или иных эффектов.

Неоспоримым остаётся факт того, что популяризации и распространению контаминации способствует в большей степени английский язык, так как именно на его основе на протяжении XX века создавалось огромное количество контаминированных слов. Влияние английского языка часто рассматривается как причина появления в современном русском языке контаминированных лексических образований [Земская 2011: 371], таких как *джеггинсы* (*модель штанов, которая сочетает в себе характеристики двух изделий – леггинсов и*

джинс) (англ. *jeggings* < *jeans* + *leggings* [Oxford Learner's Dictionaries [http](http://)]), *бранч* (*приём пищи, объединяющий завтрак и обед*) (англ. *brunch* < *breakfast* + *lunch* [Oxford Learner's Dictionaries [http](http://)]), *Брексит* (*выход Великобритании из Европейского союза*) (англ. *Brexit* < *British* + *exit* [Cambridge Dictionary [http](http://)]) и др. Однако кроме контаминаций на почве недавних заимствований в современном русском языке процессы контаминирования наблюдаются не только при словообразовании (например, *педолага* < *педагог* + *бедолага* [Эпштейн [http](http://)]), *брехлама* < *реклама* + *брехня* + *хлам* [Эпштейн [http](http://)]), но и при фразообразовании (например, «*хождение по внукам*» [Москвитин [http](http://)]). Контаминирование морфологических форм (например, *самый наилучший*) и синтаксических конструкций (например, *одеть юбку*) фиксируется как грамматическая ошибка, достаточно распространённая в разговорной речи. Всё это свидетельствует о том, что контаминация может рассматриваться как принцип взаимодействия единиц языка, реализующийся на разных его уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и фразеологическом.

Представляется целесообразным провести аналитический обзор работ, посвящённых изучению проблемы понимания «контаминации» как словообразовательного феномена с целью выяснения границ данного явления и выбора подходящего термина в качестве названия того, что мы называем «контаминацией».

Процесс образования контаминантов, так же как и природа контаминации трактуются в научной литературе по-разному. Это находит отражение в терминах, обозначающих обсуждаемое явление: словосращение, стяжение, слияние, вставочное словообразование, телескопия, *blending*, *fusion*, *conflation* и др. В свою очередь, лексические единицы, образованные в результате контаминации, называют «словами-спайками» (Н.Н. Амосова), «телескопами», «телескопными словами» (В.М. Лейчик), «вставками» (И.М. Берман), «словами-слитками» (С.В. Воронин), «словами-амальгамами» (И.Р. Гальперин), «сложносокращёнными» словами (Н.М. Шанский), «словами-композирами» (Н.Е. Касьяненко), «свёртками» (Э.Я. Алянская), «гибридными словами» (С. Ульман, В.М.

Костюков), «контаминантами» (Л.И. Полякова), «blends», «portmanteau words» (Г. Марчанд) и т.д. [Лаврова 2007: 5]. Как видно, в зарубежных изданиях терминологическая вариативность меньше, однако как зарубежная, так и отечественная номенклатура описывает одно и то же явление в словообразовании, а не его классификации.

Стоит отметить, что ни один из классов слов, существующих в языке, не имеет такого количества обозначающих его терминов как в отечественной, так и в зарубежной лингвистической литературе, как лексические единицы, являющиеся результатом процесса контаминации. С одной стороны, это говорит о недостаточной изученности данного языкового феномена в современной лингвистике, а с другой, это – объясняется предпочтениями разных исследователей при выборе того или иного термина для описания сути явления.

Контаминация является малоизученным способом словообразования, но не стоит и утверждать, что этот феномен в языке новый. Многие контаминированные слова, зарегистрированные в словарях сравнительно недавно, употреблялись задолго до того, как они были зафиксированы. Например, контаминант *galumph* < *gallop* + *triumph* был зарегистрирован в исследовании Дж. Бергстрема [Bergstrom 1906] в 1906 году, однако был использован Льюисом Кэрроллом в сказке «Алиса в Зазеркалье» в 1871 году. В этой связи можно полагать, что контаминация как способ словообразования существовала раньше, чем начала изучаться проблема семантики, структуры и статуса контаминированных единиц. По мнению многих зарубежных и российских учёных, случаи использования контаминации можно было обнаружить ещё в драмах, написанных на санскрите, в древнеримских и древнегреческих классических произведениях, а также в тексте Нового Завета. В период Средневековья принцип контаминации был применён во многих источниках английской поэзии. Однако своей кульминации этот языковой феномен достиг в период Возрождения, например, в языке У. Шекспира, чьи ««контаминационные усилия» ... никогда не лежат на поверхности, а, скорее, растворены в произведении, тесно связаны с его тематическим и идейным содержанием и потому требуют значительного внимания, глубины проникновения

и наличия специальных знаний для правильного прочтения» [Лаврова 2007 цит. раб.: 23].

Первые попытки изучения контаминации были предприняты в конце XIX века немецким младограмматиком Г. Паулем (1880) и лингвистом Г. Суитом (1892). Рассматривая язык как особый механизм деятельности индивидуальной психики, Г. Пауль определил её “as occurring when two synonymous items force themselves simultaneously into consciousness, thereby creating a new form in which elements of one form mingle with the elements of the other, as manifested partly in the phonetic form of single words and partly in their syntactic combination” (цит. по: [Cannon 1986: 725]). Г. Суит, в свою очередь, понимал данный словообразовательный способ как результат явления аналогии в группах, состоящих только из двух слов, которые оказывают взаимное влияние [Sweet 1892]. Несколько позже Дж. Бергстрем в своей работе [Bergstrom 1906] предположил, что подобное стяжение (*blending* or *contamination*) может быть результатом слияния любых частей исходных слов, а также синтаксических конструкций, считая, что достаточно большую роль в процессе образования контаминантов играет семантическое подобие исходных компонентов. Таким образом, эти учёные стали одними из тех, кто первым обратил внимание на различные аспекты проблемы контаминации, которые впоследствии были разработаны представителями различных лингвистических школ.

Исследователи вновь обращаются к изучению проблемы контаминации во второй половине XX века и рассматривают её в самом широком смысле, как и их предшественники. Г. Марчанд, вслед за Дж. Бергстромом, трактует этот языковой феномен как слияние частей слов в одно новое слово [Marchand 1960: 367]. Однако он не рассматривает контаминацию как словообразовательную модель, объясняя это тем, что контаминированные слова состоят из «субморфемных единиц» (см.: [Тимошенко 1976; Тарасова 1991]), или «квазиморфов» (см.: [Кубрякова 1974]). Как отмечается в работе [Лопатин 1977: 57], такие элементы слов участвуют «в выражении определенного значения, соотносимого с морфом в целом», однако не имеют «самостоятельную семантическую функцию» и

обладают лишь «формальной (морфонологической) значимостью», а потому лежат за пределами морфологии. Изучая контаминацию поверхностно, Г. Марчанд определяет созданные при её посредстве слова как простые и немотивированные: “*unanalysable, simple word, not motivated syntagma*” [Marchand 1960 цит. раб.: 451].

В более узком смысле явление контаминации представлено в работе Дж. Алджео [Algeo 1977], который считает, что к контаминантам можно отнести только те слова, которые были образованы путём наложения (*overlap*) или усечения (*clipping*). Если хотя бы одна часть слова не была укорочена в процессе комбинирования, то такая лексическая единица будет относиться не к блендам, а к сложным словам. Дж. Алджео, как и Дж. Бергстрем, придерживается мнения, что доминирующую роль при формировании контаминанта играет семантический аспект и что подобные слова создаются в большинстве случаев благодаря ассоциативным связям между исходными словами (например, *Octembre < October + November*).

Г. Кэннон также подчёркивает важность семантического сходства слов, входящих в состав контаминированного образования [Cannon 1986]. Он утверждает, что контаминанты (в терминологии учёного «бленды») часто образуются из двух синонимов или близких по смыслу слов. Исследователь Г. Кэннон определяет данный феномен как вложение (складывание) двух или более отдельных форм в одну лексическую единицу. Бленды обычно образуются путём наложения и сохраняют значение, по крайней мере, одного из исходных слов, несмотря на то, что иногда корневые морфемы настолько потеряны, что бленд не поддается декодированию.

На существенную роль графемно-фонемного подобия компонентов, участвующих в создании нового слова, обратил внимание С. Грайс [Gries 2004]. Он рассматривает процесс образования контаминантов как процесс слияния слов, в котором либо одна, либо обе лексические единицы были укорочены в результате междусловного наложения. Подобно С. Грайс, С. Кеммер отмечает значимость фонематических наложений, фонологической и фонематической похожести,

подчёркивая, что эти свойства повышают меткость и красноречивость выражения [Kemmer 2003].

Что касается отечественных лингвистов, то они фокусируют своё внимание на проблеме исследования контаминации в середине XX века в связи с ростом интереса к новым данным об изменениях в словарном составе языка. Ряд учёных, таких как Т.Р. Тимошенко [1976], А.Ю. Мурадян [1978], Л.А. Тарасова [1991], Е.Б. Черкасская [1971], Ю.П. Ермоленко [2007], Н.А. Лаврова [2011], О.А. Хрущёва [2009] и др. признают рассматриваемое явление самостоятельным способом словообразования. Т.Р. Тимошенко отдаёт предпочтение термину «телескопия» и отводит телескопным образованиям промежуточное положение между классическими линейными моделями (предполагающими расширение исходного слова, например, аффиксация) и нелинейными (предполагающими преобразование исходного слова, например, конверсия) [Тимошенко 1976]. Суть телескопии (*telescoping*), или «вставочного словообразования» (*blending*), заключается в «слиянии двух (или более) усечённых основ или слиянии полной основы с усечённой основой, в результате которого образуется новое слово, полностью или частично включающее в себя значение всех входящих в него структурных элементов» [Тимошенко 1974 цит. раб.: 180]. Похожее определение телескопии дают в своём совместном исследовании Т.Н. Астафурова и О.Н. Сухорукова, которые трактуют этот феномен как «самостоятельный способ словообразования в английском языке, представляющий собой слияние двух или более усечённых (осколочных) основ или слов, а также слияние полного слова / основы с усечённым (осколочным), в результате которого образуется новое слово – телескопическая единица, полностью либо частично совмещающая значение всех входящих в неё структурных компонентов» [Астафурова, Сухорукова 2006 цит. раб.: 130].

На особый, самостоятельный статус контаминации в словообразовательной системе современного английского языка обращает внимание и А.Ю. Мурадян, которая убедительно доказывает, что данное языковое явление (в терминологии лингвиста «словослияние») не следует отождествлять с такими способами

образования новых лексических единиц, как словосложение, комплексное сокращение и аббревиация. Она определяет контаминацию как «процесс создания нового слова, совмещающего в себе формы и значения двух уже существующих в системе языка слов с обязательным усечением, по крайней мере, одного из исходных слов и (или) наложением их в месте соединения» [Мурадян 1978б цит. раб.: 16]. Ю.П. Ермоленко рассматривает процесс образования контаминированных слов аналогичным образом, но предпочтение отдаёт термину «стяжение» [Ермоленко 2007].

Важность звуковой оболочки контаминантов отмечается в работе [Липилина 2006], где говорится, что внешняя форма слова-слитка, а именно «звуковая цепочка», может дать представление о возможных источниках многокомпонентной единицы и «навести» воспринимающего на правильное понимание её значения. В этой связи автор трактует структуру лексических слияний как «состоящую не из морфем или «осколков» морфов исходных компонентов, а из полнозначных лексем, представленных отдельными фрагментами» [Липилина 2006 цит. раб.: 89].

В работе Л.Г. Ефановой [Ефанова 2015] предлагается разграничить широкое и узкое понимание термина «контаминация». Анализ отечественных и зарубежных исследований, так или иначе связанных с проблемой контаминированных единиц, позволил Л.Г. Ефановой определить круг явлений, по отношению к которым используется термин «контаминация». Так, при широком понимании данного феномена к ним относятся: 1) смешанные способы словообразования; 2) словообразование по аналогии; 3) разные виды словотворчества; 4) соединение в одно целое двух ходовых выражений или пословиц и т.п. Узкое понимание значения термина представлено: 1) лексической контаминацией, возникающей при взаимодействии частей полнозначных слов; 2) морфемной контаминацией при наложении (аппликации) морфем; 3) «гибридными синкретичными образованиями» (причастиями, деепричастиями, порядковыми числительными, неопределенно-количественными словами) как одной из разновидностей морфологической контаминации и т.п.

Таким образом, в рамках узкого подхода учёный Л.Г. Ефанова исключает возможность контаминирования языковых единиц или их групп, не обладающих структурной организацией: фонем, способов словообразования, морфонологических моделей или лексико-грамматических классов слов [там же].

В числе значимых для контаминации параметров, способных оказать влияние на её результаты, автор называет условия и причины возникновения контаминантов. Так, среди основных условий, способствующих процессу контаминации, выделяются: 1) формальная близость; 2) функционально обусловленная возможность взаимозамены; 3) семантическая общность элемента одной единицы с соответствующим элементом другой единицы; 4) ассоциативная близость взаимодействующих единиц [Ефанова 2015: 16].

Причинами возникновения контаминантов могут быть как ошибочное употребление языковых единиц, т.е. оговорки, так и сознательное (целенаправленное) их преобразование как инструмент языковой игры [Ефанова 2015: 17]. На основании приведённых Л.Г. Ефановой примеров можно предположить, что контаминанты, созданные в особых коммуникативных целях (в контексте), являются не оговорками, а результатом словотворчества. Вне контекста определить, является ли контаминант оговоркой или создан в особых коммуникативных целях, практически невозможно.

О трудностях разграничения смежных, но не всегда полностью синонимичных терминов, обозначающих явление, традиционно описываемое в отечественной литературе как «контаминация», говорится и в работе Н.А. Лавровой [Лаврова [http](http://)]. Автор перечисляет наиболее употребительные термины, характерные для зарубежных исследований, такие как «портмоне», «телескопия», «блендинг», «словосмешение» и «словослияние», отмечая, что номенклатура терминов, покрывающих то, что понимается им как контаминация, достигает тридцати обозначений. В поисках адекватного термина для обозначения объекта своего исследования, называемого контаминацией, автор обращается к истории появления термина, введённого в научный обиход Г. Паулем. Как уточняет Н.А. Лаврова, такое «традиционное в смысле своего возникновения» понимание

термина, наиболее полно соответствует обозначению того круга явлений, которые составляют научный интерес автора.

По мнению Н.А. Лавровой, выбор исследователем того или иного термина обусловлен как школой, к которой принадлежит учёный, так и соображениями благозвучия в зависимости от языка, на котором излагаются результаты исследования. Так, в американском языкознании наиболее распространённым является термин «бленд», в британском – «слова-телескопы» и «слова-портмоне», в российской традиции преимущественно используется термин «контаминация» [Лаврова 2014: 121].

Н.А. Лаврова также предпочитает разграничивать широкое и узкое («более строгое» в терминах автора) понимание контаминации. По её мнению, широкое толкование не противоречит традиционному пониманию контаминации, определение которой приводится автором по «Словарю лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, где контаминация рассматривается как «взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или к образованию новой (третьей) языковой единицы» (цит. по: [Лаврова [http](#)]).

«Более строгое», т.е. узкое понимание контаминации связывается Н.А. Лавровой с именем Е.В. Ильчука. Согласно этому подходу, контаминант должен состоять исключительно из словообразовательных осколков; при этом под словообразовательным осколком понимается произвольно выделенная часть слова, не являющаяся самостоятельным формантом и совпадающая либо со слогом, либо со структурными элементами слога (начало, ядро или код) [Лаврова [http](#)]. В соответствии с этой позицией такие синтаксические (*nothing else than a miracle – nothing but a miracle + nothing short of a miracle*) и семантические (*stable* – совмещение значения слов «конюшня» и «постоянный») образования не могут рассматриваться в качестве контаминированных. Представляется, что в своём исследовании Н.А. Лаврова придерживается более широкого понятия контаминации, так как считает, что этот термин может быть применён как для

описания явлений словообразовательного, так и семантического и синтаксического уровней [там же].

Словосращение как проявление контаминации на уровне слова изучается в работе О.М. Кориловой [Корилова 2010], где обсуждаются пять базовых критериев, способствующих отграничению слов-сращений от смежных понятий. К числу выделенных критериев автор относит: 1) графическую цельнооформленность (слитное или дефисное написание); 2) идеоматичность (фразеологичность) значения; 3) непреднамеренный характер соединения элементов сращения; 4) образование слов-сращений на основе словосочетаний; 5) сохранение в неизменном виде синтаксических связей внутри слов-сращений. Автор представляет процесс слияния (сращения) слов в рамках синтаксической конструкции как «постепенный переход от сочетания слов к фонетическому слову и далее к отдельной лексической единице» [Корилова 2010 цит. раб.: 18]. В результате такого слияния «значение, ранее соответствовавшее аналитической конструкции, начинает выражаться одним словом» [там же]. При этом «слово, грамматически оформленное как целое, не представляет собой сочетаний двучленов (биномов) из производящей основы и формообразующего элемента, а является последовательностью самостоятельных, сохраняющих свою значимость морфем» [Корилова 2010 цит. раб.: 19], что соответствует термину агглютинации (слипание значений слов). Однако в данной работе предпочтение отдаётся термину «словосращение», как указывает автор, «во избежание излишней неясности» [Корилова 2010 цит. раб.: 20].

Н.А. Шейфель в своей работе [Шейфель 2016] отдаёт предпочтение термину «блендинг» и говорит, что это языковое явление обладает некоторыми общими чертами с перечисленными выше понятиями, но в то же время содержит в себе ряд принципиальных отличий. Автор выдвигает идею о том, что при блендинге происходит осознанное, целенаправленное или окказиональное слияние двух или более усечённых основ исходных слов или полной основы с усечённой для создания нового слова. В инновационном бленде, в свою очередь, выражается суммарное значение входящих в его состав структурных элементов.

Видно, что многообразие проявлений контаминации как словообразовательной потенции языка способствуют существованию обширного перечня обозначений этого явления в научной литературе. Получается, что попытки строго дифференцировать случаи контаминации на логико-рационалистических основаниях связаны с метаязыковой деятельностью исследователя-лингвиста, понимающего контаминант как феномен языковой системы. Если рассматривать сущность изучаемого явления с точки зрения разных подходов, то можно обнаружить, что лингвисты отдают предпочтение терминам «контаминация», «телескопия», «стяжение» и др. как, прежде всего, окказиональным способам словообразования, в то время как представители когнитивно-коммуникативного подхода – термину «блендинг» как факту креативного мышления с установкой на самореализацию личности.

1.2. Подходы к изучению контаминированного образования

1.2.1. Контаминация с позиции лингвистического подхода

Вплоть до середины прошлого века отечественные лингвисты не рассматривали лексическую контаминацию как особый способ словообразования и указывали на пограничный характер данного языкового явления относительно других способов образования новых слов. Такие исследователи, как И.М. Берман [1959], Н.М. Шанский (1969), Е.И. Чаадаевская (1961) и др. полагали, что контаминация могла лишь тяготеть к одному из словообразовательных процессов, таких как аббревиация, словосложение или аффиксация, проявляя тенденции к отождествлению указанного феномена с одним или другим типом словообразования [Жлуктенко 1983]. Данный подход вполне понятен, так как в контаминации в той или иной степени присутствуют все указанные процессы. Дело в том, что многие особенности этих словообразовательных явлений совпадают: линейный характер языковых знаков, структурная цельнооформленность, функционирование в качестве самостоятельной единицы и др. Необходимо также отметить, что статус и терминология, используемая для

обозначения таких единиц, образованных путём сокращения мотивирующей единицы, до сих пор остаются дискуссионными ввиду присутствия в их составе словообразовательных элементов неоднозначной семантики.

Для того чтобы определить, в какой степени можно считать оправданным отождествление контаминации со словосложением (*compounding*), нужно разобраться в самой сути последнего, обратившись к его определению и основным отличительным характеристикам сложных слов. Значительную роль в разработке теории словообразования оказали такие российские учёные, как А.И. Смирницкий (1956), Е.С. Кубрякова (1965), Е.А. Земская (1973), В.В. Виноградов (1975), Н.М. Шанский (1977), И.В. Арнольд (1986), А.А. Реформатский (1998), Н.А. Янко-Триницкая (2001), а также зарубежные исследователи, такие как Л. Блумфилд (1935), О. Есперсен (1942), Г. Марчанд (1960) и др.

И.В. Арнольд даёт следующее определение словообразовательному способу сложения: «сложным словом (*a compound word*) называется объединение двух или, реже, трёх основ, функционирующее как одно целое и выделяющееся в составе предложения как особая лексическая единица, благодаря своей цельнооформленности» [Арнольд 1986 цит. раб.: 150]. Термин «цельнооформленность» (*structural cohesion*) был введён А.И. Смирницким [Смирницкий 1956] и может быть охарактеризован следующими признаками: графическим (слитное / дефисное / раздельное написание), фонетическим (наличие объединяющего ударения), морфологическим (наличие определённых словоформ), семантическим (наличие лексического, грамматического, структурного значения) и синтаксическим (способность выступать в позиции определённого члена предложения и сочетаться с определёнными классами слов). Для разграничения сложных слов и контаминантов предлагается оперировать следующими тремя критериями: графическим, фонетическим и семантическим.

Говоря о таком признаке цельнооформленности сложных слов, как графическое оформление, следует отметить его неустойчивость: часто одно и то же слово может иметь несколько вариантов написания (например, *redheaded*, *red-headed*, *red headed*). Фонетическая цельнооформленность, наряду с графической,

лишь усиливает «спаянность» компонентов сложного слова за счёт наличия объединяющего ударения и помогает отделить его от свободного словосочетания (ср. *blackbird* – дрозд и *black bird* – чёрная птица). Контаминанты имеют схожее строение (слитное написание), однако их отличительной особенностью является то, что при образовании данных единиц нарушается привычный облик узуального слова. Дело в том, что сложные слова обычно состоят как минимум из двух полноценных, неусечённых корневых морфем (например, *snowfall*, *rainbow*), тогда как контаминанты – из частей слов, или квазиморфов, и «характеризуются морфонологической особенностью соединения компонентов на стыке – наложением, усечением и вставками морфов» [Хрущёва 2009 цит. раб.: 96]. Характерная черта квазиморфов заключается в том, что они, в отличие от частей сложных слов, могут как совпадать со слогом, так и не совпадать, не обладают «обобщённым лексическим значением и не участвуют в образовании новых слов» [Лаврова 2009 цит. раб.: 100]. В состав контаминанта, помимо усечённой морфемы, могут также входить и неусечённые, как в случае со сложным словом. Например, такое лексическое новообразование, как *docudrama* будет являться результатом слияния слов *documentary* и *drama*. Всё же наличие хотя бы одного «осколочного» компонента в составе полиморфемного лексического образования будет указывать на контаминированную природу слова. На основе этого можно сделать вывод, что контаминанты не обладают настолько выраженной членимостью и семантической прозрачностью, которыми обладают сложные слова.

Критерий семантической целостности сложных слов базируется на том, что значение сложного слова часто не складывается из суммы значений его компонентов. Другими словами, элементы сложного слова, особенно если оно отличается идиоматичностью, не могут поменяться местами или соединиться каким-либо другим образом, при этом сохранив то же значение. Примером может послужить слово *blackboard*, которое переводится как «классная / школьная доска», а не «чёрная доска». Таким образом, понятия «мотивированность» и «идиоматичность» в данном случае можно считать синонимичными.

Всё же существует достаточно большое количество сложных слов, где структурные элементы легко распознаваемы и их значение выводится из значений составляющих единиц (например, *eyebrow*, *housewife*, *sunrise* и др.). Данный языковой факт позволяет рассматривать сложные слова с точки зрения их мотивированности и немотивированности [Хрущёва 2009: 97]. Если значение сложного слова извлекается из значений его составляющих (например, *sunrise* – *восход солнца*), то оно мотивировано, а если значение не может быть выведено из значений его компонентов, то оно немотивировано (например, слово *earthquake* не может восприниматься как *a quake of earth*). Контаминированные слова, в отличие от сложных, как считает О.А. Хрущёва, всегда являются мотивированными, что «обусловлено самим процессом создания подобных единиц, где ключевую роль играют стилистические принципы и приёмы, обеспечивающие успешную передачу информации в виде мотивирующей структуры слова, в которой соединяются как минимум два исходных слова посредством их усечения с возможным наложением и вставками морфов в соответствии с установкой на опознание производящих основ» [Хрущёва 2009 цит. раб.: 97].

Исходя из указанных показателей, можно сделать вывод, что контаминированные образования и сложные слова объединяет слитное написание и единое ударение. Однако наличие ряда существенных отличий, таких как степень членимости, семантическая прозрачность единиц, а также особенность соединения компонентов на стыке позволяет говорить о нетождественности понятий и языковой самостоятельности контаминантов.

Помимо отождествления контаминантов со сложными словами существует тенденция соотнесения контаминации с аббревиацией (*abbreviation*). Такие учёные, как Е.А. Земская [Земская 1973], И.И. Борисенко [Борисенко 1976], Е.А. Дюжикова [Дюжикова 1997], Т.А. Гридина [Гридина 2009] и др. рассматривают аббревиацию в широком смысле и понимают под ней «редукцию» исходных единиц, поэтому относят к этому способу словообразования любые процессы сокращения лексических единиц. Таким образом, в рамках указанного подхода контаминанты стоит считать одной из разновидностей аббревиатур. Однако ввиду

многочисленности и неоднородности определений сокращений данного типа, необходимо обратиться к принципам их классификации с целью выяснения места контаминации среди других видов компрессивного словообразования.

Е.А. Земская, рассматривая аббревиацию как процесс образования производного слова «на базе сочетания нескольких слов, которые входят в него не целиком, а частями, в сокращении», приводит классификацию наиболее распространённых видов этого способа словообразования. Она отмечает, что «в последнее время формируется ещё один вид аббревиатур. Производное составляется из начала первого слова сочетания и конца последнего *ра [диостан] ция, мо [товелоси] пед, пара [шют+аква] ланг = параланг*» [Земская 1973 цит. раб.: 272–273].

И.И. Борисенко для описания явления контаминации использует термин «стяжение», трактуя его как одно из явлений аббревиации. Исследователь понимает данный способ словообразования как «особый способ образования сокращённых лексических единиц, для которого характерны элементы морфологической аббревиации, а именно: стяжение в новое цельнооформленное слово начальных элементов одного слова и конечных элементов другого» [Борисенко 1976 цит. раб.: 19]. При этом учёный обнаруживает отличие стяжения от других видов аббревиации в факте наложения морфем (или отдельных элементов морфем) при образовании производного слова.

Н.Н. Алексеева исследует два типа процессов, приводящих к образованию сокращений, и поэтому выделяет две группы аббревиатур: слова, образованные в результате только процесса сокращения; и слова, образованные в результате комбинации сокращения с другими процессами (сокращения и сложения; сокращения и аффиксации; процесса сложения, сокращения и аффиксации; процесса сокращения и субстантивации) [Алексеева 1984: 3]. Согласно приведённой классификации, контаминанты целесообразно отнести ко второму типу образований.

Е.А. Дюжикова приводит наиболее полную классификацию аббревиатурных знаков, охватывающую все аббревиатуры современного английского языка.

Осознавая всё их структурное разнообразие, исследователь выделяет подтипы внутри каждого типа, в связи с чем классификация становится достаточно объёмной. При этом учёный относит контаминанты к сложнослоговым аббревиатурам, которые, в свою очередь, подразделяются на сращения (*Oxbridge* < *Oxford* + *Cambridge*), накладки (*bedventure* < *bed* + *adventure*) и вставки (*askillity* < *ability* + *skill*) [Дюжикова 1997: 8].

Е.С. Кубрякова использует в отношении контаминантов термин «слова-гибриды» и причисляет их к особому смешанному типу аббревиатур, наряду с буквенными, слоговыми и сложносокращёнными образованиями [Кубрякова 1965: 37–40]. Т.А. Гридина рассматривает контаминанты как слоговые аббревиатуры, которые образуются из сочетания начальных частей слов [Гридина 2009: 92].

Несколько отличный от традиционных подходов характер носит исследование Ю.В. Горшунова, который предлагает свою классификацию, делая акцент на когнитивном аспекте аббревиации. Он считает, что образование сокращений – это не простое механическое редуцирование формы, а «сигнал несколько иного восприятия мира, который берёт начало в более глубоком когнитивном процессе творческого характера, происходящем в сознании» [Горшунов 1999 цит. раб.: 25]. Автор выделяет три «измерения» (рациональное, или собственно когнитивное, эмоционально-оценочное и образное), которые в той или иной степени активизируются при создании любого слова. Таким образом, он разграничивает инициальные аббревиатуры (сокращения, образованные из названий первых букв и (или) звуков слов, входящих в исходное словосочетание [Хавкин 2015 <http>]) и контаминанты, наряду с усечениями и акронимами. К первым лингвист относит слова, которые образуются главным образом при участии рационального измерения и которые либо характеризуют по-новому уже известный предмет, либо служат для обозначения нового предмета. Однако при создании контаминантов происходит взаимодействие рационального и эмоционально-оценочного измерений. Исследователь полагает, что контаминанты «служат не только целям номинации, но и средством выражения комплексного

понятия, ранее не существовавшего или не имевшего словесного оформления, эквивалентного одной лексеме» [Горшунов 1999 цит. раб.: 25].

А.Ю. Мурадян и вовсе выступает против отождествления контаминации и аббревиации, считая, что указанные языковые явления относятся к разным способам словообразования. Она обосновывает свою точку зрения тем, что «нет основания лишать словослияние самостоятельного статуса только на том основании, что там происходит редукция форм исходных слов и конденсация их в универб» [Мурадян 1978а цит. раб.: 6]. В поиске принципиальных различий между сравниваемыми языковыми явлениями исследователь утверждает, что «аббревиации при словослиянии не происходит, так как не существует заданного системой языка исходного номинативного словосочетания, функционирующего параллельно со словом-слитком». В отличие от процесса аббревиации, «при словослиянии одновременно происходит процесс номинации явления и акт словообразования» [там же].

Что касается структурно-семантических особенностей обсуждаемых явлений, то, по мнению автора, аббревиация представляет собой более широкое понятие, чем контаминация. Она аргументирует это тем, что аббревиатуры могут быть сокращением одного, двух или более слов, в то время как контаминанты в основном состоят из двух слов [Мурадян 1978б: 134]. Случаи образования трёхкомпонентных контаминированных образований всё же есть, однако они немногочисленные. Кроме того, учёный видит отличие одного способа словообразования от другого в степени усечённости компонентов слов. По её оценке, большая часть аббревиатур английского языка усечена на 70%, в то время как для контаминантов характерно сокращение формы на 10-30% [там же: 134]. Другими словами, речь идёт о том, что контаминация, в отличие от аббревиации, обладает большей прозрачностью значения, которое может поддаваться декодированию. Аббревиатуры, в свою очередь, характеризуются максимальной экономией формы.

Наконец, последняя отличительная черта аббревиации, выделенная А.Ю. Мурадян, заключается в морфонологических явлениях, присутствующих при

слиянии усечённых фрагментов слов в производной форме. Так, в аббревиатурах происходит только амальгамирование («приклеивание») компонентов лексем (способ образования, при котором в соединяемых фрагментах нет общих звуковых элементов). Примером может послужить английское слово *CV* (*Curriculum Vitae* – краткая автобиография, резюме, биография), которое возникло в результате соединения начальных (инициальных) элементов слов. Однако при образовании контаминантов может происходить как амальгамирование (например, *fanzine* < *fan* + *magazine*), так и фузия (способ образования, при котором в соединяемых компонентах есть общие звуковые элементы) (например, *faction* < *fact* + *fiction*) [Мурадян 1978].

На необходимость разграничения двух словообразовательных явлений также указывает Ю.А. Жлуктенко, которая утверждает, что контаминация, «в отличие от аббревиатур, не имеет соответствия в свободных словосочетаниях, а образуется вследствие установления ассоциативных связей между двумя синтаксически обособленными словами» [Жлуктенко 1983 цит. раб.: 84]. Согласно этому подходу, контаминированное образование функционирует как самостоятельное слово, которое объединяет все другие, входящие в него значения. Аббревиатура, в свою очередь, представляет собой слово-заместитель, употребляющееся вместо и как синоним соответствующего развёрнутого словосочетания.

Т.Н. Николаева видит отличие контаминантов от аббревиатур в порядке следования и сочетаемости элементов внутри многокомпонентного слова. Так, типичным для аббревиации, члены которой, как и в случае с контаминацией, подвергаются усечению, является закреплённость порядка её составляющих. При контаминации, как правило, происходит изменение порядка следования компонентов, что влечёт за собой «семантический сдвиг, приводящий к возникновению новых по смыслу и различных по объёму слов» [Николаева 2009 цит. раб.: 99].

Альтернативный взгляд на проблему разграничения обсуждаемых понятий представлен в работе [Тимошенко 1975], автор которой считает, что

контаминация (в терминологии лингвиста «телескопия») не может быть отнесена ни к словопроизводству, ни к аббревиации, ни к деривации, а «занимает промежуточное положение между словосложением и аббревиацией» [Тимошенко 1975 цит. раб.: 45]. Она утверждает, что из-за своих специфических особенностей контаминация должна быть выделена «в пограничный, но отдельный способ образования новых слов» [там же].

Таким образом, несмотря на схожие структурные показатели, контаминанты и аббревиатуры всё же относятся к разным способам словообразования ввиду существенных различий в числе исходных фрагментов, порядке следования и сочетаемости элементов в производной единице, степени усечённости компонентов, семантической прозрачности значения и морфонологических явлений на стыке морфем.

Ещё один способ словообразования, с которым учёные склонны отождествлять контаминацию, – это аффиксация (*affixation*). Рассмотрение взаимосвязи этих способов словообразования необходимо ввиду наличия в составе контаминированного образования особого рода единиц, возникающих в результате перераспределения морфем внутри слова. В ходе изучения основных видов новообразований в современном английском языке такие исследователи, как И.М. Берман [Берман 1959], А.Ю. Мурадян [Мурадян 1978], Э.М. Дубенец [Дубенец 2003], Л.А. Тарасова [Тарасова 1991] и др. обнаружили тенденцию выделения частей некоторых слов и превращения их в словообразовательные морфемы, например: ‘tele-’, ‘auto-’, ‘-aholic’ / ‘-oholic’ / ‘-holic’, ‘-thon’, ‘-nik’, ‘-tainment’ и др. Помимо перечисленных регулярных аффиксов, или не уникальных морфем, существуют также уникальные, не встречающиеся в других контаминантах. Данные компоненты получили название «осколочные» элементы, чьи статус и терминология до сих пор остаются предметом дискуссий. Дело в том, что указанные фрагменты неоднородны по своему составу: они могут как совпадать с корнями (например, *foolosopher* < *fool* + *philosopher*), так и представлять собой усечение исходных слов (например, *snizzle* < *snow* + *drizzle*). Следствием различной природы «осколочных» элементов контаминантов

является то, что многие «осколки» могут трактоваться по-разному: либо как аффиксы (Д. Болинджер, Т.М. Беляева, Е.Б. Черкасская), либо как полуаффиксы (Л. Уэдом, Л.А. Хахам), либо как базовые элементы, выполняющие функцию аффикса (В.В. Борисов) [Тимошенко 1974: 182].

Так, Э.М. Дубенец, исследуя новообразования аффиксоидного типа, считает, что «во всех случаях наблюдается дефектная членимость, то есть происходит переразложение, перераспределение морфемного состава внутри слова, что ведёт к новому членению слова и к образованию новых словообразовательных моделей, которые могут закрепиться в языке, войти в состав словообразовательной системы английского языка. Таким образом, эти осколочные элементы, образованные путём лексического сокращения от полных слов, могут войти в состав словообразовательных морфем (становясь по функции суффиксами или префиксами)» [Дубенец 2003 цит. раб.: 75]. Всё же, несмотря на данное утверждение, учёный добавляет, что если у двух исходных слов есть общий звук и при наложении происходит аппликация этого звука, то такие лексические единицы стоит рассматривать в качестве контаминантов (например, *floatel* < *floating* + *hotel*).

Возможность отнесения к словообразовательным суффиксам «осколочных» элементов исходных слов, выделившихся в результате контаминации, также обсуждается в работе [Черкасская 1971: 9]. В качестве примера автор приводит элемент ‘-nik’, который в определённый момент «откололся» от слова *sputnik* и стал употребляться как вполне самостоятельный фрагмент со значением неудачного действия / провала. В этой связи исследователь пишет: «После первых неудач с запуском в космос искусственных спутников в США в английском языке появились такие слова, как *Kaputnik*, *flopnik*, *puffnik*, обозначающие предметы, которые не удалось запустить в космос или от которых не удалось избавиться» [Черкасская 1971 цит. раб.: 10].

Учёные Д. Болинджер и Т.М. Беляева рассматривают «осколочные» элементы типа ‘-tron’, ‘-cast’, ‘-mat’ ‘-teria’; ‘-atorium’ / ‘-torium’ в качестве словообразовательных суффиксов. С точки зрения Д. Болинджера, изменение

функциональной нагрузки морфем может произойти в случае «семантического выветривания» элементов слов [Bolinger 1943: 301]. Т.М. Беляева, в свою очередь, полагает, что фрагменты подобного рода могут участвовать в образовании многочисленных производных. Механизм образования контаминантов с помощью морфем ‘-atorium’ / ‘-torium’, имеющих значение «общественное место», проиллюстрирован автором на следующих примерах: *canditeria* – кондитерская, *washeteria* – прачечная (амер.), *автомойка* (брит.), *healthateria* – вегетарианское кафе [Беляева 1985: 98]. Таким образом, можно утверждать, что при создании контаминированных слов с аффиксоидами значительную роль играет аналогия.

Влияние аналогии на образование контаминантов обсуждается также в работе [Хасанова 2001], где процесс порождения новообразований аффиксоидного типа описывается следующим образом: «по аналогии к условно непроизводному слову возникает новое слово, имеющее в своем составе финаль исходного слова. Новообразование, сохраняя семантику слова-образца, имеет дополнительную семантику, отличающую его от исходного» [Хасанова 2001 цит. раб.: 299].

Иную точку зрения имеет Л.А. Хахам, которая относит обсуждаемые словообразовательные морфемы к полуаффиксам, выделяя, таким образом, категорию морфем промежуточного характера, соотносящихся с полнозначными единицами. В данную категорию исследователь включает полупрефиксальные элементы ‘para-’ (*parachute*), ‘auto-’ (*automatic*), ‘tele-’ (*television*) и полусуффиксальные элементы ‘-ocracy’ (*aristocracy*), ‘-crat’ (*democrat*), ‘-tel’ / ‘-otel’ (*hotel*) [Хахам 1967: 5].

Наконец, В.В. Борисов прослеживает тенденцию к созданию новых суффиксоподобных образований, когда в качестве суффикса выступает усечённый компонент слова. Однако, по мнению исследователя, вопрос о переходе суффиксоподобных элементов в полноправные суффиксы до сих пор остаётся нерешённым [Борисов 1969: 6].

Наряду с лингвистами, отождествляющими контаминацию с аффиксацией, существуют противники этой точки зрения, отрицающие существование

аффиксоидов. В работе [Хрущёва 2009: 100] данная точка зрения представлена трудами польского учёного Е. Томашевич, которая приводит следующие аргументы: во-первых, «осколки», присоединяясь к разным исходным словам, подвержены вариативности, что не свойственно аффиксам. Во-вторых, в отличие от аффиксов, которые присоединяются к самостоятельному слову, цельнооформленной основе, большинство полуаффиксов, имея неясный морфологический статус составляющих их сегментных компонентов, не могут считаться продуктивными. В-третьих, контаминанты создаются согласно принципу экономии языковых ресурсов, в то время как образование новой морфемы при помощи выделения её из имеющихся лексем противоречит данному положению.

Таким образом, «осколочные» элементы контаминированных образований могут считаться элементами промежуточного статуса, так как являются переходной формой между контаминацией, словосложением и аффиксацией. Однако не стоит недооценивать роль «осколков», а отметить их высокую продуктивность и достаточно широкое распространение в современном английском языке. Кроме того, не нужно исключать вероятность, что в будущем такие элементы смогут приобрести бóльшую самостоятельность и стать аффиксами.

Анализ различных точек зрения относительно статуса и места контаминации в словообразовательной системе современного английского языка позволил нам сделать вывод о том, что рассматриваемое явление представляет собой самостоятельную модель образования новых слов, не сводимую к смежным словообразовательным явлениям, таким как словосложение, аббревиация и сокращение ввиду своих специфических черт.

1.2.2. Лингвокогнитивный подход к пониманию феномена контаминации

Известно, что язык сегодня не рассматривается как некая абстрактная сущность, обладающая собственной жизнью. Являясь орудием общения и

средством обмена мыслями, он позволяет сообщать и хранить информацию о различных явлениях материальной и духовной жизни человека и общества в целом, о событиях прошлого и настоящего. Слова, используемые человеком в речи для обозначения различных предметов и явлений, отражают окружающую его действительность и, следовательно, происходящие в ней изменения. При этом слова не могут рассматриваться исключительно как «название» вещей, понятий, действий и т.д., потому что они как бы «пропускаются» через сознание индивидов и в процессе отражения приобретают некоторые специфические черты, свойственные конкретной лингвокультурной общности. Как отмечает М.М. Филиппова, «разные народы находят различные пути от внеязыковой реальности к понятию и, далее, к словесному выражению» [Филиппова 2008 цит. раб.: 106]. Она полагает, что различия в языке обусловлены, прежде всего, различиями в условиях жизни этих народов, а также различиями в их общественном сознании. В этой связи становится актуальным изучение языка как когнитивного механизма, обеспечивающего доступ к сознанию человека, а также связанным с ним когнитивным процессам – восприятию, памяти, воображению, эмоциям и мышлению.

Таким образом, особенности когнитивного подхода к языку заключаются в попытке рассмотреть «многие языковые процессы ... с позиций “человеческого фактора” и “когнитивной деятельности” (восприятия, использования, хранения и продуцирования информации)», при этом «когнитивная деятельность человека не только сводится к использованию уже существующих лексических единиц, но и включает способность формировать новые» [Абросимова 2012 цит. раб.: 18]. С позиций данного подхода человек выступает творцом языка, познавая новое вокруг себя и давая имена новым явлениям либо заменяя уже существующие названия понятий, в то время как язык, детерминируя способ мышления человека с самого детства, служит инструментом познания. Ещё в первой половине XX века Л.С. Выготский отмечал, что любой новый этап в развитии высших форм мышления возможен только с новым шагом в развитии содержания, ставящего перед мышлением более широкие задачи [Выготский 1930: 327].

Словообразование при таком понимании имеет большой потенциал возможностей выражения содержания. Как указывается в работе [Кубрякова 2004 цит. раб.: 393], «... словообразование следует рассматривать как систему обеспечения потребностей в выделении и фиксации особых структур знания, в объективации и экстерииоризации интериоризованных концептуальных структур ..., т.е. их “упаковки” в языковые формы, отвечающие определённым формальным и содержательным требованиям. Такой языковой формой и является производное слово, и именно как единицу хранения, извлечения, получения и систематизации нового знания и надо рассматривать эту единицу».

Изучению когнитивных механизмов, лежащих в основе формирования производных слов, посвящены исследования Е.С. Кубряковой, В.И. Заботкиной, Н.А. Лавровой, Е.А. Земской, О.К. Ирисхановой, Л.С. Абросимовой, Л.М. Борисенковой, Т.И. Вединой, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Ж. Фоконье, М. Тёрнера и др. В рамках данной парадигмы производное слово трактуется как сложноорганизованная система, где «каждая морфема несёт конкретное значение, предопределяя тот факт, что свойства всякого производного слова неповторимы и характеризуют его как уникальное явление» [Абросимова 2014 цит. раб.: 11]. Занимая позицию между элементарными и комплексными единицами в словообразовательной системе, такая лексическая единица выступает своеобразным медиатором деривационных отношений, т.е. она, с одной стороны, наделена способностью сохранять и удерживать своё первоначальное значение, а с другой – «запускать» процесс появления новых смыслов. В таком ракурсе обсуждаемые слова выступают результатом «сворачивания» множества умозаключений, определений и высказываний в компактную форму, задаваемую законами и правилами того или иного языка [там же]. Предполагается, что основная цель подобных преобразований состоит в том, чтобы выразить как можно больше информации при экономии языковых средств. Таким образом, можно сделать вывод, что для когнитивистов важным является не столько появление нового слова и закрепление его в словарном составе языка, сколько процесс «встречи» разнородных смысловых потоков и рождения новых значений,

которые не сводятся к простой перекомбинации старых. Как справедливо отмечает О.К. Ирисханова: «... любой акт вторичной номинации ... есть воплощение творческого переосмысления и конструирования мира» [Ирисханова 2005 цит. раб.: 44]. В этой связи словообразовательный акт представляется как «логически оправданный акт словотворчества, позволяющий проникнуть в глубь человеческого сознания, в тайны народного духа, в сложный процесс постижения и освоения мира природы и человека» [Вендина 2002 цит. раб.: 46].

Стоит отметить, что с когнитивной точки зрения контаминант представляет собой вторичную, или производную единицу. Предполагается, что такие единицы своей словообразовательной структурой должны отражать те объекты и явления окружающего человека мира, которые обрели для него определённую значимость и требуют номинации, т.е. создания новых лексических единиц. Однако как показано в исследовании [Заботкина 1989: 17], в отличие от большинства новых сложных слов, которые образуются с целью номинации новых объектов, явлений и артефактов, контаминанты образуются не с целью номинации принципиально нового понятия, а с целью синонимичной номинации уже существующего. В них, по большей части, заключены комментарии и оценка известных человеку вещей. При этом считается, что, «... чтобы укрепиться в языке, обновлённые номинации должны обладать некими преимуществами перед привычными названиями. К одному такому достоинству можно отнести прагматическую наполненность переименований. Релевантным может стать прагматический потенциал, то есть способность языковых средств к воздействию на реципиента» [Шемчук 2006 цит. раб.: 14–15].

В работе [Лаврова 2012 цит. раб.: 96] указывается, что «одним из наиболее удачных приёмов привлечения внимания и оказания прагматического воздействия является семантико-структурная конденсация», которая лежит в основе контаминации и является «одним из мощных механизмов языковой и речевой игры». В процессе создания контаминанта происходит соединение морфологических осколков полноценных словообразовательных морфем, при этом механизмы и результаты образования осколка «многочисленны,

индивидуальны и, как следствие, мало предсказуемы» [Лаврова 2012 цит. раб.: 93]. Стремление человека, с одной стороны, выйти за пределы «бытового языка», а с другой – отобразить все свойства и нюансы определённого явления, а также своё отношение к нему в новом лексическом образовании стали причиной появления огромного количества экспрессивных и эмоционально насыщенных контаминантов как в устной, так и в письменной речи (например, *putinomics*, *horrific*, *публичко*, *елеустремлённый человек*, *крысавица* и др.). При этом, по мнению Н.Д. Цыгановой, деформации подобного рода требуют от словотворцев «определённого бесстрашия», ведь «основное функциональное назначение таких единиц – создание антиштампа» [Цыганова 2014 цит. раб.: 135]. В большинстве случаев создание новой лексической единицы есть факт игрового поведения говорящего, который, в первую очередь, стремится добиться либо комического, либо эстетического эффекта. Предполагается, что подобная языковая игра призвана активизировать скрытые потенции языка и заставить воспринимающего «задержать» своё внимание и поразмышлять не только над какой-либо одной лексемой, но и над языком в целом. В этой связи Н.А. Лаврова высказывает мнение о том, что при образовании контаминантов всем творцам слов подобного рода следует придерживаться правила, заключающегося «в максимальной информативности и репрезентативности, то есть в сохранении такого количества морфем исходных слов, при котором декодирование контаминанта не затруднено или минимально затруднено» [Лаврова 2012 цит. раб.: 93].

Говоря о роли контаминации в системе словообразования, необходимо отметить, что, хотя образованные по этому принципу слова не относятся к числу общеупотребительных, а индивидуально-речевых средств лексики, можно сказать, что они раскрывают новые возможности языка, способствуя развитию его деривационного потенциала. Кроме того, такие образования позволяют по-новому взглянуть на привычные человеку предметы и явления окружающей его действительности.

С когнитивной точки зрения принято говорить о том, что новообразования, в частности – контаминанты, не столько отражают объективную

действительность, сколько репрезентируют то, каким образом определённый фрагмент действительности воспринимается человеком и отражается в его сознании [Кубрякова 2004]. В русле данного подхода процесс создания контаминанта представляет собой «процесс оперирования различными концептами, из которых избираются одни элементы, представленные в контаминанте, и маргинализируются другие» [Лаврова 2011 цит. раб.: 88]. С этой точки зрения, образование контаминированных лексических единиц есть результат сложного когнитивного процесса интеграции концептов (*conceptual blending*), механизм которого был подробно описан Ж. Фоконье и М. Тёрнером [Fauconnier, Turner 2001]. Теория концептуальной интеграции является логическим продолжением теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в основе которой лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – “сферы-источника” (*source domain*), пространства, из которого берётся описание, и “сферы-мишени” (*target domain*), пространства, описываемого метафорой [Лакофф, Джонсон 1990]. Предполагается, что “сфера-источник” и “сфера-мишень” обладают общими признаками, а продуктом метафоры является новое концептуальное пространство, появляющееся благодаря взаимодействию этих двух доменов [Лакофф, Джонсон 1990: 393]. Модель концептуальной интеграции G. Fauconnier и M. Turner имеет более сложную структуру, так как включает в себя, по меньшей мере, два исходных ментальных пространства (*Input Space 1, Input Space 2*), общее (родовое) пространство (*Generic Space*) и смешанное пространство, или бленд (*Blended Space*). Согласно данной теории, между исходными пространствами находится так называемое межпространственное отображение (*cross-space mapping*), соединяющее два (а иногда и более) сходных элемента, и общее пространство, которое содержит в себе элементы, единые для обоих исходных пространств в определённый момент развития концептуальной интеграции, и составляет часть бленда [Fauconnier, Turner 2001: 308]. Таким образом, исходные пространства – это независимые друг от друга ментальные пространства, соединение которых приводит к формированию нового ментального пространства – бленда. При этом

важно отметить, что бленд не выводится напрямую из всех составляющих исходных пространств. Как отмечает Т.Г. Скребцова, «он не тождественен ни одному из исходных пространств и не сводим к сумме их элементов» [Скребцова [http](#)]. Бленд заимствует из исходного пространства только часть структуры и образуется для понимания конкретной ситуации или контекста. Иными словами, значение контаминанта всегда динамическое, подвижное и часто непредсказуемое. Каждый раз одно и то же контаминированное образование осмысливается индивидом по-разному, поэтому может характеризоваться разными оттенками значения в зависимости от коммуникативных потребностей и установок коммуникантов.

Схему процесса концептуальной интеграции можно представить следующим образом (см. рис. 1).

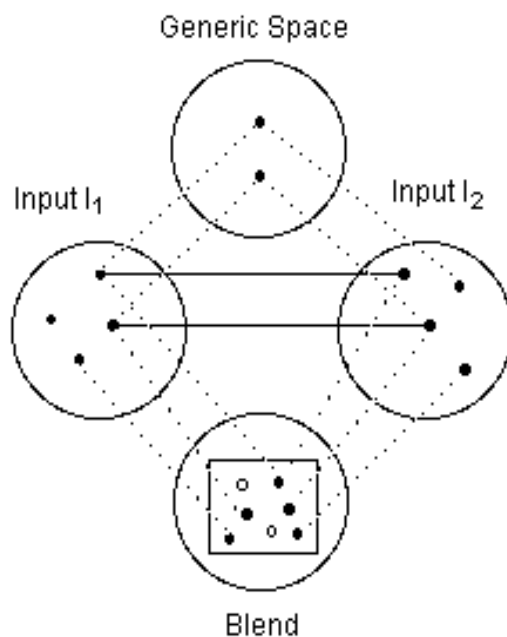

Рис. 1. Схема модели смешанного пространства в теории Ж. Фоконье и М. Тёрнера

В качестве иллюстрации образования семантики контаминанта с позиций теории концептуальной интеграции рассмотрим следующий пример: *brunch* (*breakfast + lunch*) (данный контаминант также фигурирует в экспериментальной части нашего исследования – М.А.). Первое исходное пространство, которое

эксплицировано в языке лексемой *breakfast*, выглядит следующим образом: *the first meal of the day, the morning meal*; второе исходное пространство, эксплицированное в языке лексемой *lunch*, включает в себя следующие элементы: *the main meal of the day, the midday meal, a usually light meal*. Таким образом, родовое (общее) пространство может быть представлено словом *meal*, в котором отображены сходные черты и сущности исходных пространств и которое в конечном итоге проецируется в смешанное пространство – *brunch*. Однако структура и семантика представленного концептуального бленда, согласно различным энциклопедическим данным, выглядит следующим образом: *combination of breakfast and lunch, and regularly has some form of alcoholic drink (most usually champagne or a cocktail) served with it [Wikipedia http]; it is usually larger than a breakfast and usually replacing both breakfast and lunch; it is most common on Sundays [Wikipedia http]; contraction of breakfast and lunch, usually occurring around the hour of 11 a.m., typically reserved for snobs and buddies who like tea and jam [Urban Dictionary http]*. Как видно, значение слова *brunch* гораздо более насыщенное и наделено различными коннотациями. Представляется, что в процессе когнитивной операции могут выделяться «неожиданные» элементы, которые не будут мотивированы ни одним из исходных пространств, но будут дополнять и конкретизировать значение бленда. Данный факт позволяет говорить о том, что «семантика большинства лексических блендов есть отражение лингвокреативного мышления и что такие бленды отражают новые элементы знания» [Лаврова 2013 цит. раб.: 126]. В этой связи необходимо отметить, что при проведении когнитивно-концептуального анализа контаминированного образования исследователю необходимо проверять значение каждого из концептов в предполагаемой концептуальной структуре слова, используя различные словарные источники, в том числе словари просторечной лексики.

Итак, согласно Ж. Фоконье и М. Тёрнеру, основная задача концептуальной интеграции заключается в том, чтобы, с одной стороны, «упростить», но в то же время укрепить наиболее существенные отношения между элементами исходных пространств и, с другой, соединить, свести несколько разрозненных понятий или

явлений к такой оптимальной форме, которая будет способствовать их адекватному осмыслению и пониманию.

В отечественной лингвистике теория концептуальной интеграции получила развитие в трудах таких лингвистов, как Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2004], О.К. Ирисханова [Ирисханова 2004] и др. Так, процесс блендинга был описан Е.С. Кубряковой следующим образом: «Из донорского пространства заимствуется в акте активизации его определённого узла необходимый признак будущего наименования (его мотив), целевое же пространство детерминирует общее категориальное значение рождающегося наименования. Наконец, когнитивное связывание точки исходного пространства с точкой целевого – *cognitive linking* – конкретизирует их соединение, их сплав в новое обозначение – *blend* – как интегрированное целое. Молниеносно осуществляемый выбор концепта из фрейма (первого члена пропозиции) в силу осознания потребности в новом (втором), с ним связанным определённой ассоциацией (функцией), ведёт к формированию пропозициональной структуры, которая по ходу её объективации может дать развёрнутое высказывание, но может – по требованиям осуществляемой дискурсивной деятельности – породить новое наименование» [Кубрякова 2004 цит. раб.: 345].

Рассмотренный процесс интеграции концептов представляется генетически связанным с таким явлением внутренней речи, как «слипание значений слов через агглютинации», о чём говорил Л.С. Выготский [Выготский 1934 цит. раб.: 390]. Наблюдения над эгоцентрической речью ребёнка позволили учёному назвать своеобразный способ объединения слов, обнаруженный в детских высказываниях, названный им «*вливанием*» смысла, который, по мнению Выготского, понимается одновременно в его первоначальном буквальном значении – «*вливание*» и его переносном, ставшим общепринятым, значении. Смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга, так что предшествующие как бы содержатся в последующем или его модифицируют [там же]. В сущности, вливание многообразного смыслового содержания в единое слово представляет собой всякий раз образование индивидуального, непереводаемого значения.

Об «уникальности слипания» под влиянием работ Выготского по вращиванию пишет и А.Г. Асмолов [Асмолов 2002]. Автор приводит примеры слипания, которые актуализованы в поэтических произведениях для детей К.И. Чуковского «Мойдодыр» и «Айболит», а также указывает на одного из героев Б.В. Заходера, имя которого было Щасвернус. Г.А. Асмолов обращает внимание на тот факт, что часто повторяемое Мойдодыр (мой-до-дыр) и Айболит (ай-болит) скрывает от нас тот факт, «как за этими словами проступает совершенно иное измерение реальности» [Асмолов 2002 цит. раб.: 424]. Комментируя примеры с Дон Кихотом и поэмой «Мёртвые души» Гоголя, которые использует Выготский для демонстрации «закона влияния смысла», А.Г. Асмолов формулирует суть агглютинации как процесса «упаковывания» значений и вырастания иных миров [там же].

Сам же Л.С. Выготский на примере «Мёртвых душ» демонстрирует механизм свёртывания смыслов следующим образом: «... подобно тому как весь многообразный смысл этой поэмы может быть заключён в тесные рамки *двух слов*, так точно огромное смысловое содержание может быть во внутренней речи влито в *сосуд единого слова*» [Выготский 1934 цит. раб.: 400; выделено мной – М.К.].

Таким образом, слово «репрезентирует такую развёрнутую структуру знания и такую сложную концептуальную структуру ..., которой человек оперирует с разными целями и потому “вытаскивает” разные значения из этой структуры и даже “смешивает” их» [Кубрякова 2007 цит. раб.: 369–370]. В этой связи языковую единицу стоит рассматривать как «подвижный, динамичный конструкт» [Заботкина 2009 цит. раб.: 340]. Как показывают результаты исследований в области когнитивной неологии [Заботкина 1989; 2006; Zabotkina 1997], формирование новых значений традиционных слов происходит, прежде всего, в дискурсе (в режиме реального времени) в результате употребления канонических слов в нетипичной ситуации, по мере развёртывания дискурса. При этом происходит дополнительное (часто оценочное) «приращение» смысла, или

так называемый семантический сдвиг, в результате которого возникает новый образный смысл.

При таком понимании язык не репрезентирует значение, а лишь помогает сконструировать его в определённом контексте в соответствии с определёнными культурными моделями и исходя из определённых когнитивных ресурсов [Fauconnier 2004]. В этой связи теория концептуальной интеграции представляется чрезвычайно продуктивной. Концептуальная интеграция является одной из наиболее общих когнитивных операций, в ходе которой исходные ментальные пространства при объединении создают новое интегрированное пространство. При этом образованное смешанное пространство не только наследует роли и свойства исходных ментальных пространств, но и приобретает собственную структуру, новые оттенки и смысловые нюансы под влиянием внутреннего и внешнего (понимаемого широко) контекста.

1.3. Идентификация слова в ментальном лексиконе: модели хранения и доступа к слову

Проблема опознания контаминированных образований связана с представлениями о хранении значений названных лексических единиц в ментальном лексиконе и доступе к ним. Как отмечает Т.Ю. Сазонова, единицы ментального лексикона – это «продукты комплексной переработки перцептивного, когнитивного, эмоционального и вербального опыта, хранящегося в памяти и используемого одновременно на всех уровнях сознания и подсознания» [Сазонова 1997 цит. раб.: 138–139]. Таким образом, автор предлагает рассматривать внутренний лексикон человека как сложную многоуровневую систему со своими организационными принципами. При этом учёный указывает на то, что данные, полученные в ходе анализа научной литературы, посвящённой проблеме организации ментального лексикона и идентификации слова, свидетельствуют о наличии определённой специфики восприятия.

Контаминанты представляют собой особую область исследования, интерес к которой обусловлен трудностью их идентификации в силу того, что они не являются общеупотребительными единицами, соответственно, не относятся к пласту высокочастотной лексики и воспринимаются индивидами как новые. Исследовательский опыт учёных Тверской психолингвистической школы показал, что процесс идентификации незнакомых / «плохо» знакомых слов происходит медленнее, чем знакомых, что позволяет эксплицировать отдельные этапы этого процесса [Тогоева 1989; Сазонова 1993; Федурко 2008; Корниевская 2012; Саркисова 2014]. Представляется, что в ситуации встречи с подобного рода словами основные усилия индивида будут направлены на поиск различных опор и знакомых элементов, способных вывести его на смысл. Сложность изучения процессов идентификации психологической структуры значения слова состоит в том, что многие из них происходят неосознанно, автоматически, поэтому не поддаются прямому наблюдению, в связи с чем судить о них можно только по их продуктам – промежуточным и конечным [Корниевская 2012]. Иными словами, в условиях естественной речевой коммуникации индивид не задумывается о том, какие стратегии и опоры он использует для опознания и понимания слова. Таким образом, перед исследователем встаёт задача моделирования операций и речевых механизмов, «обеспечивающих перцептивное восприятие слова, его поиск в памяти, а также решение когнитивных задач» [Сазонова 2000 цит. раб.: 7].

Предлагаем более подробно остановиться на определении понятия «идентификация». Данный термин, широко используясь современными исследователями, трактуется в зарубежной и отечественной научной литературе по-разному. При первом подходе акцент делается лишь на распознавании визуального (часто только перцептивного) стимула. При этом считается, что «доступ к значению слова осуществляется только тогда, когда стимул идентифицирован полностью» [Сазонова 2000 цит. раб.: 8]. Отечественные учёные, в свою очередь, придерживаются более широкой трактовки понятия «идентификация слова», оперирование которым предполагает обозначение всего ансамбля психических процессов, продуктом которых является субъективное

переживание знания (понимания) того, о чём идёт речь; готовность оперировать этим знанием с учётом разностороннего предшествующего опыта и эмоционально-оценочных нюансов, при постоянном взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и не поддающегося вербализации. Основанием для такого понимания содержания термина послужила разработанная А.А. Залевской психолингвистическая теория слова как достояния индивида и средства доступа к единой информационной базе человека (см. об этом: [Залевская 1990; 1992; 1999]). В рамках данной концепции некоторые исследователи считают возможным условное разграничение следующих стадий всего процесса идентификации: «доступ к слову – узнавание слова – идентификация слова» [Залевская 1998: 12–13], таким образом выделяя начальный, промежуточный и конечный этапы восприятия слова. В этой связи становится очевидным, что интерес учёных направлен на изучение того, «что лежит за словом у пользующегося им человека в актах и процессах означивания (семиозиса) и идентификации» [Золотова, Комарова 2008 цит. раб.: 72].

Аналогичный подход к проблеме распознавания и понимания слова представлен в работе [Корниевская 2012], где фигурируют такие ключевые понятия, как «доступ к слову», предполагающий «извлечение слов из ментального лексикона», и «процедура поиска слова, или лексический выбор», трактуемый автором как «решение о том, какую лексическую единицу и на каком языке выбрать, чтобы при этом она соответствовала замыслу высказывания». При этом лексический выбор, с точки зрения С.И. Корниевской, «осуществляется в две стадии: на первой стадии имеет место выбор лексического и синтаксического узлов, на второй – фонологической формы слова» [Корниевская 2012 цит. раб.: 9].

Процесс доступа к слову в ментальном лексиконе является предметом многочисленных исследований как отечественных, так и зарубежных авторов. Это находит отражение в терминах, обозначающих обсуждаемое явление: *лексический доступ*, *лексический поиск*, *лексический выбор*, *lexical access*, *lexical encoding*, *lexicalization*, *lexical retrieval*, *lexical choice* и др. Изучая основные модели лексического доступа в контексте истории вопроса, Дж. Филд выделяет три

следующие традиции: модульную (дискретную), приоритет контекстной информации над перцептивной и теорию распространяющейся активации [Филд 2012]. Согласно первой модели, которая соответствует метафоре «снизу вверх» (*Bottom-up Method*), обработка информации осуществляется на разных уровнях, при этом процесс декодирования сообщения идёт от наименьших единиц («снизу») в сторону всё более крупных («вверх»). Иначе говоря, сначала последовательность звуков распознается на уровне фонем, затем обработка переходит на уровень слогов, далее задействуется уровень слов и т.д. При этом отмечается, что переход на следующий уровень переработки возможен только тогда, когда переработка на предыдущем уровне полностью завершится. Важным является также то, что модульные модели не предполагают обратной связи между уровнями.

Модель чтения «снизу вверх» противопоставляется модели «сверху вниз» (*Top-down Method*). Согласно второму подходу, знания более высокого (концептуального) уровня влияют на обработку на низшем (перцептуальном) уровне. Данные о преимуществе какой-либо одной модели противоречивы. Некоторые авторы полагают, что путь «сверху вниз» используется только для проверки информации, обрабатываемой на пути «снизу вверх», другие утверждают приоритет обработки «снизу вверх», считая, что контекстная информация вовлекается только при получении достаточных данных снизу [Филд 2012: 130–158]. Наконец, часть исследователей убеждена, что более точными способами понимания смыслового восприятия являются интерактивные модели чтения и слушания, объединяющие в себе черты двух предыдущих подходов, которые взаимодополняют друг друга. По мнению сторонников данного метода, владение всей информацией повышает эффективность принятия решений.

Отдельно следует сказать о так называемой каскадной модели «двух путей» М. Колтхарта и его коллег (*Dual Route Cascade Model*) [Coltheart et al. 2001]. В этой модели предполагается существование двух путей обработки информации – фонологического и лексического. По лексическому пути осуществляется параллельное кодирование слова как целостной перцептивной единицы, а по

фонологическому – его последовательное кодирование как орфографически упорядоченной единицы, в которой определённым графемам (зрительно воспринимаемым буквам и их сочетаниям) соответствуют определённые фонемы. Оба пути содержат возможность обратного влияния на эффективность распознавания отдельных букв, однако графемно-фонемный путь оказывает влияние через посредство уровня зрительного распознавания целых слов.

Одним из наиболее актуальных и сложных вопросов в области восприятия и распознавания звучащей речи является вопрос о сегментации речевого потока [Фёдорова, Шаврыгина [http](#)]. Стоит отметить, что традиционно при изучении восприятия устной речи исследуется то, как индивид идентифицирует отдельные звуки языка, в то время как при изучении распознавания устной речи затрагивается проблема идентификации целых слов. Такое строгое разделение этих двух научных областей хоть и является обоснованным, но в какой-то степени искусственно. Считается, что в процессе естественной коммуникации невозможно сначала воспринимать звуки, а потом складывать из них слова.

Всё многообразие современных моделей восприятия и распознавания устной речи принято условно разделять на два больших класса: долексические и лексические. В рамках долексических моделей исследуются «акустические характеристики звуков или их дистрибутивные свойства» [Фёдорова, Шаврыгина [http](#)]. В работе указанных авторов делается предположение о том, что «при определении границ между словами слушающий активно опирается на просодические свойства слов, а именно, что каждый сильный слог является потенциальным началом нового слова» [там же]. Учёные опираются на результаты исследования [Cutler & Norris 1988], в основу которого легла стратегия метрической сегментации речи, предполагающая, что слова с ударением на первом слоге обрабатываются быстрее и легче, чем слова с ударением не на первом слоге.

В книге [Филд 2012] указывается, что долексическая стадия обработки сообщения наступает до начала поиска соответствий между поступающей информацией и единицами лексикона. Слушающий распознает в речевом сигнале

отдельные фонемы, руководствуясь их ключевыми признаками. Однако существует альтернативное предположение о том, что сигнал обрабатывается именно так, как он поступил, без вычленения промежуточных (фонемных) единиц, т.е. цельнооформленно.

Согласно другому подходу [там же], единица обработки должна быть крупнее фонемы и поэтому менее вариативной. В качестве такой единицы можно рассматривать слог, полуслог и дифон (комбинацию из двух пограничных фонем). Важно отметить, что в английском языке не всегда представляется возможным чётко обозначить границу слога, так как некоторые звуки внутри слова не могут быть отнесены ни к первому, ни ко второму слогу и представляются частью обоих (например, звук /m/ в слове *lemon*).

Вопрос о выделении в качестве единиц восприятия фонем или слогов до сих пор остаётся открытым. Одни исследования показывают, что слоги распознаются быстрее, чем фонемы: сначала слова анализируются по слогам и только потом разбиваются на фонемы. В ходе дальнейших экспериментальных исследований был сделан вывод о том, что двусложные слова распознаются быстрее слогов. Таким образом, можно предположить, что скорость распознавания зависит от размера единицы. Представляется, что критика в отношении большинства результатов сводилась к тому, что они отражают *распознавание* слога в связной речи, а не *восприятие* его на более раннем автоматизированном этапе [там же].

В рамках лексического подхода исследователи высказывают мнение о том, что «в процессе установления границ между словами уже активно используется информация о самих этих словах» [Фёдорова, Шаврыгина [http](http://)]. К числу таких моделей относится, прежде всего, модель В.Д. Марслен-Вильсона, который предположил, что слова в ментальном лексиконе упорядочены по их начальным сегментам [Marslen-Wilson 1984]. Данный принцип явился основой для так называемой «когортной модели», предполагающей, что доступ к слову осуществляется путём последовательного перебора списка слов-кандидатов, организованного по их начальным фонемам. На начальном этапе распознавания слова одна или две первые фонемы активируют в памяти человека все слова,

начинающиеся таким же образом. По мере поступления дальнейшей сенсорной информации активация одних кандидатов повышается, а других – снижается, что приводит к сужению когорты слов на распознавание. Процесс сужения происходит до тех пор, пока из всех возможных кандидатов остаётся одно слово, соответствующее сенсорному сигналу. Например, согласно теории «когорты», восприятие звуковой цепочки [iksp] сопровождается отбором в лексиконе слушающего ряда лексических единиц – *expire, expect, explode, explain, express* и т.д. Все они активируются, но если следующим слышимым звуком окажется [r], активация слова *express* достигнет «критической точки», и оно будет отобрано как единственно соответствующее поступающей информации. Активация других слов при этом снизится. Лексическое решение будет считаться принятым, если окажется, что цепочка уникальна и дальнейший её анализ «избыточен». Процедура верификации лексических гипотез может закончиться, если окажется, что дальнейшее пополнение цепочки приведёт к формированию кандидата, отсутствующего в лексиконе (см. об этом: [Филд 2012: 103]). Таким образом, вслед за О.В. Фёдоровой, мы полагаем, что предложенная В.Д. Марслен-Вильсоном «когортная модель» устного распознавания слова может быть условно разделена на следующие этапы: 1) стадию доступа, в ходе которой генерируется когортный ряд кандидатов; 2) стадию селекции, в результате работы которой из этого ряда выбирается один элемент; 3) стадию интеграции, в ходе которой семантические и синтаксические свойства выбранного слова передаются для построения синтаксической структуры целого высказывания [Фёдорова 2008].

Основываясь на результатах собственных экспериментальных исследований, Т.Ю. Сазонова отмечает, что «когортная модель» наиболее полно объясняет экспериментально наблюдаемые факты. Однако исследователь также обращает внимание на то, что при сужении когорты особую роль играет взаимодействие ряда факторов, в том числе принадлежность слов к некоторому классу, опознание определённой словообразовательной модели [Сазонова 2000: 55].

Согласно другой модели устного распознавания слова, предложенной авторами McClelland & Elman, – коннекционистской модели TRACE [McClelland, Elman 1986], построение когортного ряда не обязательно должно происходить слева направо, как в модели Марслен-Вильсона. В модели TRACE возможны и такие слова, которые совпадают с одним из кандидатов по последним звукам слова (например, *крышка – мартышка*).

Для целей нашего исследования наибольший интерес представляет процесс восприятия редко или ранее не встречавшихся индивиду слов, а именно контаминированных образований, и как осуществляется доступ к их значениям. Необходимо отметить, что контаминанты являются многокомпонентными образованиями, включающими в себя несколько элементов, поэтому правомерным считается отнесение данных единиц к морфологически сложным словам. Представляется, что репрезентация контаминанта в лексиконе должна быть сходна репрезентации других морфологически сложных слов.

Опираясь на исследование [Taft 2014], можно сказать, что контаминантам соответствуют сложные репрезентации, т.е. в лексиконе представлены как отдельные морфемы (например, *definitionary < define + dictionary*), так и смысловые и структурные связи между ними. В соответствии с данными особенностями и происходит идентификация таких единиц: в процессе идентификации осуществляется доступ к морфемам, составляющим контаминированное образование. Предполагается, что носители языка обладают знанием морфологических правил, которые они стратегически используют в процессе идентификации морфологически сложных слов.

Противоположная точка зрения представлена в исследовании [Baayen 2002], где выдвигается идея о том, что морфологически сложные слова могут храниться в лексиконе независимо от базовых форм, от которых они были образованы. Соответственно, доступ к ним может осуществляться непосредственно, без предварительного доступа к морфемам, входящим в их состав. В работе [Штерн 1992] установлено, что признаки целостности у слов свидетельствуют о том, что

слова могут восприниматься в сознании человека как гештальты. Автор объясняет данный языковой факт хранящимися в памяти перцептивными эталонами слов.

Аналогичный взгляд на изучение проблемы доступа к слову в ментальном лексиконе представлен в книге [Филд 2012], где описываются модели последовательного и альтернативного (параллельного) доступа, предложенные К. Форстером. Согласно первой модели, хранящиеся слова обрабатываются поочередно (одно за другим) до тех пор, «пока для слышимого или читаемого слова не будет найдено соответствие» [Филд 2012 цит. раб.: 70]. В ходе поиска границы сужаются и сводятся к подгруппе слов в лексиконе. Все слова группируются на основе сходства форм и модальности по «ячейкам», внутри которых и осуществляется доступ к тому или иному слову. При этом считается, что на расположение слов в ментальном лексиконе и на время, затраченное на выбор нужного значения, влияет не только сходство форм слов, но и частотность: известно, что высокочастотные слова распознаются быстрее, чем низкочастотные, так как, считается, что в ячейке они расположены «выше».

Что касается модели альтернативного доступа, предполагается, что он осуществляется параллельно: в ходе поиска из лексикона извлекается большое количество похожих слов, которые одновременно сопоставляются с читаемым или слышимым словом. При этом слова находятся в состоянии конкуренции друг с другом, которую описывают как активацию лексических единиц. При восприятии цепочки букв или звуков начинается поиск возможных соответствий в лексиконе. Важно отметить, что единицы лексикона активируются в разной степени. Например, активация слова усиливается, если оно является высокочастотным, а также имеет меньше слов-конкурентов, и наоборот.

Т.Ю. Сазонова считает, что вопрос о последовательном или параллельном характере обработки информации является очень важным, так как «окончательной целью построения любой модели должно являться описание того, как обрабатывается стимул в целом, а не просто на отдельном этапе» [Сазонова 2000 цит. раб.: 19]. Автор отмечает, что во время последовательной обработки стимул поочередно обрабатывается на каждом этапе, в то время как при

параллельной обработке может происходить одновременная трансформация множественных источников информации. Однако Т.Ю. Сазонова утверждает, что вопрос о последовательном или параллельном характере обработки должен обсуждаться для каждого этапа отдельно.

Особое внимание стоит уделить зарождению нового в экспериментальной психолингвистике научного подхода к изучению процессов восприятия и понимания слов, фокусирующего внимание на перцептивных и начальных когнитивных стадиях анализа, в ходе которых создаются языковые репрезентации. Так, в исследовании [Васильева 2019] обсуждается возможность морфемного анализа при так называемой парафовеальной обработке слова (*parafoveal processing*). Под парафовеальной обработкой учёный понимает зрительное восприятие слова в отсутствии фиксации на нём. Считается, что при таком предварительном восприятии (*parafoveal preview*) происходит извлечение информации о низкоуровневых признаках слова, таких как его длина, орфографический и фонологический облик, слоговая структура. Как указывает М.Д. Васильева, возможность извлечения более высокоуровневой информации при парафовеальной обработке слова, то есть данных о его значении или морфемном строении, пока остаётся предметом споров. Однако результаты существующих экспериментальных исследований показывают, что такой «предпросмотр» играет важную роль в последующем распознавании слова и «может служить весомым аргументом в пользу обязательного раннего морфемного анализа» [Васильева 2019 цит. раб.: 207].

В своей работе исследователь ограничивается изучением двух направлений: исследований, в основе которых лежит метод регистрации движений глаз (*eye-tracking method*); и исследований, опирающихся на методику невидимой границы (*boundary paradigm*). Как указывает автор, первый подход позволяет выявить связь между морфемным строением слова и местом первой фиксации. Так, в ходе анализа данных, полученных из корпусов записей движений глаз при чтении текстов, было обнаружено, что при обычном чтении предложений первая фиксация на слове, как правило, слегка смещена от центра слова влево. Считается,

что такое местоположение является наиболее оптимальным для успешного распознавания производных слов. В то же время экспериментальные исследования, проведенные на материале сложных английских слов, показали несколько другой результат. Учёные выяснили, что в подобного рода единицах первая фиксация расположена чуть дальше вправо по сравнению с суффиксальными и производными словами той же длины. В этой связи М.Д. Васильева высказывает предположение о том, что длина может являться одной из характеристик слова, которая извлекается при парафовеальной обработке и влияет на место первой фиксации. В подтверждение этой идеи она ссылается на исследование [Алексеева, Слюсарь 2017], авторы которого пришли к выводу, что длина влияет не только на перцептивную стадию обработки слов, но также коррелирует с рядом лингвистических параметров. По мнению учёных, чем короче слово, тем у него меньше аффиксов, как и слогов, и поэтому больше квазиомографов, или орфографических соседей. Иначе говоря, информация о длине совместно с орфографическим кодом может влиять на отбор кандидатов в процессе доступа к распознаваемой единице [Алексеева, Слюсарь 2017: 9].

В рамках второго подхода предполагается, что размещение невидимой границы на месте морфемной границы в сложных словах позволяет оценить, насколько предпросмотр второго корня может повлиять на фовеальную обработку первого корня. Ссылаясь на результаты экспериментов, проведенных финскими учёными, автор пишет, что «частичный предпросмотр второго корня по сравнению с условием идентичности увеличивает длительность обработки первого корня» [Васильева 2019 цит. раб.: 214]. Кроме того, было обнаружено, что «данный эффект сильнее для сложных слов с низкочастотным первым корнем, чем для сложных слов с высокочастотным первым корнем» [там же].

В статье также рассматривается вопрос относительно вклада семантики в парафовеальную морфологическую обработку. Отмечается, что до недавнего времени считалось, что активация семантических признаков слова при его парафовеальной обработке не происходит. Однако по более поздним предположениям учёных, выделение морфем в слове в отсутствие активации

семантических признаков на этапе парафовеального восприятия могло бы служить косвенным аргументом в пользу моделей распознавания слова, где морфемный анализ является обязательным этапом, который предшествует семантической обработке слова. Таким образом, по мнению лингвиста, вопрос о наличии или отсутствии параллельной парафовеальной семантической и морфологической обработки пока остаётся открытым [там же].

Итак, в ходе сопоставления имеющихся моделей, связанных с исследованием лексического доступа, можно сделать вывод о том, что разные модели имеют различные сильные и слабые стороны. Предполагается, что данные теории должны объяснить пути интеграции множественных источников информации в процессе обработки стимула. В то же время многочисленные противоречия свидетельствуют об ограниченности информационно-процессуального подхода к проблеме поиска слова в памяти. Однако Т.Ю. Сазонова убеждена, что моделирование процессов поиска значения слова в ментальном лексиконе с позиций функционирования слова как достояния индивида, с учётом психической деятельности человека поможет преодолеть эти противоречия [Сазонова 2000].

Выводы по главе 1

1. Контаминация представляет собой самодостаточный лингвистический термин, не являющийся полностью синонимичным таким терминам, как «телескопия», «портмоне», «словослияние», «словосмешение», «блендинг». При рассмотрении сущности изучаемого явления с точки зрения разных подходов было обнаружено, что лингвисты отдают предпочтение терминам «контаминация», «телескопия», «стяжение» и др. как, прежде всего, окказиональным способам словообразования, в то время как представители когнитивно-коммуникативного подхода – термину «блендинг» как результату креативного мышления с установкой на самореализацию личности.

2. В главе 1 раскрывается суть широкого и узкого подходов к определению понятия «контаминация». При широком подходе данный термин может быть использован для описания явлений как словообразовательного, так и семантического и синтаксического уровней. Узкий подход предполагает, что контаминант должен состоять исключительно из словообразовательных осколков; при этом под словообразовательным осколком понимается произвольно выделенная часть слова, не являющаяся самостоятельным формантом и совпадающая либо со слогом, либо со структурными элементами слога.

3. Контаминация представляет собой самостоятельную модель образования новых слов, не сводимую к смежным словообразовательным явлениям, таким как словосложение, аббревиация и аффиксация ввиду своих специфических черт, а именно: степени усечённости компонентов, числа исходных фрагментов, порядка следования и сочетаемости элементов в производной единице, семантической прозрачности единиц, особенностей соединения компонентов на стыке и др.

4. Контаминанты, являясь вторичными, или производными единицами, образуются не с целью номинации принципиально нового понятия, а с целью синонимичной номинации уже существующего. Отличительной особенностью таких слов является то, что они, с одной стороны, наделены способностью сохранять и удерживать своё первоначальное значение, а с другой – «запускать»

процесс появления новых смыслов. Основная цель создания контаминированных образований заключается в том, чтобы заполнить как денотативные, так и экспрессивно-стилистические лакуны.

5. Образование контаминированных лексических единиц есть результат сложного когнитивного процесса интеграции концептов (*conceptual blending*). В результате слияния двух (а иногда и более) исходных ментальных пространств формируется новое ментальное пространство – бленд. При этом бленд не выводится напрямую из всех составляющих исходных пространств, а заимствует только часть их структуры и образуется для понимания конкретной ситуации или контекста. В процессе когнитивной операции могут выделяться «неожиданные» элементы, которые не будут мотивированы ни одним из исходных пространств, но будут дополнять и конкретизировать значение бленда. Данный факт позволяет говорить о том, что семантика большинства лексических блендов есть отражение лингвокреативного мышления носителей языка и культуры.

6. Под термином «идентификация» в зарубежной научной литературе понимается процесс распознавания визуального (часто только перцептивного) стимула. Согласно данному подходу, доступ к значению слова достигается только тогда, когда стимул идентифицирован полностью. Предложенная А.А. Залевской психолингвистическая теория слова как достояния индивида и как средства доступа к единой информационной базе человека привела к более широкой трактовке термина «идентификация слова», оперирование которым предполагает обозначение всего ансамбля психических процессов, продуктом которых является субъективное переживание знания, т.е. понимание того, о чём идёт речь с учётом разностороннего предшествующего опыта и эмоционально-оценочных нюансов, при взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербализованного и невербализованного [Залевская 1990; 1992; 1993; 1999]. Моделирование процессов идентификации слова с позиций теории лексикона предполагает условное разграничение нескольких стадий этого единого процесса: доступ к слову – узнавание слова – идентификация слова [Залевская 1998].

Глава 2. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КОНТАМИНИРОВАННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ

2.1. Вопросы организации экспериментального исследования процесса идентификации контаминантов искусственными билингвами

2.1.1. Цель, задачи и методика экспериментального исследования

Выявление особенностей идентификации контаминированных образований требует обращения к индивидуальному сознанию рядового носителя языка и культуры с помощью экспериментальных методик. С этой целью нами был проведён психолингвистический эксперимент с носителями учебного (русско-английского) билингвизма.

Эксперимент служит основным способом верификации гипотез в психолингвистике. Как показывает исследовательский опыт учёных Тверской психолингвистической школы, при восприятии малознакомых или незнакомых слов увеличивается опора на элементы слова и уменьшается его восприятие как целостного образования [Тогоева 1989; Сазонова 1993; Родионова 1994; Медведева 1999; Новикова 2011]. Иначе говоря, знакомое слово чаще воспринимается как целостная единица, а в случае восприятия незнакомых единиц преобладает стратегия поэлементного анализа.

В настоящей работе приводятся примеры контаминантов, которые характеризуются инновационностью и могут обозначаться как инновационные бленды (см. об этом: [Лаврова 2013]). Представленные лексемы, за редким исключением, не входят в состав авторитетных традиционных словарей, таких как Oxford Dictionary of English или Cambridge Dictionary, поэтому можно с большей долей уверенности предполагать, что данные единицы относятся к периферии ментального лексикона, а не к ядерным (центральным) или приядерным слоям (см. об этом: [Золотова 2005; Залевская 2012a]). Как показано в работе [Гришкина 2017 цит. раб.: 47–48], «... чем отдалённее лексическая единица от ядра, тем

отчётливей её степень периферийности, тем менее знакомо и значимо такое слово для индивида». Автор утверждает, что при встрече с плохо знакомыми или неизвестными словами в сознании носителей языка возникает «ощущение необычности» слова, или так называемое «ощущение новизны» (см. также об этом: [Тогоева 1990]), которое служит своеобразным когнитивным маркером для отнесения лексемы к категории новой и переосмысления имеющейся информации на подсознательном уровне. Фактически речь идёт о субъективной новизне слова, которая напрямую связана с ментальным лексиконом носителя языка и его жизненным опытом. Ощущение нового возникает как психическая реакция на взаимодействие с лексической единицей, ранее не пережитой индивидом и отсутствующей в его языковом опыте. При этом учёные [Тогоева 1990; Гришкина 2017] отмечают, что «ощущение новизны» может быть присуще каждой лексической единице с позиций общей концепции ментального лексикона, так как оно непосредственно связано с восприятием слова конкретным носителем языка. С этой точки зрения контаминант, представляя собой единицу мета-семиотического означивания, т.е. единицу вторичной номинации, является источником возникновения у индивидов чувства нового и часто трактуется ими как незнакомое или плохо знакомое слово.

Таким образом, экспериментальные приёмы исследования являются важной составляющей психолингвистики в изучении языкового сознания носителей разных языков и культур, так как они приоткрывают исследователям доступ к индивидуальному речемыслительному опыту человека и позволяют выявить психологически реальную структуру значений языковых единиц. Метод психолингвистического эксперимента обладает достаточной объективностью, статистически усредняя полученные массовые данные, а также предоставляет информацию об исследовательском объекте, которую нельзя получить другими способами. В подтверждение этой идеи приведём слова А.А. Леонтьева, который считал, что «... лингвистика ... не может замкнуться в рамках языкового стандарта. Она должна изучать языковой стандарт, соотнося его как с языковым процессом, так и с языковой способностью» [Леонтьев 1965 цит. раб.: 58].

2.1.2. Процедура проведения эксперимента. Характеристика испытуемых

В ходе исследования были использованы методики свободного ассоциативного эксперимента, субъективного дефинирования и методика морфемного анализа слова (см. Приложения 1 и 2). Исследование проводилось в два этапа. Во время экспериментов № 1 и № 2 (далее Э1 и Э2) испытуемые были разделены на две условные группы. В Э1 первой группе было дано задание записать ассоциации к словам-стимулам без ограничения на выбор языка и количество реакций, а второй было предложено объяснить значение каждого стимула. В Э2 первой группе нужно было дать толкование словам-стимулам, а второй – записать, из каких слов (частей слов) могли состоять предъявленные многокомпонентные единицы. Кроме того, все Ии. должны были пояснить, является тот или иной стимул известным (поставить "+") или нет (поставить "-"), и в случае знакомости слова указать, в каких областях оно могло им встречаться.

Необходимо отметить, что в Э1 слова предъявлялись Ии. в определённой последовательности неслучайно. При отборе стимульного материала на первом этапе был учтён фактор частотности. Важно было выяснить, влиял ли данный критерий на процесс опознания и извлечения контаминантов из ментального лексикона индивидов. В Э2 список стимулов включал в себя контаминированные образования разных лексико-грамматических классов: существительные, прилагательные, глаголы и наречия, содержащие в своей структуре различные аффиксы. Основной целью второго этапа исследования было проследить влияние частотности морфемы на процесс идентификации изучаемых единиц.

В качестве Ии. выступили студенты 1-4 курсов факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, изучающие английский язык в качестве специальности по направлению «Лингвистика», а также студенты 1 курса магистратуры того же направления, обучающиеся по программам «Теория обучения иностранным языкам и межкультурная коммуникация» и «Управление международными

проектами». Общее число Ии., принявших участие в Э1 составило 30 человек, в Э2 – 113 человек, все они могут рассматриваться как искусственные билингвы, знакомые в той или иной степени с элементами англоязычной культуры. По гендерному принципу анализ не проводился.

Всего по итогам всех заданий экспериментов от Ии. было получено 1207 ответов (568 субъективных дефиниций, из них 204 отказа; 197 свободных ассоциаций, из них 18 отказов; 442 словообразовательные реакции, из них 116 отказов). Количественные характеристики проведённых экспериментов представлены в таблице (см. табл.).

Таблица. Количественные данные Э1 и Э2

Номер эксперимента	Этап обучения	Кол-во Ии.	Общее кол-во ответов	Общее кол-во отказов
№ 1 (2018)	студенты 1 курса магистратуры	30	381	34
№ 2 (2019)	студенты 1-4 курсов бакалавриата	113	826	304
			Общее кол-во реакций: 1207	

2.1.3. Отбор стимульного материала для исследования

Проблема опознания контаминированных образований связана с представлениями о хранении значений единиц такого рода в ментальном лексиконе и доступе к ним. Контаминанты являются многокомпонентными образованиями, включающими в себя несколько элементов, которые проходят процесс усечения или наложения и объединяются в единую лексему, поэтому правомерным считается отнесение данных лексических единиц к морфологически сложным словам. Представляется, что репрезентация контаминанта в лексиконе должна быть сходна репрезентации других морфологически сложных слов. Известные на сегодняшний день модели доступа к хранению и извлечению значений слов в ментальном лексиконе [Baayen 2002; Taft 2004; Филд 2012] дают

нам возможность предположить, что опознание контаминанта, как и любой другой сложно репрезентированной единицы, осуществляется двумя способами: либо непосредственно, т.е. без предварительного доступа к морфемам, входящим в их состав, либо через идентификацию отдельных составляющих. То, какой именно способ будет применён в каждом конкретном случае, зависит от соотношения ряда психолингвистических факторов, ведущими из которых, очевидно, являются степень знакомости единицы для индивида и её субъективная частотность, которые взаимообусловлены.

Вслед за Н.О. Золотовой [Золотова 2005; 2015] под субъективной частотностью слова мы понимаем субъективную оценку частоты встречаемости слов, которую дают в психолингвистических экспериментах испытуемые – рядовые носители языка и культуры – и которая не всегда совпадает с данными частотных словарей. Взаимообусловленность субъективной частотности с другими психолингвистическими параметрами значения слова, которые связаны с его психической жизнью, выражается в психологической ценности слова для носителя языка, его «активности» в ментальном лексиконе, лёгкости извлечения из памяти, использования в качестве слов-идентификаторов в когнитивной деятельности индивида. То, что переживается индивидом как «знакомость», «привычность», «известность» при встрече с определенного рода словами, позволяет носителю языка воспринимать их как частотные [Золотова 2005: 106]. Наиболее «знакомыми» словами для испытуемых оказываются, как правило, «обыденные», или «обиходные», слова [Золотова 2015: 5–6]. Слова, которые с точки зрения носителей языка являются плохо знакомыми или неизвестными, обычно расцениваются ими как субъективно низкочастотные, обладающие «субъективной новизной».

С целью выявления особенностей идентификации контаминированных образований носителями учебного билингвизма и установления факторов, влияющих на выбор стратегий, используемых Ии. при доступе к единицам такого рода, нами был проведён психолингвистический эксперимент в два этапа. Стимульным материалом на первом этапе исследования послужили 12

англоязычных и русскоязычных контаминантов, разделённых на три категории. Первую категорию составили следующие лексические единицы: *Brangelina* (*Brad* + *Angelina*), представленный в “Oxford Learner’s Dictionaries” [Oxford Learner’s Dictionaries [http](http://)], *chillax* (*chill* + *relax*) – в “Collins English Dictionary” [Collins English Dictionary [http](http://)], а также *thrillionaire* (*thrill* + *millionaire*) и *catastroika* (*catastrophe* + *perestroika*) – в англоязычном словаре “The Official Dictionary of Unofficial English” [Barret 2006]. Вторая категория стимулов включала в себя недавние транслитерированные англоязычные заимствования в русском языке, сохранившие форму: *бранч* (англ. *brunch* < *breakfast* + *lunch* [Oxford Learner’s Dictionaries [http](http://)]), *Брексит* (англ. *Brexit* < *British* + *exit* [Cambridge Dictionary [http](http://)]), *джеггинсы* (англ. *jeggings* < *jeans* + *leggings* [Oxford Learner’s Dictionaries [http](http://)]) и *фаблет* (англ. *phablet* < *phone* + *tablet* [Wikipedia [http](http://)]). Третья состояла из русскоязычных единиц, таких как *жритель* < *жрать* + *зритель*; *филолух* < *филолог* + *олух*; *пермьзан* < *Пермь* + *пармезан*; *дивчайна* < *девушка* + *China*. Стимулы последней группы были отобраны методом сплошной выборки из Интернет-ресурсов, в том числе «Дар слова», «Неологизм года» и «Слово года» М.Н. Эпштейна [Эпштейн [http](http://)]. Первичный отбор экспериментального материала (как англоязычного, так и русскоязычного) был обусловлен спецификой учебного двуязычия, характеризующегося попеременным функционированием двух или более языковых систем в сознании билингва и выражающегося в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного.

В настоящем эксперименте контаминанты каждой категории стимулов были расположены в порядке убывания частоты их использования. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что контаминированные образования обладают статусом единиц периферийных слоёв ментального лексикона, поэтому в частотных словарях они не зарегистрированы. В этой связи нами были использованы данные словаря “The Official Dictionary of Unofficial English” (G. Barret), в содержание которого входит не только значение контаминанта, но и частота встречаемости слова в разных контекстах с указанием даты, источника и автора публикации. Кроме того, частотность предъявленных в эксперименте

стимулов определялась путём подсчёта количества обращений пользователей к поисковой системе Google при помощи платформы Google Trends [Google Trends [http](http://)]. Данное web-приложение на графике отображает динамику «популярности» запрашиваемых слов с течением времени. На вертикальной оси фиксируется относительная, выраженная в процентах, частота встречаемости слова в различных контекстах. Горизонтальная ось показывает временной интервал исследования (в данном случае с 2004 года по настоящее время).

Анализируя график изменения частотности слов-стимулов, относящихся к первой группе (см. рис. 2), мы пришли к выводу, что лидером по количеству запросов стал контаминант *Brangelina*, интерес к которому не спадал на протяжении всего временного интервала и достиг своего максимума (100%) в сентябре 2016 года в связи с появившейся во многих СМИ информацией о разводе звёздной пары. Контаминант *chillax* характеризуется сравнительно небольшим числом поисковых запросов (max 31%). Наименьшей частотностью обладают слова *thrillionaire* и *catastroika* (max 3% за период с апреля 2012 года по ноябрь того же года). Для определения более точного частотного разрыва между последними двумя лексическими единицами был проведён экспресс-анализ поисковых запросов по «ключевым словам» с помощью web-приложения Keyword Tool [Keyword Tool [http](http://)]. Данный сервис отображает количество запросов не только по отдельным словам, но также по словосочетаниям и близким темам. На основании полученных количественных данных нам удалось сделать вывод, что контаминант *thrillionaire* является более частотным, чем *catastroika* (19 и 11 уникальных ключевых слов соответственно). Анализ семантического ядра Google сайтов, осуществлённый этим же приложением, показал, что большинство запросов по слову *thrillionaire* было связано с публикацией книги, а по слову *catastroika* – с упоминанием двух документальных фильмов, которые, очевидно, не нашли должного отклика у мировой публики.

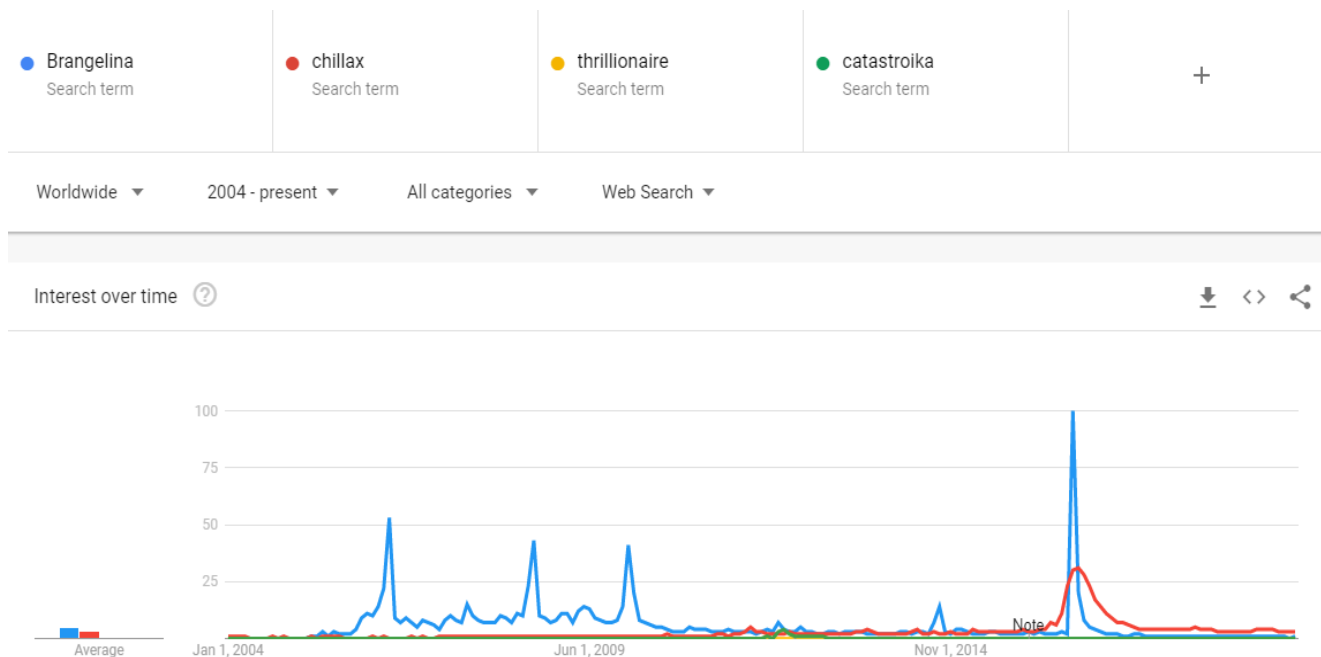

Рис. 2. Динамика частотности англоязычных контаминантов 'Brangelina', 'chillax', 'thrillionaire' и 'catastroika' за период с 2004 года по настоящее время

Вторая категория стимулов, как известно, также представлена в порядке убывания частоты использования соответственно. Согласно данным, отображённым на графике (см. рис. 3), самым часто запрашиваемым словом на заданном временном интервале стал контаминант *бранч*. Пик «популярности» этого явления пришёлся на 2004 год и был связан с активным использованием слова не только в ресторанной индустрии, но и в средствах массовой информации. Что касается таких контаминированных образований, как *Брексит* и *джеггинсы*, то в ходе подсчёта количества поисковых запросов в процентном соотношении представлялось сложным определить точный частотный разрыв между данными понятиями в связи с различными показателями горизонтальной и вертикальной осей графика. Например, на вертикальной оси графика максимальная относительная частота встречаемости слова *Брексит* в русскоязычном культурном пространстве была зафиксирована в июле 2016 года и составила 67%, но уже в августе того же года наблюдалось значительное падение «популярности» слова до 3%. Дальнейший незначительный всплеск запросов в сети Интернет наблюдался в период с октября 2018 года по декабрь 2019 года (max 27%) и был

связан с очередным кризисом, сложившимся вокруг ситуации с выходом Великобритании из Евросоюза. Контаминант *джеггинсы* и вовсе не имел высоких показателей поисковых запросов (max 20%), однако интерес к данному явлению продолжал сохраняться на протяжении относительно долгого периода времени (с июля 2009 года по настоящее время). В этой связи мы снова воспользовались сервисом Keyword Tool, который определил, что контаминант *Брексит* является более частотным, чем *джеггинсы* (271 и 190 уникальных ключевых слов соответственно). Самым «незнакомым» стимулом для пользователей браузера Google оказался контаминант *фаблет* (max 7%), что говорит, прежде всего, о небольшом / отсутствии интереса к данному понятию.

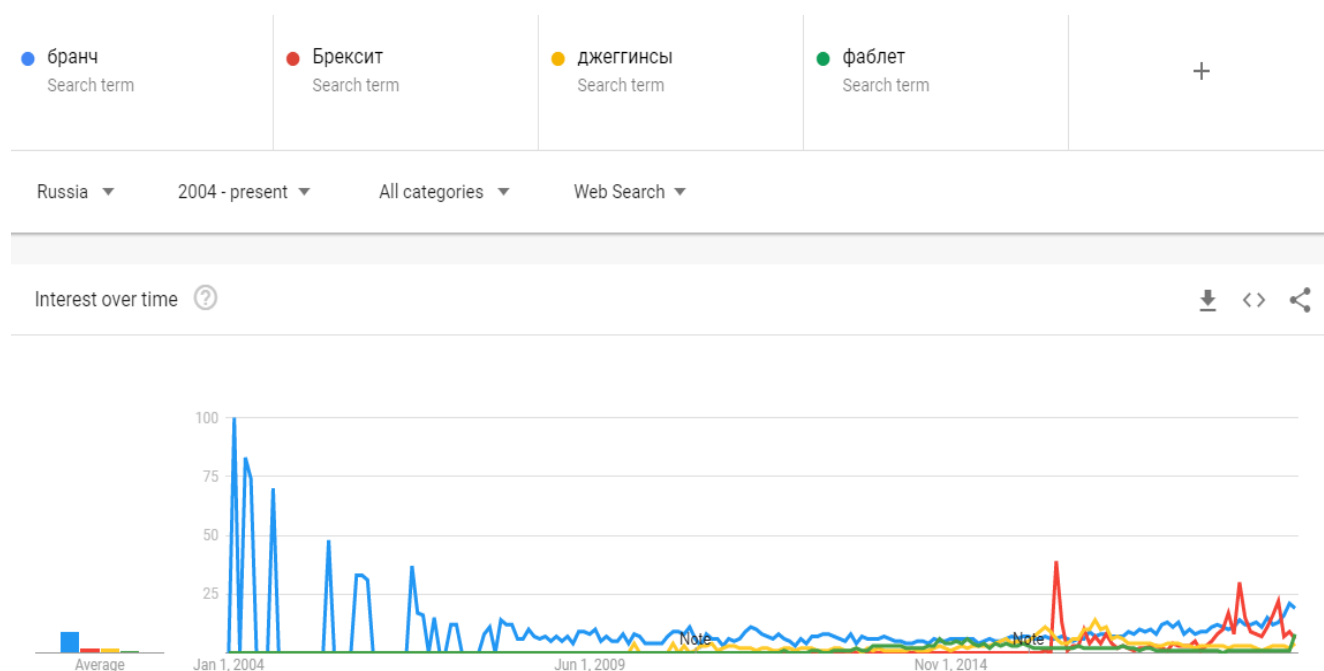

Рис. 3. Динамика частотности контаминантов ‘бранч’, ‘Брексит’, ‘джеггинсы’ и ‘фаблет’ за период с 2004 года по настоящее время

Наконец, частотность представленных в эксперименте русскоязычных стимулов определялась путём подсчёта количества обращений пользователей к системе Google. На настоящий момент самым «популярным» словом в этой категории является контаминант *жритель*, имеющий наибольшее количество поисковых запросов (110 ссылок на источники). Кроме того, в 2013 году он занял седьмое место в он-лайн конкурсе «Слово года» в номинации «Неология и

неофразия», что свидетельствует о постепенном вхождении исследуемого понятия в современное русское лингвосоциокультурное пространство. Однако необходимо также отметить, что в числе просмотренных нами Интернет-запросов по этому слову были обнаружены случаи использования данной единицы не только в её окказиональном значении (*зритель, который смотрит всё подряд* [URL: <http://noncewords.ru/alphabet/zhritel>]), но и в узуальном, т.е. словарном (*церк. священник, приносящий бескровную жертву* [Даль 2014: 1533]). Данный языковой факт стоит понимать как проявление лексической неоднозначности, в частности, омонимии (см. об этом: [Беляева 2015]), которая в процессе восприятия и узнавания слова может оказать влияние на степень глубины идентификации и выбор используемых стратегий. При этом нужно обратить внимание на тот факт, что, встречаясь с незнакомыми / малознакомыми единицами, рядовой носитель языка не задумывается, к какой категории слов они относятся. Важным является процесс извлечения из ментального лексикона подходящего значения, являющегося для него наиболее частотным.

Дальнейший анализ частотности предъявленных стимулов показал, что вторым по количеству поисковых запросов Google стал контаминант *филолух* (99 ссылок на источники). Самыми низкочастотными и, соответственно, «непопулярными» словами среди пользователей Сети являются *пермьзан* и *дивчайна* (8 и 5 ссылок на источники соответственно).

На основе продемонстрированного материала мы можем предположить, что «известность» стимулов для Ии., скорее всего, будет связана с актуальностью их использования как единиц контаминированной природы в современных средствах массовой информации. Однако достоверность данного высказывания нам предстоит ещё выяснить, проанализировав бланки с полученными от Ии. ответами на вопрос о возможной области функционирования исследуемых единиц.

Второй этап психолингвистического эксперимента был нацелен на дополнение и уточнение данных, полученных в результате Э1. В качестве стимульного материала выступили 10 англоязычных контаминированных

образований, условно разделённых на 4 лексико-грамматические группы: а) существительные (*Amexica* < *America* + *Mexico*; *kidult* < *kid* + *adult*; *magalogue* < *magazine* + *catalogue*); б) прилагательные (*Japaneasy* < *Japan* + *easy*; *scarifying* < *scare* + *terrifying*; *fanomenal* < *fan* + *phenomenal*), в) глаголы (*recommember* < *recommend* + *remember*; *jazzercise* < *jazz* + *exercise*; *politicide* < *politician* + *suicide*); г) наречия (*Twogether* < *two* + *together*). Слова были отобраны методом сплошной выборки из исследования [Danks 2003], основу которого составляют 4 лингвистических корпуса (Independent Newspaper corpus; корпус блендов, включающий в себя данные словарей, слова из средств массовой информации и др.). Экспериментальное исследование на этом этапе проводилось без учёта критерия частотности.

2.2. Интерпретация результатов экспериментального исследования

2.2.1. Анализ результатов эксперимента №1: свободные ассоциации и субъективные дефиниции

В ходе первого этапа эксперимента были опрошены студенты 1 курса магистратуры факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, изучающие английский язык в качестве специальности по направлению «Лингвистика» в количестве 30 человек: проанализирован 381 ответ. Все Ии. были разделены на две условные группы. Первой группе нужно было записать ассоциации к словам-стимулам без ограничения на выбор языка и количество реакций, а второй предлагалось объяснить значение каждого стимула. Кроме того, обеим группам были даны задания, направленные на выявление степени знакомости / известности слов и осведомлённости Ии. об области их употребления.

Рассмотрим результаты анализа массива свободных ассоциаций и субъективных дефиниций, полученных на стимул BRANGELINA (*Brad* + *Angelina*, e.g. the couple consisting of celebrities Brad Pitt and Angelina Jolie [Oxford Learner's Dictionaries <http://>]). В общей сложности было записано 37 реакций на

английском и русском языках и зафиксировано 3 отказа. Две основные тематические группы, выделенные нами на основе полученных реакций, – это «союз / пара» и «женщина». В скобках указано количество Ии., записавших идентичные толкования слов-стимулов. Что касается первой группы, в которую входят такие ассоциации Ии., как *Брэд Питт и Анджелина Джоли (8)*; союз *Брэда Питта и Анджелины Джоли (4)*, а также дефиниции – *Анджелина Джоли и Брэд Питт (5)*; *Брэд Питт + Анджелина Джоли (3)*; пара *Брэд Питт и Анджелина Джоли (3)*; *Brad + Angelina (пара)*; *Brad + Angelina (5)*, то можно отметить высокие показатели субъективной оценки узнаваемости представленного стимула по внешним, формальным признакам (звукобуквенный состав). Доступ к значению контаминанта, очевидно, осуществлялся посредством восстановления значений слов-источников, или «распаковывания» контаминированного образования. Так как слова-источники не подверглись высокой степени сокращения, подобное восстановление произошло достаточно легко. Кроме того, в результате «верного» опознания фрагментов стимула в языковой памяти Ии. актуализировались фоновые знания (фамилии звёздной пары и / или их семейный статус), которые помогли реконструировать первоначальный замысел контаминанта. Фактом, подтверждающим знакомость предъявленного стимула, являются указанные в бланках ответов области употребления слова – медиа, реклама, Интернет, новости, шоу-бизнес, социальные сети и разговорная речь.

Таким образом, процесс идентификации Ии. на стимула BRANGELINA можно рассматривать как иллюстрацию непосредственного «распаковывания» контаминанта, в результате чего «обнаружились» источники слияния бленда, на основании которых образовалась единица с обобщающим значением без семантического сдвига. Другими словами, процесс идентификации означенного стимула представляет собой процесс, обратный тому, что представлен в работе Ж. Фоконье и М. Тёрнера [Fauconnier, Turner 2001]. В процессе когнитивной операции в сознании Ии. произошло «расщепление» смешанного пространства (Blended Space) – *Brangelina* на два исходных пространства – *Brad* (Input Space 1)

и *Angelina* (Input Space 2), которые впоследствии сформировали промежуточное (родовое) пространство (Generic Space) – *couple* (в значении ‘пара’ / ‘союз’), содержащее в себе фоновые знания, общие для обоих входных пространств (см. рис. 4). Имя вновь образованного пространства можно трактовать как результат успешной идентификации контаминанта.

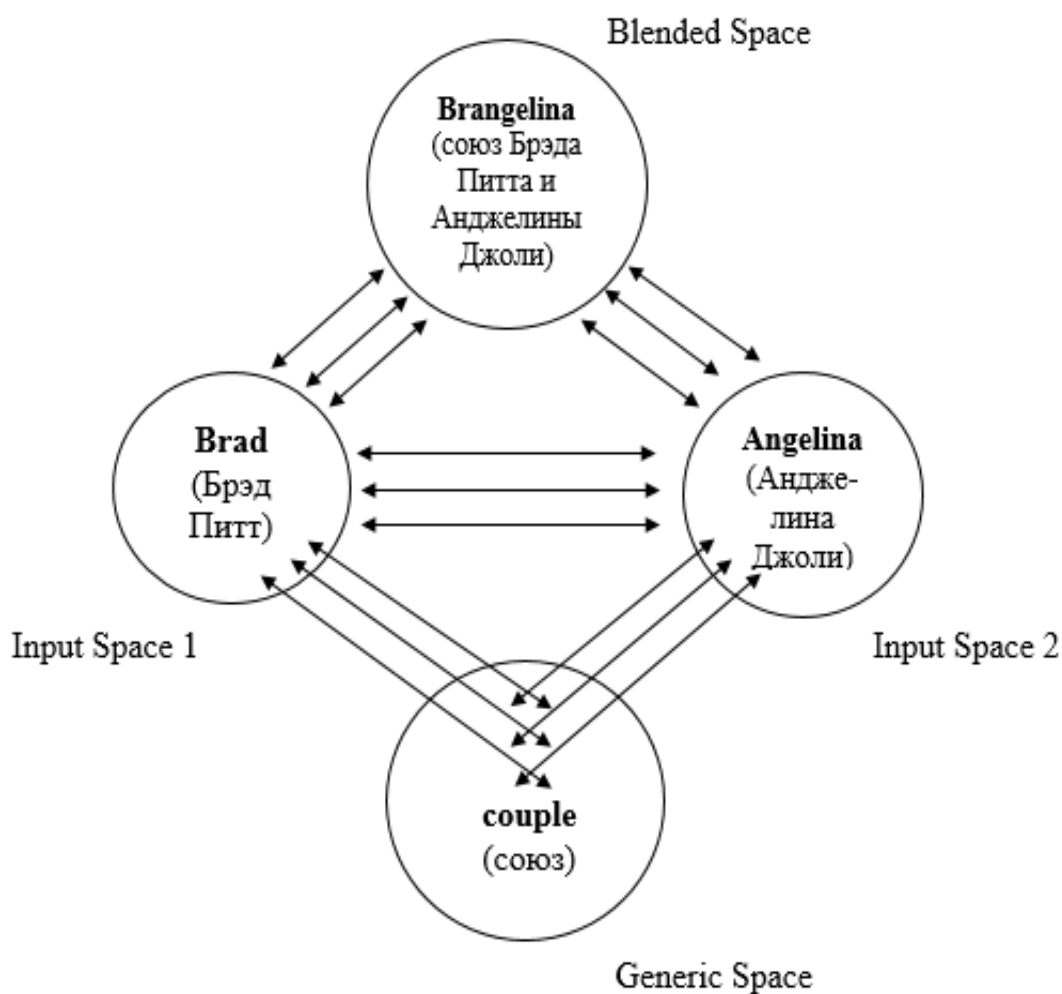

Рис. 4. Принцип «расщепления» контаминанта с появлением нового слова «couple» (Generic Space), который можно рассматривать как результат успешной идентификации

Ко второй тематической группе относятся такие толкования Ии., как *женское имя (4); балерина; женская профессия; направление в кулинарии; имя героини романа*. Можно предположить, что реакции Ии. представляли собой актуализацию того или иного слова в процессе перебора возможных «кандидатов»

(согласно модели альтернативного доступа К. Форстера [Филд: 70–71]), которые по определённым причинам (вероятно, по созвучию с женским именем) оказались наиболее приемлемыми и близкими слову-стимулу. При этом основанием для суждений Ии. явились не только начальная часть контаминанта – *Brange-*, но и его конечный элемент – *-lina*.

Стимул CHILLAX (*chill + relax*, e.g. to chill out, calm down from an angry or negative mood, and relax, meaning to become more light hearted and positive [Collins English Dictionary <http://>]) также вызвал достаточно большое количество реакций у Ии. (31), было получено всего 3 отказа. Стоит отметить, что 24 ассоциации и толкования данного стимула, записанные на родном и английском языках, можно отнести к категории «отдых», а именно: свободные ассоциации – *отдых (5); chill и relax, объединённые в одно слово; chill out + relax* и субъективные дефиниции – *chill + relax (7); chilling + relax; отдых (6); расслабление; расслабляться; релаксировать*. Представляется, что мотивирующим элементом идентификации данного контаминанта послужил начальный неусечённый компонент стимула – *chill-* (в значении ‘отдыхать, расслабляться’). Конечный компонент слова – *-lax*, связанный с начальными отношениями частичного звукового (буквенного) и семантического сходства, был воспринят Ии. как уточняющий, дополняющий начальное слово элемент.

Несколько Ии. (3) предоставили в качестве реакций такие дефиниции, как *что-то холодное; охлаждение* и ассоциацию – *что-то связанное со словом chill, возможно, холод*, таким образом остановившись лишь на начальном компоненте слова – *chill-* (в значении ‘охлаждать’). Данный факт позволяет нам сделать вывод о том, что полная форма слова-источника не всегда может быть восстановлена из части, входящей в контаминант, ввиду высокой степени усечённости одного из компонентов и, соответственно, невозможности его распознавания. В этом случае не будет активирована соответствующая ментальная репрезентация, поэтому интерпретация Ии. может часто не совпадать с содержанием, изначально заложенным в контаминант.

Переводная ассоциация – *подбородок* (от англ. *chin* – подбородок), зафиксированная в ответах Ии., возникла как реакция с опорой на формальный мотивирующий элемент, а именно на начальную цепочку графем – *chi*-. Очевидно, в процессе перебора возможных «кандидатов» на роль ассоциата произошёл сбой, вследствие чего И. получил доступ к значениям графически и фонетически похожих слов. Подобное явление можно объяснить тем, что первые три фонемы, согласно теории «когорты» [Филд 2012: 103], активировали в языковой памяти индивида все слова, начинающиеся с этой последовательности графем, в связи с чем был предложен данный вариант идентификации.

В случаях с такими дефинициями, как *усилие; лингвистический термин* и ассоциацией – *еда* можно говорить о сбое в процессе идентификации стимула и осуществлении доступа к значениям других слов, вероятно, имеющих визуальное и / или звуковое сходство со стимулом.

Процесс доступа к значениям контаминированного образования был рассмотрен нами также на примере стимула CATASTROIKA (*catastrophe + perestroika*, e.g. in the former Soviet republics, a disastrous government reform or change, esp. the perestroika movement of the 1990s and the collapse of the Soviet Union [Barret 2006: 203]). Подавляющее большинство ассоциаций и дефиниций, полученных от Ии., можно отнести к двум основным тематическим группам: «стройка» и «катастрофа». Первая группа включает в себя такие ассоциации, как *стройка (5); строительство; что-то связанное со строительством* и дефиницию – *термин из сферы строительства*. Можно предположить, что для Ии., для которых родным языком является русский, важной оказалась опора на графический образ конечного фрагмента – *-stroika*, который является транслитерацией русского слова «стройка». Начальный компонент контаминированного слова – *cata-* выступил в данном случае в качестве второстепенного для Ии.

В реакциях, относящихся ко второй группе, прослеживается актуализация эмоционально-оценочного отношения к стимулу: это такие ассоциации Ии., как *неудачное строительство; катализатор созидания* и толкования – *негативные*

перемены; паранойя. Начальный элемент слова мотивировал следующие реакции: *что-то связанное с катастрофами; катастрофа (5)*. Субъективные дефиниции – *от слова катастрофа и стройка; catastrophe + perestroika (3)* свидетельствуют о попытке Ии., имеющих лингвистическую подготовку, подвергнуть предъявленный стимул поэлементному анализу. В первом случае граница «расчленения» контаминированного образования прошла по ложному шву, обнаружив два слова-источника, одно из которых уводит Ии. от «правильного» опознания значения контаминанта. Во втором случае дезинтеграция смешанного пространства произошла в соответствии с «замыслом» контаминанта. В толковании – *перестройка и её катастрофические последствия*, которое дали два Ии., кроме оценочного отношения обнаруживаются фоновые знания о социально-экономической и политической ситуации в СССР во второй половине 1980-х годов.

Заслуживает внимания реакция И. – *что-то связанное с подсчётами, точными науками*, мотивированная конечным элементом – *-troika* (рус. *тройка*). Этот же элемент, переосмысленный как «упряжка в три лошади», побудил ещё одного И. отреагировать ассоциатом – *лошади*, что явно обусловлено его культурной принадлежностью, знанием реалий родной культуры. Ассоциация – *стройка котов* является результатом поочерёдного доступа сначала к начальному компоненту стимула – *cata-*, а потом конечному – *-stroika*, которая, к тому же, отражает способности И. к языковой игре. На данном этапе было получено 4 отказа от реакций.

Стимул THRILLIONAIRE (*thrill + millionaire*, e.g. a rich person who pursues expensive and dangerous pastimes [Barret 2006: 357]) не был опознан подавляющим большинством Ии. как известный, однако, несмотря на эту характеристику, он вызвал достаточно большое количество реакций (28), было выявлено всего 3 отказа. Кроме того, многие Ии., опираясь на знакомые элементы слова, указали возможные области его функционирования. Среди них несколько раз упоминалось кино, Интернет, а также финансовая сфера. Потенциальная

«известность» стимула для Ии., скорее всего, связана с актуальностью его использования в современных масс-медиа.

Три основные тематические группы, выделенные нами на основе полученных реакций, – это «богатый человек», «человек, переживающий сильную эмоцию (страх)» и «человек, который предпочитает / не предпочитает жанр кино – триллер». К первой группе относятся такие ассоциации Ии., как *богатый человек (5), миллиардер (4); с состоянием в триллион; деньги; больше, чем просто миллионер; миллионер (3); человек, имеющий много денег (2); похоже на billionaire*, а также дефиниции на английском и русском языках – *thrill + billionaire; тот, кто зарабатывает триллионы*. К этой категории реакций можно также отнести транслитерированное слово – *триллионер*, доступ к которому, вероятно, осуществлялся непосредственно, без предварительного доступа к морфемам, входящим в его состав. Во второй группе начальный элемент слова – *thrill*- мотивировал следующие толкования: *человек, у которого дух захватывает; захватывающий; человек, который многого боится*. Третья группа представлена такими определениями, как *любитель жанра триллер; человек, который боится смотреть триллеры* и свободными ассоциациями – *кино; thriller*.

В ходе анализа полученных от Ии. реакций на стимул THRILLIONAIRE мы пришли к выводу, что важной здесь оказалась опора на внешнюю форму слова, в частности, последовательность графем – *thrill*-, соответствующая в данном случае основе этой лексемы. Для некоторых Ии. актуальным стал также конечный элемент – *-ionaire*, который, как известно, принимает участие в образовании таких лексем французского происхождения, как *millionaire, billionaire, commissionaire, doctrinaire* и др., и обозначает деятеля. Представляется, что слово «человек», обнаруженное нами в реакциях многих Ии., возникло по аналогии с указанными словами.

Можно сделать вывод, что обработка стимула в рассмотренных примерах осуществлялась как поочередно (поэлементно) (например, *thrill + billionaire*), так и параллельно (поэлементно и как интегральная единица) (например, *человек, у которого дух захватывает*) в соответствии с упомянутыми гипотезами [Ваауен

2002; Taft 2004; Филд 2012]. Следует отметить, что ответы Ии. зависели в основном от того, какой компонент слова (начальный, конечный или оба) стал для Ии. определяющим (мотивирующим). На выделение, или «укрупнение», того или иного фрагмента контаминированного образования могли повлиять как лингвистическая подготовка Ии., так и влияние внутреннего контекста индивида [Залевская 2012б].

В соответствии со сформулированной нами гипотезой процесс идентификации контаминанта связан с его дезинтеграцией (распадом целого на части) – процессом, обратным концептуальной интеграции в терминах Ж. Фоконье и М. Тёрнера. Схематично процесс идентификации («распаковывания») контаминированного слова можно изобразить на примере англоязычного стимула THRILLIONAIRE следующим образом (см. рис. 5).

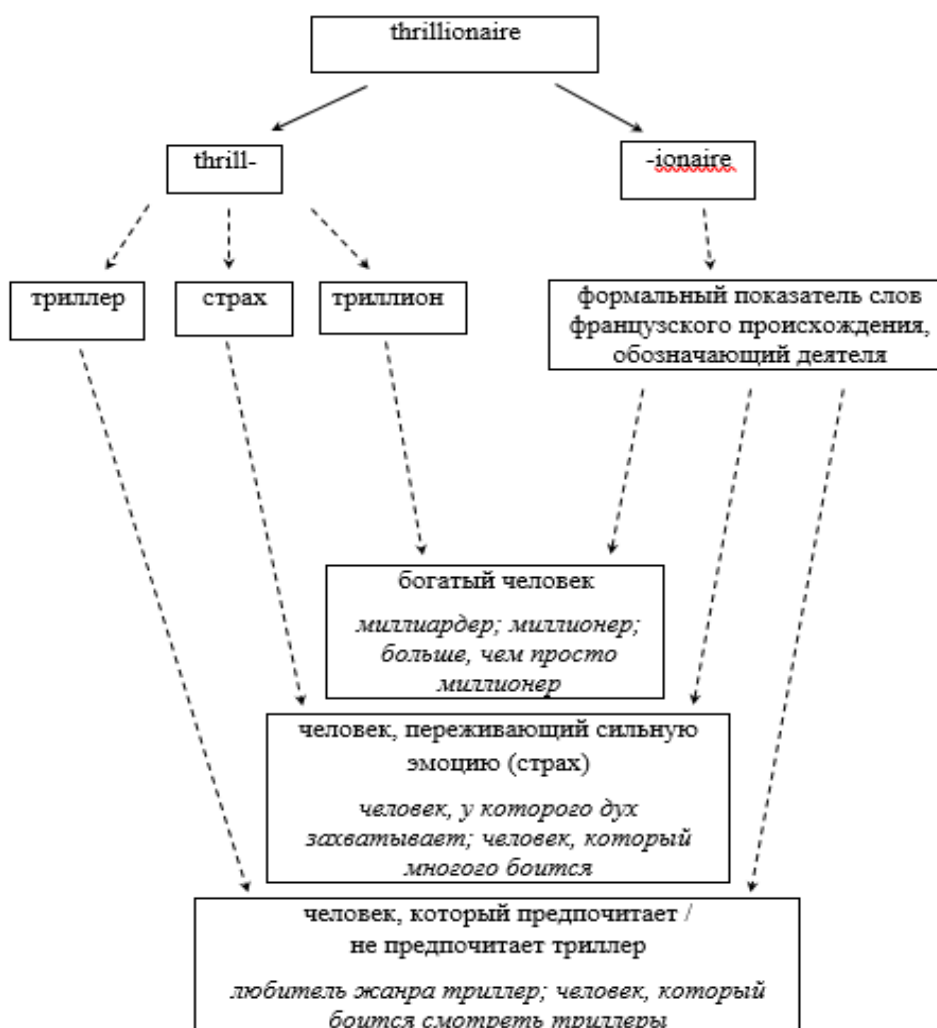

Рис. 5. Процесс идентификации контаминированного образования в сознании индивидов на примере англоязычного стимула ‘thrillionaire’

Как видно, под влиянием индивидуального опыта индивидов, а также степени выраженности лексических свойств контаминанта произошла «фильтрация», переразложение морфемного материала внутри слова, которое в итоге привело к новому членению лексической единицы. Качественный анализ экспериментальных данных позволил нам определить границу «расчленения» контаминированного образования. В данном случае морфемный шов прошёл между начальным неусечённым фрагментом – *thrill*- и конечным усечённым – *-ionaire*, которые, в свою очередь, запустили процесс поиска значения слова в ментальном лексиконе индивидов, активировав в их памяти все слова, начинающиеся и заканчивающиеся таким же образом. На основе ответов, полученных от Ии., нами были выделены следующие промежуточные элементы ассоциативного процесса, которые выступили опорой при распознавании стимула: «триллер», «страх», «триллион», а также формальный показатель слов французского происхождения – *-ionaire*, обозначающий деятеля. В процессе перебора возможных «кандидатов», находящихся в состоянии конкуренции друг с другом, происходило объединение более значимых для Ии. элементов слова, что приводило к актуализации новых, субъективных значений, наиболее близких стимулу. При этом значение некоторых из этих единиц часто оказывалось далёким от первоначального значения контаминанта. В зависимости от того, какие компоненты слова (начальный, конечный или оба) стали для Ии. определяющими (мотивирующими), мы распределили полученные реакции по трём тематическим группам: «богатый человек», «человек, переживающий сильную эмоцию (страх)» и «человек, который предпочитает / не предпочитает триллер» (курсивом выделены примеры реакций).

Это даёт основания охарактеризовать процесс извлечения из ментального лексикона подходящего значения контаминанта как процесс, обратный блендингу в терминах Ж. Фоконье и М. Тёрнера, который, в свою очередь, предлагается рассматривать как процесс *концептуальной дезинтеграции*. При «распаковывании» контаминированного образования происходит «расщепление» находящихся в состоянии слияния ментальных пространств, которое, как правило,

сопровождается семантическим сдвигом, приводящим к образованию новой лексической единицы с иным, индивидуальным / искажённым значением. С одной стороны, это понятие наследует роли и свойства исходных ментальных пространств, а с другой, приобретает собственную структуру, новые оттенки и смысловые нюансы под влиянием внутреннего и внешнего (понимаемого широко) контекста. Таким образом, вслед за А.А. Залевской, мы считаем, что конечным продуктом процесса идентификации является «субъективное переживание значения того, о чём идёт речь, во всём богатстве его качеств и связей и с учётом эмоционально-оценочных нюансов (при взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и не поддающегося прямой вербализации и т.д.)» [Залевская 1993 цит. раб.: 8]. Следовательно, восприятие контаминированного образования – это не столько познавательный, сколько распознавательный процесс, результатом которого становится новая интерпретация уже существующих в языке явлений. Представляется, что описанный процесс «переосмысления» значения контаминанта рядовым носителем языка и культуры можно обозначить термином «ментальный реблендинг», подразумевающий объединение вновь распавшихся ментальных пространств. При моделировании процесса идентификации контаминированного слова возможно условное разграничение стадий: доступ к слову – концептуальная дезинтеграция – реблендинг, сопровождающийся семантическим сдвигом – идентификация слова.

Тот же процесс идентификации контаминированного образования может быть представлен в координатах, предложенных Ж. Фоконье и М. Тёрнером, но для иллюстрации обратного процесса – процесса концептуальной дезинтеграции (см. рис. 6). Окружности на схеме представляют собой четыре основных ментальных пространства: смешанное пространство (*Blended Space*), выводные пространства (*Output Space 1*, *Output Space 2*) и новое (сгенерированное) пространство (*Generated Space*). Точки отображают содержание каждой сферы, при этом чёрные точки – это исходный материал, а белые – новые специфические элементы, которых не было в бленде. Пунктирные линии символизируют

концептуальные проекции из одних ментальных пространств в другие, а сплошные – прямые связи между выводными пространствами, которые создаются на базе сходства их отдельных элементов.

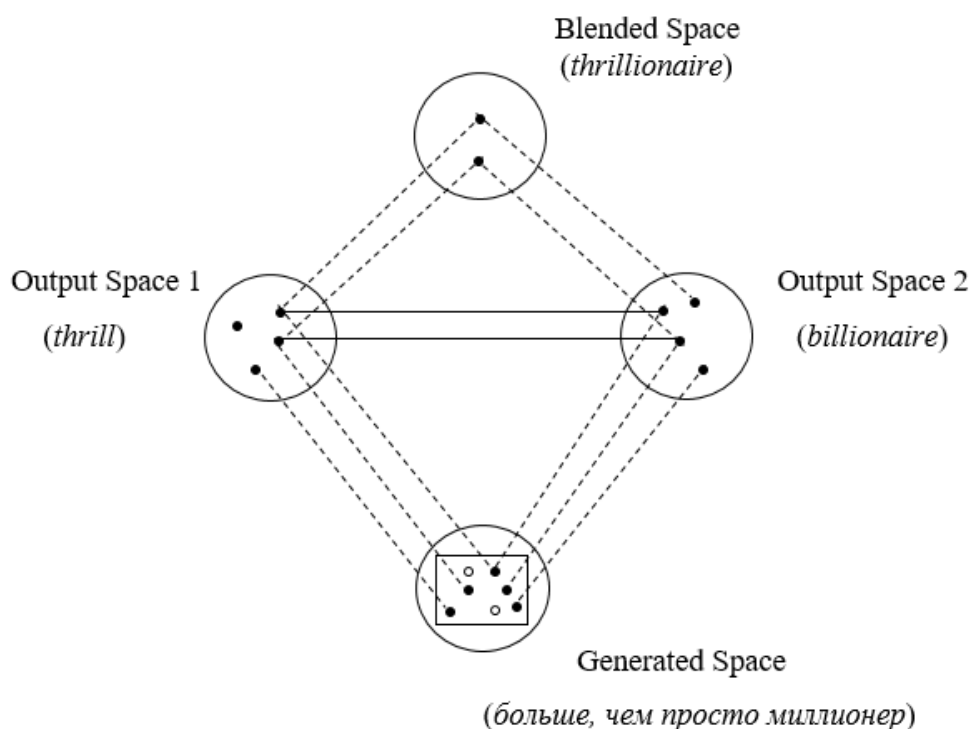

Рис. 6. Иллюстрация процесса концептуальной дезинтеграции на примере англоязычного стимула ‘*thrillionaire*’

Каждое сгенерированное пространство содержит в себе элементы, по меньшей мере, двух выводных ментальных пространств, которые, в свою очередь, образуются в результате «расщепления» бленда. Новое ментальное пространство не выводится напрямую из всех составляющих выводных пространств. Оно заимствует из них часть структуры и в то же время приобретает свои уникальные черты за счёт его пополнения фоновыми знаниями, культурными и когнитивными моделями. Продуктом сгенерированного ментального пространства становятся различные по своей сути интерпретации одного и того же бленда, что обусловлено доминированием определённых элементов в том или ином выводном ментальном пространстве, а также дополнительными элементами, появившимися уже внутри нового ментального пространства.

Представленный механизм идентификации контаминированного слова носит идентичный характер при поэлементном опознании. Забегая вперёд, отметим, что по нашим подсчётам поэлементному анализу подверглось подавляющее большинство стимулов – 69,1%. Всё же стоит обратить внимание на то, что, если лексемы являлись для Ии. субъективно частотными и переживались как знакомые, то они могли миновать стадию «распада» на составляющие элементы, изначально заложенные в слове. В таких случаях контаминанты воспринимались Ии. как целостные единицы. В настоящем эксперименте на целостное опознание пришлось всего 9% всех предъявленных стимулов.

Предлагаем рассмотреть особенности идентификации слов, относящихся ко второй группе, в которую вошли недавние заимствования из английского языка в русский, образованные при помощи транслитерации. Так, стимул БРАНЧ (англ. *brunch* < *breakfast* + *lunch*, e.g. a late morning meal eaten instead of breakfast and lunch [Oxford Learner's Dictionaries [http](http://)]) был опознан как знакомый практически всеми Ии., было получено всего 2 отказа от реакций. Кроме того, во многих бланках ответов были указаны области функционирования слова, среди которых несколько раз упоминались рестораны, кафе, кулинария, а также сфера рекламы, СМИ, Интернет, социальные сети, молодёжный сленг, университет, литература и предприятие. В этой связи можно предположить, что «узнаваемость» стимула связана с активным употреблением слова не только в ресторанной индустрии, но и в современных средствах массовой информации. Стоит также отметить, что известность слова в некоторых случаях была обусловлена спецификой образовательной программы, реализуемой в конкретном вузе. Представляется, что стимул БРАНЧ мог встречаться Ии. ранее в различных текстах учебных курсов.

Две основные тематические группы, на которые можно подразделить реакции, – это «приём пищи» и «ответвление». К первой группе относятся 20 из 33 предоставленных реакций. От Ии. были получены такие свободные ассоциации, как *приём пищи между завтраком и ланчем* (2); *завтрак + ланч* (5); *перекус*; *приём в высшем обществе, Верхний Ист-Сайд* и субъективные дефиниции – *breakfast + lunch* (7); *приём пищи между завтраком и обедом или*

совмещённый завтрак с обедом; приём пищи между обедом и завтраком; второй завтрак; время между завтраком и ланчем. Очевидно, доступ к значению контаминанта осуществлялся посредством восстановления значений слов-источников. Несмотря на сильное усечение начального компонента стимула – *br-*, «распаковывание» контаминанта произвелось достаточно легко. Мы считаем, что в данном случае важной для Ии. оказалась опора на субъективную частотность значения слова, встречаемость в различных контекстах (ситуациях) и фоновые знания. Так, например, в одном бланке ответов стимул БРАНЧ активировал в памяти И. связанную с ним ассоциацию о престижном квартале на Манхэттенне – Верхнем Ист-Сайде, где можно не только насладиться гастрономическими шедеврами поваров Нью-Йорка, в том числе бранчем, но и почувствовать себя частью высшего общества. Необходимо также отметить, что большинство полученных реакций этой группы являются примерами реализации вторичной концептуальной интеграции, результатом которой стало появление в ответах Ии. словосочетания «приём пищи», сконструированного в процессе слияния двух исходных ментальных пространств – *breakfast* и *lunch*.

Ко второй тематической группе относятся ассоциации – *подразделение; ответвление (3); раздел (2); отдел; ветка от основного направления; схема и толкования – ветвь; подразделение; отдел предприятия; определённый вектор развития какой-то компании.* Очевидно, в процессе перебора возможных «кандидатов» на роль ассоциата произошёл сбой, вследствие чего Ии. получили доступ к так называемому «фонетическому соседу» – *branch* (в значении ‘ветвь / ответвление’), который по звучанию напоминал им стимул и стал для них наиболее актуальным. Есть основания полагать, что предъявленное слово было воспринято Ии. не как многокомпонентная единица, относящаяся к периферийным слоям ментального лексикона и требующая «распаковывания», а как целостное образование, значение которого зафиксировано в толковых словарях английского языка.

Стимул БРЕКСИТ (англ. *Brexit* < *British* + *exit*, e.g. an exit (= act of leaving) by the United Kingdom from the European Union [Cambridge Dictionary <http://>]) вызвал

у Ии. разнообразные реакции (23), было выявлено 8 отказов. Стоит отметить, что только 5 из всех 30 Ии. проинтерпретировали данное слово в соответствии с его первоначальным «замыслом», записав следующие дефиниции: *выход Великобритании из ЕС (3); выход Британии из Евросоюза; отделение страны, ранее входящей в федерацию*. Один ответ был дан на английском языке: *Britain + exit*. Данные реакции являются свидетельством того, что обработка стимула осуществлялась Ии. с опорой на звукобуквенный комплекс, а также фоновые знания. Фактом, подтверждающим знакомость предъявленного стимула, является то, что все 5 Ии. указали области употребления слова – СМИ, новости, финансы и Интернет. Кроме того, правомерным считается отнесение к данной группе реакций таких ассоциаций, как *что-то связанное с бизнесом; политика (2); что-то связанное с политикой; финансы (2)*. Мы полагаем, что такие обобщённые ответы появились вследствие того, что доступ к слову мог осуществляться без предварительного доступа к морфемам, входящим в его состав. Очевидно, в данном случае Ии. пользовались стратегией с опорой на фонетический образ слова и предшествующий опыт. Представляется, что это слово встречалось ранее в сознании индивидов в различных контекстах и могло быть воспринято ими как, например, политический или экономический термин.

Вследствие сбоя в процессе идентификации стимула и осуществлении доступа к начальному или конечному компонентам слова (или к значениям других слов, графически и / или фонетически похожих на стимул) от Ии. были получены реакции, которые мы условно разделили на три подгруппы. К первой подгруппе относятся субъективные дефиниции – *перерыв в работе; переменка* и свободная ассоциация – *перекус*. На основе этих ответов нами был сделан вывод, что мотивирующим элементом идентификации данного слова послужил начальный компонент стимула – *Брек-*, фонетически похожий на английское слово – *break* (в значении ‘перерыв / перемена’). Доступ к конечному компоненту – *-sit* вовсе не был осуществлён.

Вторая подгруппа реакций включает в себя следующие толкования: *место для отдыха в офисе; место для отдыха; break + seat*. В данном случае

морфемный шов прошёл между начальным фрагментом слова – *Брек-* и конечным – *-сит*. Предположительно, в результате доступа к начальному элементу стимула у Ии. было актуализировано значение его «фонетического соседа» – *break* (в значении ‘перерыв / перемена’), являющееся наиболее частотным для них. В процессе перебора возможных «кандидатов» на роль ассоциата для конечного компонента стимула Ии. получили доступ к английскому слову – *seat* (в значении ‘место’), имеющему схожую фонетическую форму.

Третья подгруппа представлена единственной дефиницией – *похоже на брекеты, возможно, из сферы стоматологии и ортодонт-систем*. Скорее всего, данная реакция была мотивирована только начальным элементом – *Брек-*, визуально напоминающим слово-стимул. Возможно, данная реакция была получена в результате соотнесения со своим ранее полученным социальным опытом.

Несколько Ии. (4) предоставили в качестве реакций такие ассоциации, как *род деятельности; человек; название чего-то* и дефиницию – *имя*. Здесь также можно говорить о сбое в процессе идентификации стимула и осуществлении доступа к значениям других слов, вероятно, имеющих графическое и / или фонетическое сходство со стимулом.

На основе ответов большинства Ии. мы пришли к выводу, что стимул БРЕКСИТ переживается ими как незнакомый, в связи с чем во многих случаях он был подвергнут поэлементному / поморфемному анализу. Произошло это в силу того, что данный контаминант не встречался Ии. в большом количестве контекстов, на основе которых они могли бы включить в свой внутренний контекст другие значения этого слова.

Стимул ДЖЕГГИНСЫ (англ. *jeggings* < *jeans* + *leggings*, e.g. leggings that are made to look like skin-tight denim jeans [Oxford Learner's Dictionaries <http://>]) вовсе не получил ни одного отказа и вызвал многочисленные реакции (37), большинство из которых можно отнести к категории «предмет гардероба (одежда)». Практически все Ии. (29) записали в качестве ответов свободные ассоциации – *леггинсы в стиле под джинсы; одежда; джинсы (6); узкие джинсы; штаны из прочного*

облегающего тянущегося материала; леггинсы, напоминающие джинсы (2); элемент одежды; штаны; леггинсы (3); лосины; колготки и толкования на родном и английском языках – jeans + leggings (3); джинсы + леггинсы (5); джинсы из эластичного материала без молний и карманов; обтягивающие джинсы без молний и пуговиц; джинсовые леггинсы; вид джинсов, которые тянутся как леггинсы; вид джинсов, возможно, с рваным краем; обтягивающие лайкровые джинсы; штаны; одежда; обувь. Очевидно, обработка стимула в рассмотренных примерах осуществлялась как поочерёдно, т.е. сначала доступ осуществлялся к начальному компоненту стимула – *дж-*, а затем – к менее усечённому конечному элементу – *-еггинсы* (например, *jeans + leggings*), так и параллельно (например, *джинсы из эластичного материала без молний и карманов; элемент одежды*). Необходимо отметить, что несмотря на высокую степень сокращения начального фрагмента стимула, восстановление его полной формы произошло достаточно легко за счёт семантической общности элементов, входящих в состав контаминанта. Стоит также обратить внимание на то, что во многих ответах, записанных Ии., прослеживается эмоционально-оценочный компонент восприятия стимула: они отмечали то, что важно для них, в первую очередь, например, материал, дизайн, форма, детали. Достаточно подробные толкования слова свидетельствуют о том, что стимул переживается Ии. как знакомый, привычный, поэтому воспринимается ими как частотный. Мы полагаем, что важной для Ии. оказалась опора на ранее полученные знания, а именно встречаемость контаминанта в различных контекстах – Интернете, телевизоре, магазинах одежды, журналах и социальных сетях.

Всё же от одного из Ии. была получена ассоциация – *джига*, мотивированная начальным фрагментом – *джег-*. Данная реакция появилась в результате сбоя в понимании, который привёл к осуществлению ошибочного доступа к значениям «графического соседа».

Рассмотрим реакции, полученные к стимулу ФАБЛЕТ (англ. *phablet* < *phone* + *tablet*, e.g. a class of mobile devices combining or straddling the size format of smartphones and tablets [Wikipedia http]). В ходе количественного анализа данных

было обнаружено наибольшее количество отказов от реакции (21). Многие Ии., очевидно, не знали значения данного стимула, тем не менее, некоторые из них (9) предложили свои варианты ответов. При качественном анализе реакций нами были выделены две основные тематические группы – это «электронное устройство» и «фабула». К первой группе относятся следующие ассоциации: *планшет (2); телефон; флагман-смартфон; таблет; смартфон; очень большой телефон*. Как видно, в большинстве случаев доступ осуществлялся либо только к начальному, либо только к конечному компонентам слова. Всё же две свободные ассоциации – *флагман-смартфон; очень большой телефон* являются результатом поэлементной обработки стимула (например, *phone + tablet*). На наш взгляд, мотивирующим элементом идентификации контаминанта послужил конечный менее усечённый компонент стимула – *-аблет*, чья полная форма была легко восстановлена Ии. с опорой на фонетический образ слова и фоновые знания. «Реконструкция» начального фрагмента, представленного всего одной графемой – *ф-*, была произведена с опорой на возникшие в сознании индивидов ассоциации, основанные на семантическом сходстве уже опознанной лексемы «таблет» (от англ. *tablet – планшет*) со словом из того же класса предметов и явлений (электронные девайсы), начинающимся с фонемы – *ф-*. Очевидно, самым частотным ассоциатом оказалось английское слово «*phone*» (в значении ‘телефон’), в связи с чем были предложены указанные варианты идентификации.

Ко второй тематической группе относится ассоциация – *памфлет о фабулах* и толкование – *маленькая фабула*. Предполагается, что в рассмотренных примерах доступ к слову осуществлялся с опорой на графический образ конечного фрагмента стимула – *-лет*, который является транслитерацией известного носителю языка английского диминутивного суффикса ‘-let’, обозначающего объекты или явления меньшего размера. Под влиянием этой морфемы граница «расщепления» контаминанта прошла по «ложному» шву, обнаружив второй источник, который стал наиболее знакомым и понятным для Ии. При этом важной здесь оказалась опора на внешнюю форму слова, в

частности, последовательность графем – *фаб-*, соответствующая в данном случае основе этой лексемы.

Один И. решил продемонстрировать свои лингвокреативные способности, записав следующую дефиницию на английском языке: *fabulous + outlet*. К этой категории можно также отнести толкование этого же И. – *что-то классное*. В данном случае речь идёт о пересечении ассоциативных полей элементов стимула, которое привело к образованию новой лексической единицы с «индивидуальным» значением.

Несколько Ии. (4) указали в качестве реакций такие ассоциации, как *сайт; шоколадка* и толкования – *обозначение в музыке; предмет одежды или обувь*, которые, по всей вероятности, являются результатом визуализации стимула и соотнесения с ранее полученным социальным опытом.

Наконец, обратимся к последней группе стимулов, которая включала в себя русскоязычные контаминанты, отобранные методом сплошной выборки из исследований, связанных с изучением проблемы контаминации. Стимул ЖРИТЕЛЬ (*жрать + зритель* – зритель, который смотрит всё подряд [Эпштейн <http>]) вызвал большое количество реакций у Ии. (42), было выявлено всего 2 отказа. В зависимости от того, какой компонент контаминированного образования стал мотивирующим, начальный – *жри-* или конечный – (*зр*)*итель* (или оба), были получены свободные ассоциации – *зритель (7); поедать глазами; пожиратель; пренебрежительно от зритель; человек, который любит есть; искаженное слово от зритель; жрать (6); житель и толкования – житель, который любит поест; ироничное обозначение зрителя, который мешает остальным своим жеванием (от слова жрать); человек, который сидит и ест; зритель + жрать (8); наблюдающий; сведущий*. Следует отметить, что многие реакции, записанные Ии., имеют ярко выраженную эмоционально-оценочную окраску (в данном случае неодобрительную). Некоторые Ии. (2) использовали свои экстралингвистические знания и проинтерпретировали данный стимул как *попкорн; зритель, который обжирается попкорном*, ссылаясь, скорее всего, на неприятный опыт похода в кино / совместного просмотра кино.

Ко второй группе реакций относятся дефиниции – *жрец (3); жрец + житель; старейшина; глава* и ассоциация – *обитель*. Вероятно, в данном случае стимул не был воспринят Ии. как окказиональный, в связи с чем в языковой памяти индивидов актуализировалось его узуальное (словарное) значение, оказавшееся для них наиболее частотным.

Обобщённая ассоциация – *какой-то человек* появилась вследствие того, что доступ к слову мог осуществляться без предварительного доступа к морфемам, входящим в его состав. Скорее всего, И. пользовался стратегией с опорой на фонетический и / или графический образ слова.

Исходя из полученных ответов на стимул ЖРИТЕЛЬ, можно сделать вывод, что доступ к значениям слова был обусловлен его внешней формой и субъективной частотностью для Ии. В большинстве случаев идентификация стимула осуществлялась с опорой на возникающее у Ии. ощущение сходства с другими словами родного языка, а также с опорой на эмоционально-оценочные переживания.

Влияние фактора субъективной частотности слова и его значений прослеживается также на примере стимула ФИЛОЛУХ (*филолог + олух* – нерадивый студент либо преподаватель филологического факультета [Эпштейн http]). В общей сложности от Ии. было получено 38 реакций и ни одного отказа. Стоит отметить, что практически во всех бланках ответов Ии. не были указаны ни области возможного употребления стимула, ни степень его знакомости, однако распознавание контаминанта в большинстве примеров произошло в соответствии с его первоначальным «замыслом». При этом важной здесь оказалась опора на звукобуквенный комплекс. Несмотря на приём междусловного наложения сегментов двух слов, предполагающий в ряде случаев неоднозначную расшифровку, практически всем Ии. удалось «верно» обнаружить границу, по которой произошёл разрыв контаминированного образования, и восстановить значения слов-источников. Очевидно, определяющим фактором, способствовавшим достаточно лёгкому «распаковыванию» стимула, является невысокая степень усечённости как начального, так и конечного компонентов

единицы. Так, подавляющее большинство Ии. записали реакции, которые можно отнести к категории «филолог / филолог-невежда», а именно: свободные ассоциации – *филолог (8); филолог без образования; оскорбление для филолога; филолог-неудачник; филолог, не понимающий ничего в своей профессии (2); жаргон от «филолог»; гуманитарий; искажённое «филолог»; филолог-неудачник и толкования – плохой филолог (3); филолог + олух (10); филолог-растяпа; уничижительное от «филолог»; не очень хороший филолог; не разбирается в филологии; человек, плохо разбирающийся в филологии*. К этой группе ответов стоит также отнести субъективную дефиницию одного И. – *лентяй*, возникшую как реакция с опорой на конечную цепочку графем – *-олух*, которая способствовала активации другого, близкого по значению слова. Как видно, во многих реакциях, записанных Ии., прослеживается эмоционально-оценочный компонент восприятия стимула, мотивированный конечным неусечённым фрагментом – *-олух*, который выражает негативную (осуждающую) коннотацию. Представляется, что процесс опознания контаминанта носителями языка предполагает не только восприятие внешней (звуковой) оболочки слова, но и понимание его внутренней формы, на базе которой возникают устойчивые культурные ассоциации, понятные лишь в определённом лингвокультурном сообществе.

Вследствие сбоя в процессе идентификации стимула и осуществлении доступа к значениям других слов, вероятно, имеющих визуальное и / или звуковое сходство со стимулом, от Ии. были получены следующие толкования: *растение; животное или птица*.

Стимул ПЕРМЬЗАН (*Пермь + пармезан* – отечественный пармезан [Эпштейн <http>]) также вызвал множество реакций у Ии. (36), был зафиксирован всего 1 отказ. Реакции Ии. были мотивированы хорошо просматривающимися в стимуле следами слов-источников: названием российского города – Пермь – и названием сыра – пармезан. Такие ассоциации, как *пармезан (13); сыр (6); похоже на название сыра; пермский сыр; вид сыра; сыр в Перми (2)*, а также толкования – *Пермь + пармезан (4); сыр пармезан из Перми; похоже на пармезан; что-то*

связанное с Пермью, может, сыр, который там стали делать после санкций свидетельствуют о незатруднённом «распаковывании» контаминанта, служащего для обозначения отечественного аналога, заменяющего зарубежный продукт. Мы можем предположить, что обработка стимула в рассмотренных примерах осуществлялась как поочерёдно (например, *сыр в Перми*), так и параллельно (например, *что-то связанное с Пермью, может, сыр, который там стали делать после санкций*). Вместе с тем нельзя утверждать, какая из стратегий явилась доминирующей, очевидно, приходится говорить о конкурирующих стратегиях. Речь идёт о взаимосвязи (интерактивности) между различными уровнями репрезентации, которая могла в некоторых случаях привести к актуализации фоновых знаний. Так, например, в двух бланках ответов восстановленные слова-источники – *Пермь* и *пармезан* автоматически активировали в памяти Ии. связанные с ними ассоциации о санкциях, введённых в отношении России в связи с определёнными политическими и экономическими событиями. Данный факт подтверждает идею о том, что «при идентификации изолированного слова носитель языка немедленно включает это слово в контекст своего предшествующего опыта» [Залевская 2011 цит. раб.: 195].

Следующие ассоциации – *Пермь; может, что-то относящееся к городу Пермь* свидетельствуют о том, что мотивирующим элементом идентификации данного контаминанта послужил начальный неусечённый компонент стимула – *Пермь-*. Для другого И. доминирующим стал, наоборот, конечный фрагмент – *-зан*. Скорее всего, в процессе поиска нужного значения среди множества «конкурирующих кандидатов» активировалось слово – *фазан*, имеющее фонетическое сходство со стимулом ПЕРМЬЗАН, в связи с чем была получена дефиниция – *порода птиц*. В случаях с такими реакциями Ии., как *житель Перми; пермский ниндзя* можно говорить о сбое в процессе идентификации стимула и осуществлении доступа лишь к конечному компоненту слова.

Стимул ДИВЧАЙНА (*девушка + China* – девушка из Китая [Эпштейн <http>]) был опознан как незнакомый всеми Ии., но несмотря на этот факт, было получено достаточно большое количество реакций (35) и всего 4 отказа. Подавляющее

большинство ответов, предоставленных Ии., можно отнести к категории «девушка», а именно: ассоциации – *девушка (3); девочка из Китая; дивчина (5); девушка из Китая (5)* и дефиниции – *девушка (2); девочка (4); девочка из Китая; предположительно девушка из Chinatown; может, от украинского слова «дівчина»; дивчина; девушка китайского происхождения на Украине; дива + China (2)*. Мы можем предположить, что часть Ии. подвергла стимул поэлементному анализу: сначала был осуществлён доступ к начальному компоненту – *див-*, а затем конечному неусечённому – *-чайна*, который является транслитерацией английского слова «China». В других примерах обработка стимула происходила параллельно (например, *девушка; дивчина; может, от украинского слова «дівчина»*). На наш взгляд, выбор того или иного значения был обусловлен визуальным и / или звуковым сходством со стимулом. Таким образом, определяющим фактором оказалась субъективная частотность значения слова, которая способствовала тому, что Ии. «подстраивали» первоначальное значение контаминанта под то, которое оказалось для них наиболее актуальным. Специального внимания при этом заслуживает реакция одного И. – *девушка китайского происхождения на Украине*, которая возникла в результате поочерёдной и параллельной обработки стимула с опорой на звукобуквенный комплекс и фоновые знания. Скорее всего, «графический / фонетический сосед» стимулу ДИВЧАЙНА – *дивчина* вызвал у И. ассоциации с украинским словом «дівчина». К этой же категории реакций считаем возможным отнести толкования двух Ии.: *ассоциации с украинским языком; похоже на украинское слово*.

Для трёх Ии. актуальным стал конечный ударный компонент стимула, который мотивировал следующие ассоциации: *Китай* и *China (2)*. Ещё несколько толкований Ии. – *Чайхона для девочек; ресторан, в котором сидят только девочки; растение* были получены, вероятно, в результате соотнесения со своим опытом и ранее полученными знаниями.

На основе полученных в ходе Э1 данных можно сделать вывод, что основными реакциями на англоязычные стимулы BRANGELINA, CHILLAX, CATASTROIKA и THRILLIONAIRE оказались переводные (32%) (например,

BRANGELINA < союз Брэда Питта и Анджелины Джоли) и псевдо-переводные реакции (53%) (реакции Ии., в которых даётся перевод слова при отсутствии знания истинного значения контаминанта) (например, THRILLIONAIRE < человек, который боится смотреть триллеры). Преобладающее количество псевдо-переводных реакций свидетельствует, прежде всего, о «невключённости» предъявленных стимулов во внутренний контекст многих Ии. Пытаясь найти сходство между незнакомым и уже знакомым словом, обращаясь при этом к различным типам знания, Ии. прибегали к использованию различных опор (ключей), которые находились в слове и могли быть ими найдены. Одной из обнаруженных нами закономерностей можно считать то, что при восприятии малознакомых или незнакомых слов увеличивалась опора на элементы слова и уменьшалось его восприятие как целостного образования.

Так, при идентификации субъективно низкочастотных стимулов важной для Ии. оказалась опора на внешнюю форму слова, а именно выделяемые в контаминированном образовании фрагменты (например, CHILLAX < что-то холодное), а также опора на возникающее ощущение сходства с другими единицами языка (например, BRANGELINA < балерина). Всё же 9 Ии. из 30 (30%), имеющие хорошую лингвистическую подготовку и обладающие достаточными фоновыми знаниями, попытались подвергнуть данные контаминированные образования поэлементному анализу, восстановив слова-источники на английском и / или русском языке (например, CATASTROIKA < catastrophe + perestroika). В 5 реакциях из 122 (4%), тем не менее, граница «расчленения» контаминированного образования проходила по ложному шву, обнаружив источники, которые уводили Ии. от «правильного» опознания значения контаминанта. Среди таких реакций Ии. внимания заслуживают следующие: свободная ассоциация на стимул CATASTROIKA – лошади, мотивированная конечным элементом -troika (рус. тройка), и стройка котов, являющаяся результатом поочерёдного доступа сначала к начальному компоненту стимула – cata-, а потом конечному – -stroika. Выделенный И. конечный фрагмент -troika, переосмысленный как «упряжка в три лошади», был явно обусловлен

культурной принадлежностью И., его знанием реалий родной культуры, в то время как вторая реакция отражает способности И. к языковой игре.

Представляется, что в процессе доступа к контаминированному образованию Ии. часто склонны расчленять его на некие «составляющие» (в терминологии Дж. Эйчинсон «chunks» [Aitchison 1987: 107]), соотнося их со знакомыми элементами родного и / или изучаемого (изучаемых) языка (языков). Другими словами, Ии. осуществляют опору на «чанки» таким же образом, как это было показано в исследовании И.В. Новиковой, выполненном на материале полиморфных слов [Новикова 2011: 9–10]. При этом следует сказать, что «разрыв связи» составляющих контаминанта осуществляется Ии. не по «морфемному шву», который сигнализирует о соединении разных слов в контаминированное образование с точки зрения системно-структурного подхода.

Интерпретация слов-стимулов путём перевода на язык оригинала была осуществлена Ии. и в отношении транслитерированных англоязычных заимствований в русском языке, сохранивших форму (БРАНЧ, ДЖЕГГИНСЫ, БРЕКСИТ, ФАБЛЕТ). В общей сложности было получено лишь 32,4% «верных» переводных реакций, раскрывающих первоначальный замысел контаминантов. Наиболее трудными для идентификации оказались стимулы БРЕКСИТ и ФАБЛЕТ, где из-за недостатка фоновых знаний и невысокого уровня языковой подготовки доступ к значениям контаминантов осуществлялся с опорой на звукобуквенный комплекс. Среди полученных псевдо-переводных реакций считаем всё же необходимым выделить две ассоциации Ии. на русском языке на стимул БРЕКСИТ: *место для отдыха в офисе* и *место для отдыха*, ставшими продуктом вторичной концептуальной интеграции в терминах G. Fauconnier и M. Turner. При «распаковывании» данного контаминанта Ии. обнаружили два слова-источника, показавшиеся созвучными стимулу: *break* (в значении ‘перерыв’) и *seat* (в значении ‘место’). В процессе когнитивной операции в сознании Ии. произошло слияние ментальных пространств – *перерыв* и *место*, которые впоследствии сформировали новое промежуточное (родовое) пространство – *отдых*. Данный факт даёт основание полагать, что идентификация

контаминированного образования предполагает множественность интегрирования и представляет собой творческий процесс распознавания образов. Как отмечается в работе [Залевская 2004 цит. раб.: 61], «продукт сращивания может быть входным для следующей операции сращивания, что открывает удивительные возможности для концептуальной креативности».

Идентификация стимулов БРАНЧ и ДЖЕГГИНСЫ не вызвала затруднений (в общей сложности было получено всего 2 отказа от реакций). Эти слова были знакомы Ии., так как встречались в текстах учебных курсов и СМИ, что было указано в анкетах.

Доступ к значениям русскоязычных стимулов ЖРИТЕЛЬ, ДИВЧАЙНА, ФИЛОЛУХ, ПЕРМЬЗАН был обусловлен внешней формой слова и субъективной частотностью для Ии. В большинстве случаев идентификация этой категории стимулов осуществлялась с опорой на возникающее у Ии. ощущение сходства с другими словами родного языка (83,5%) (например, ПЕРМЬЗАН < *пармезан*), а также с опорой на эмоционально-оценочные переживания (9,3%) (например, ЖРИТЕЛЬ < *ироничное обозначение зрителя, который мешает остальным своим жеванием (от слова «жрать»)*). В некоторых случаях идентификация слов-стимулов могла привести к актуализации фоновых знаний (в двух бланках ответов «распакованные» понятия *Пермь* и *пармезан* автоматически активировали в памяти Ии. связанные с ними ассоциации о санкциях, введённых в отношении России в связи с определёнными политическими и экономическими событиями). Это подтверждает идею о том, что «при идентификации изолированного слова носитель языка немедленно включает это слово в контекст своего предшествующего опыта; фактически это совпадает с идентификацией первого слова нового сообщения, восприятие которого не подготовлено ни ситуацией, ни предшествующим вербальным контекстом» [Залевская 2013 цит. раб.: 195].

Обобщая результаты качественного анализа экспериментальных данных на этом этапе, мы можем сделать вывод, что при предъявлении стимулов вне контекста основными опорами для Ии. при доступе к контаминированному образованию в процессе идентификации являются:

1) опора на перевод и прямую дефиницию слова (переводные и псевдо-переводные реакции): BRANGELINA < союз Брэда Питта и Анджелины Джоли (4); THRILLIONAIRE < человек, у которого дух захватывает; CATASTROИКА < стройка котов;

2) опора на фонетический образ (фонетические реакции, созвучные с исходным словом) с дальнейшим подразделением на следующие группы:

а) сходство по начальному элементу: БРЕКСИТ < похоже на брекеты, возможно, из сферы стоматологии и ортодонт-систем; THRILLIONAIRE < thriller – a man who scares people; триллер;

б) сходство по конечному элементу: CATASTROИКА < стройка; лошади; ПЕРМЬЗАН < порода птиц;

3) опора на морфологические компоненты слова (опознание мотивирующих элементов слова): БРЕКСИТ < место для отдыха в офисе; место для отдыха; БРАНЧ < breakfast + lunch (7); приём пищи между завтраком и обедом; ФАБЛЕТ < маленькая фабула; fabulous + outlet;

4) опора на возникающее у Ии. ощущение сходства слова-стимула с другими единицами языка (так называемые «графические соседи»): БРАНЧ < подразделение; отдел; ответвление (3); раздел (2); ветвь;

5) опора на эмоционально-оценочные переживания, когда даётся оценка предмету и описываются разные оттенки эмоционального отношения, признаётся важность участия чувственно-сенсорного компонента: ФИЛОЛУХ < филолог-неудачник; филолог-растяпа; лентяй;

б) опора на уже известную ситуацию, соотнесение со своим социальным опытом: БРЕКСИТ < выход Великобритании из ЕС (3); ФАБЛЕТ < таблет; телефон; смартфон; ПЕРМЬЗАН < что-то связанное с Пермью, может, сыр, который стали там делать после санкций.

Анализируя возможности выбора опоры, мы пришли к выводу, что в ряде случаев выделить приоритетные опорные элементы не представлялось возможным, так как реакции Ии. свидетельствуют о взаимодействии опор разного

типа, что связано с «интеракцией разных видов знания в индивидуальном лексиконе в процессе распознавания слова» [Сазонова 2000 цит. раб.: 86].

Обобщая выявленные особенности способов опознания и извлечения значений контаминированных образований, мы сделали вывод, что идентификация контаминантов осуществляется по моделям последовательного доступа, предполагающего поэлементный анализ, и альтернативного (параллельного), понимаемого как схватывание целостного образа. Так, на данном этапе исследования поэлементному анализу подверглось 58,3% всех предъявленных стимулов, в то время как целостному – 33,5%. То, какой именно способ был задействован в каждом конкретном случае, зависело, в первую очередь, от степени знакомости / известности единицы для индивида и её субъективной частотности. Субъективно высокочастотные контаминанты воспринимались Ии., предположительно, как неделимое целое (например, БРАНЧ < *перекус*; ЖРИТЕЛЬ < *старейшина*), подобно мономорфемным словам, где связь между значениями слов-источников и контаминированным образованием была утрачена. В некоторых случаях стимул и вовсе воспринимался не как многокомпонентная единица, относящаяся к периферийным слоям ментального лексикона, а как слово, зарегистрированное в толковых словарях английского языка (например, БРАНЧ < *ветвь; ответвление; раздел*). С другой стороны, неизвестные / малоизвестные слова, скорее всего, обрабатывались через составляющие их морфемы, так как репрезентация целого слова, которая могла бы быть активирована, отсутствовала. Так, субъективно низкочастотные контаминанты (например, THRILLIONAIRE) конструировались из репрезентаций слов-источников, «чанков» (chunks), которые могли соотноситься со знакомыми элементами родного и / или изучаемого языка. По нашим наблюдениям степень влияния родного языка и культуры находилась в определённой зависимости от уровня владения неродным языком искусственными билингвами: чем более незнакомым стимул казался Ии. по причине отсутствия фоновых знаний и / или недостаточной лингвистической подготовки, тем большее значение имел

принцип опоры на родной язык (например, САТАСТРОІКА < *стройка; стройка котов; лошади*).

Важно отметить, что идентификация контаминантов зависела также от степени усечённости компонентов слова. Понимание единиц с низкой степенью сокращения было связано с меньшими умственными затратами, чем понимание слов с высокой степенью сокращения. Полная форма слова-источника не всегда могла быть восстановлена из части, входящей в состав контаминанта (например, БРЕКСИТ < *имя; человек*; ФАБЛЕТ < *сайт; шоколадка*). В этом случае соответствующая ментальная репрезентация не была активирована, а следовательно, значение стимула не могло быть понято верно.

Таким образом, нами было выяснено, что предпочтение поэлементному доступу к значениям контаминированных образований будет отдаваться в следующих случаях: а) стимул является для Ии. субъективно низкочастотным; б) присутствуют мотивирующие морфемы, воспринимаемые Ии. как высокочастотные.

При прямом (непосредственном) доступе важными считаются следующие предпосылки: а) стимул является для Ии. субъективно высокочастотным, так что может восприниматься как неделимое целое; б) стимул знаком Ии.; в) мотивирующие элементы контаминанта соотносятся с другим, уже знакомым словом («графическим соседом»).

Итак, выбор носителем языка той или иной идентификационной стратегии обусловлен рядом факторов, которые можно условно подразделить на две категории: а) факторы, связанные с лексическим статусом контаминанта (степень выраженности лексических характеристик контаминированного слова: степень усечённости компонентов слова, орфографическое сходство с другими высокочастотными «соседями», влияние словообразовательных морфем); б) факторы, связанные с личностными особенностями носителей учебного билингвизма, воспринимающими контаминант (объём фоновых знаний родной культуры и культуры изучаемого языка, уровень лингвистической компетентности, объём и качество словаря родного и изучаемого языков).

Следует отметить, что для 72% Ии. основополагающим фактором, влияющим на восприятие контаминированных образований, всё же явилась субъективная частотность слова, которая способствовала тому, что Ии. «подстраивали» первоначальное значение контаминанта под то, которое оказалось для них наиболее актуальным. При этом значение некоторых из этих единиц часто оказывались далёкими от значения исконных слов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс доступа к контаминированному образованию в ментальном лексиконе, как правило, связан с «переосмыслением» значения слова рядовым носителем языка и культуры, которое сопровождается переработкой морфемного материала внутри слова и, в свою очередь, приводит к новому членению и актуализации других, субъективных значений, наиболее близких исходной единице.

2.2.2. Анализ результатов эксперимента №2: субъективные дефиниции и словообразовательные реакции

Второй этап психолингвистического эксперимента был проведён с целью уточнения и дополнения данных, полученных в результате Э1. В ходе Э2 были опрошены студенты 1-4 курсов факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, изучающие английский язык в качестве специальности по направлению «Лингвистика» в количестве 113 человек: проанализировано 826 ответов. Все Ии. также были разделены на две условные группы. Первой группе нужно было дать толкование словам-стимулам без ограничения языка реакции, а второй – записать, из каких слов (частей слов) могли состоять предъявленные многокомпонентные единицы. Кроме того, обеим группам также были даны задания, направленные на выявление степени знакомости / известности слов и осведомлённости Ии. об области их употребления. На данном этапе исследования мы ставим своей целью проследить влияние словообразовательных морфем на процесс идентификации изучаемых единиц.

Рассмотрим результаты анализа массива ответов, полученных на стимул AMEXICA (*America + Mexico*, e.g. the region where Mexico and the US share international land borders [Danks 2003: 368]). В общей сложности было записано 89 реакций на английском и русском языках и зафиксировано 24 отказа. Стоит отметить, что практически во всех бланках ответов Ии. не были указаны ни области употребления стимула, ни степень его знакомости, однако «распаковывание» значений контаминанта в большинстве примеров произошло достаточно легко с опорой на фонетический образ слова и фоновые знания. Ответы Ии. были мотивированы хорошо просматривающимися в стимуле следами слов-источников: названиями двух государств, имеющих общую границу, – Америка (США) и Мексика. От Ии. были получены следующие субъективные дефиниции: *America + Mexico* (25); *возможно, это означает, что в Америку переезжает много мексиканцев, в США много граждан Мексики; место, где американцы и мексиканцы живут вместе; область между Америкой и Мексикой; гибрид слов America и Mexico* (4), *возможно, место их пересечения; может, используется по отношению к политическим отношениям между Америкой и Мексикой; отношения между США и Мексикой; человек двух национальностей; район, где местное население – американцы и мексиканцы; мексиканские районы в Америке; американо-мексиканский* (2); *часть Америки, заселённая мексиканцами; слово связано с недавними политическими событиями, а именно попыткой постройки стены между двумя государствами*, а также реакции, появившиеся в результате разложения стимула на составные части (словообразовательные реакции), – *America + Mexico* (36). Очевидно, обработка контаминанта в рассмотренных примерах осуществлялась как поочерёдно (например, *America + Mexico*), так и параллельно (например, *слово связано с недавними политическими событиями, а именно попыткой постройки стены между двумя государствами*). Как видно, в нескольких бланках ответов восстановленные слова-источники *America* и *Mexico* автоматически активировали в памяти Ии. связанные с ними ассоциации о последних внешнеполитических

событиях, в частности, миграционном кризисе, приведшем к частичной транспортной блокаде Мексики со стороны США.

Следующие реакции Ии. – *Mexica (9)*; население, живущее в Мексике свидетельствуют о том, что мотивирующим элементом идентификации данного стимула послужил конечный неусечённый компонент – *-mexica*. Для двух других Ии. доминирующим стал, наоборот, только начальный фрагмент – *Ame-*, который побудил их отреагировать ассоциатом – *America (2)*.

Качественный анализ полученных данных показал, что стимул AMEXICA был воспринят подавляющим большинством Ии. как существительное. Очевидно, на «верное» определение части речи и, как результат, на интерпретацию значения контаминированного слова могла повлиять лингвистическая подготовка Ии.: рядовым носителям английского языка, как правило, известен тот факт, что имена собственные, в частности, географические названия, национальности, языки и т.д. пишутся с большой буквы.

Стимул KIDULT (*kid + adult*, e.g. an adult with interests traditionally seen as suitable for children; also a person who is a kid at heart [Danks 2003: 349]) также вызвал достаточно большое количество реакций у Ии. (97), было получено всего 16 отказов. Кроме того, многие Ии., опираясь на знакомые элементы единицы, указали области его функционирования. Среди них несколько раз упоминались СМИ, Интернет, социальные сети, тексты в методичке, статьи и публицистика. В этой связи мы можем предположить, что «узнаваемость» стимула связана с широким употреблением слова не только в современных средствах массовой информации, но и в учебно-методических пособиях, а также научной литературе. Отметим, что практически все Ии. проинтерпретировали контаминант в соответствии с его первоначальными «замыслами», записав следующие дефиниции на родном и английском языках: *kid + adult (15)*; возможно, это взрослый человек, который ведёт себя как ребёнок (4); переходный возраст (от ребёнка к подростку); ребёнок, который обладает мировоззрением не по годам; гибрид слов “*kid*” и “*adult*” (3); ребёнок, ведущий себя нетипично для своего возраста, опережающий в развитии, зрел для своего возраста; в отношении

взрослого, который может вести себя как ребёнок; используется по отношению к взрослым, которые ведут себя как дети (инфантильные); *it's an adult who acts like a child*; наивный и безответственный взрослый человек, не желающий взрослеть; взрослый человек с поведением ребёнка (3); взрослый ребёнок (2); ребёнок, который почти стал взрослым; ребёнок 17-18 лет; взрослый человек, у которого склад жизни и привычки ребёнка; работающий ребёнок; ребёнок похожий на взрослого; наполовину ребёнок, наполовину взрослый; ребёнок + взрослый (2); человек в подростковом возрасте; рассуждает как взрослый; *childish adult* и словообразовательные реакции – *kid + adult* (45). Рассмотренные примеры являются свидетельством того, что обработка стимула осуществлялась Ии. с опорой на звукобуквенный комплекс. При этом смысловые оттенки значений контаминанта (имеется в виду либо взрослый ребёнок; либо взрослый человек, ведущий себя как ребёнок) зависели от того, какой элемент единицы, начальный – *kid-* или конечный – *-dult*, стал для Ии. доминирующим, первостепенным.

Всё же от семи Ии. были получены такие словообразовательные реакции, как *kid* (6) и дефиниция – *ребяческий*, мотивированные лишь начальным неусечённым фрагментом – *kid-*.

В ходе качественного анализа всех ответов нам удалось обнаружить, что стимул KIDULT был «отнесён» Ии. в одних случаях к разряду существительных (например, *ребёнок + взрослый*), в других – к разряду прилагательных (например, *ребяческий*). Данный факт объясняется тем, что для английского языка в силу его аналитического строя характерна конверсия (от лат. *conversio* – «обращение», «превращение»), т.е. одно и то же слово может употребляться в качестве разных частей речи (как, например, слово *adult*), а значит, и выступать в различной синтаксической функции. Изучая грамматические и смысловые особенности субстантивированных форм, О. Есперсен указывает на то, что «существительные в целом характеризуются тем, что они имеют более специальное значение, а прилагательные – тем, что они имеют более общее значение, поскольку первые коннотируют определенный комплекс качеств, а последние указывают на

обладание лишь одним качеством» [Есперсен <http>]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что значение слова может меняться не только в зависимости от контекста или определённой ситуации, но и от личной интерпретации индивидом окружающих его вещей и явлений.

Рассмотрим реакции, полученные к стимулу MAGALOGUE (*magazine + catalogue*, e.g. a promotional catalogue or sales brochures designed to resemble a high-quality magazine [Danks 2003: 346]. В ходе количественного анализа данных было обнаружено достаточно большое количество отказов (46). Некоторые Ии., очевидно, не знали значения данного стимула, тем не менее, многие из них (67) предложили свои варианты ответов. При качественном анализе реакций нами были выделены две основные тематические группы – это «виды речи: монолог / диалог» и «периодические издания в виде книжки: журнал / каталог». К первой группе относятся следующие толкования: *монолог (10); что-то связанное с монологом (2); что-то вроде диалога (беседа); какой-то речевой жанр, что-то вроде монолога; когда человек не желает выслушивать другого; разновидность диалога; что-то связанное с монологом и диалогом; растянутый монолог; монолог + диалог (3); большой монолог* и словообразовательные реакции – *monologue + dialogue (16); monologue (3); dialogue; many + monologue*. Очевидно, в процессе перебора возможных «кандидатов» на роль ассоциата произошёл сбой в понимании, вследствие чего Ии. получили доступ к значениям графически и фонетически похожих слов. Вторая группа ответов представлена такими дефинициями, как *magazine + catalogue (5); каталог товаров в журнале; монолог в журнальной статье; киоск с журналами* и словообразовательными реакциями – *magazine + catalogue (11); magazine (2); catalogue*. Мы можем предположить, что обработка стимула в этих примерах осуществлялась поочерёдно (поэлементно) с опорой на звукобуквенный комплекс. При этом ответы Ии. зависели от того, какой компонент слова (начальный, конечный или оба) стал для них мотивирующим.

Несколько Ии. (2) предоставили в качестве реакций такие субъективные дефиниции, как *MAGA (Make America Great Again) + monologue* и *MEGA*. В

данном случае можно говорить о сбое в процессе идентификации контаминанта и осуществлении доступа к значениям других слов, имеющих графическое и / или фонетическое сходство со стимулом. Подобное явление объясняется тем, что первые четыре фонемы, согласно теории «когорты», активировали в языковой памяти индивида все слова, начинающиеся с этой последовательности графем, в связи с чем были предложены данные варианты интерпретации.

На основе ответов большинства Ии. мы пришли к выводу, что стимул MAGALOGUE переживается ими как незнакомый, в связи с чем во многих случаях он был подвергнут поэлементному / поморфемному анализу. Важной здесь оказалась опора на внешнюю форму слова, в том числе последовательность графем – *-gue*, выступающая своеобразным «орфографическим шаблоном» для рядовых носителей английского языка и позволяющая им догадаться, что представленное слово – существительное, так как морфема ‘*-gue*’ присуща обычно данному лексико-грамматическому классу.

Стимул JAPANEASY (*Japan + easy*, e.g. an application that helps you learn the basics of conversational Japanese and kanji through 15-minute programs and a website [Danks 2003: 371]) был опознан как незнакомый практически всеми Ии., но несмотря на этот факт, было получено достаточно большое количество реакций (81) и 32 отказа. Подавляющее большинство ответов, предоставленных Ии., можно отнести к категории «лёгкий японский», а именно: толкования – *Japan + easy* (13); *программа, которая поможет быстро изучить японский язык; название учебника по изучению японского; лёгкое изучение японского; простой японский (упрощённый); изучение японского, лёгкое запоминание; лёгкий японский язык (4); упрощённый японский язык; японский по-простому; Япония + легко; японец, у которого всё легко получается; японская лёгкость; a simplified version of Japanese* и словообразовательные реакции – *Japan + easy* (31). Представляется, что Ии. подвергли стимул поэлементному анализу: сначала был осуществлён доступ к начальному компоненту – *Japan-*, а затем конечному неусечённому – *-easy*. Стоит отметить, что распознавание контаминанта в большинстве примеров произошло в соответствии с его первоначальным «замыслом». Скорее всего, у

многих Ии. возникли ассоциации с аналогичными программами обучения иностранным языкам, такими как English Easy, German Easy и т.д.

Несколько Ии. (20) записали в качестве ответов следующие дефиниции: *что-то японское или напоминающее японскую культуру; что-то свойственное Японии; разновидность языка (диалект); напоминающий что-то из японской культуры, в японском стиле* и словообразовательные реакции – *Japan* (5); *Japanese* (9); *Japa*; *Japan* + суффикс прилагательного, таким образом остановившись лишь на начальном компоненте слова – *Japan-*.

В случаях с такими реакциями Ии., как *someone from Japan, a naive girl; международные отношения* можно говорить о сбое в процессе идентификации стимула и осуществлении доступа к значениям других слов, вероятно, имеющих визуальное и / или звуковое сходство со стимулом.

Стимул SCARIFYING (*scare + terrifying, e.g. frightening with a mix of extreme violence and absurdist humour* [Danks 2003: 370]) вызвал большое количество реакций у Ии. (91), было выявлено 22 отказа. В зависимости от того, какой компонент контаминированного образования стал мотивирующим, начальный – *scar-* или конечный – *-ifying* (или оба), были получены субъективные дефиниции – *очень страшный* (8); *гибрид слов scary и horrifying, что-то очень страшное; пугающий* (17); *something scary but gratifying; ужасающий* (6); *что-то неприятное; ужасающий, но священный; состояние страха; устрашающий; ужасный; что-то очень пугающее, вызывающее сильный ужас; scare + terrifying* (3); *scary + terrifying; extremely scary* и словообразовательные реакции на английском языке – *scarify + ing; scary* (11); *scary + terrifying* (26); *scarify* (2); *scary + satisfying; scary + суффикс; scary + суффикс прилагательного; scary + sacrificing; scarifying*. Можно предположить, что в рассмотренных примерах доступ к слову осуществлялся с опорой на звукобуквенный комплекс, в том числе графический образ конечного фрагмента – *-ing*, который побудил Ии. записать слова, имеющие такой же (для реакций на английском языке) или эквивалентный (для реакций на русском языке) фрагмент в своей структуре. При этом мотивирующим элементом идентификации данного контаминанта послужил

начальный компонент стимула – *scar(y)* (в значении ‘страшный, ужасный’). Конечный компонент слова – *-ifying*, в свою очередь, был соотнесён с графически и фонетически похожими на стимул словами, являющимися наиболее частотными для Ии. К этой категории реакций можно также отнести такие толкования, как *пугало или отпугиватель и захоронение*, возникшие в результате инференции, или семантического вывода (см. об этом: [Кубрякова 2004]). Представляется, что Ии. «домысливали» содержание контаминанта, активируя отсутствующие элементы концептуальных структур, стоящих за отдельными языковыми единицами (путь обработки информации «снизу вверх» [Филд 2012: 157]). Как отмечается в работе [Заварзина <http>], «... смысл ... рождается в результате взаимоотношений языкового и концептуального содержания, а условием данного взаимодействия является смысловая позиция интерпретатора ...». Иначе говоря, понимание незнакомых или малознакомых слов предполагает некоторые догадки о его «латентных, скрытых, подразумеваемых значениях, а правила такого угадывания или же распознавания информации путём инференции должны быть признаны обязательной чертой стратегий говорящего при использовании им производных или сложных слов» [Кубрякова 2004 цит. раб.: 412].

Вследствие сбоя в процессе идентификации стимула и осуществлении доступа к значениям других слов, вероятно, имеющих визуальное и / или звуковое сходство со стимулом, от Ии. были получены следующие переводные дефиниции: *раскритиковать* и *подверженный критике*.

Стимул FANOMENAL (*fan + phenomenal*, e.g. relating to things that have a remarkable or exceptional effect on fans [Danks 2003: 378]) вызвал у Ии. разнообразные реакции (71), однако было зафиксировано достаточно большое количество отказов (42). Данный контаминант, очевидно, оказался незнакомым / непонятым многим Ии., в связи с чем им представлялось сложным подобрать русский эквивалент той же стилистической окраски. По этой причине большинство ответов было записано на английском языке, а именно: дефиниции – *fan + phenomenal* (16); *phenomenal* (2); *connected to fans*, а также словообразовательные реакции – *[fan]o[men] + al*; *fenomen + al*; *fantastic +*

fenomenal; fan (3); fenomenal (11); fana + fenomenal; fan + phenomenal (15); fan + phenomén; fan + fenomenal; fantastic + phenomenal; phenomena; phenomén. Очевидно, доступ к значению контаминанта в указанных примерах осуществлялся посредством восстановления значений слов-источников. При этом важной здесь оказалась опора на внешнюю форму слова, в том числе последовательность графем – *-al*, соответствующая в данном случае суффиксу, при помощи которого обычно образуются английские прилагательные со значением ‘имеющий природу, относящийся к тому, что выражено основой’.

Переводные дефиниции – *может быть, связано со словом fan и феноменальный; феноменальный (4); fan, что-то необъяснимо весёлое; имеющий большое количество фанатов; собрание фанатов; феноменальный фанат; синдром «фаната»*, зафиксированные в ответах Ии., возникли как реакции по звукобуквенному комплексу. Можно предположить, что рассмотренные примеры представляли собой актуализацию того или иного слова в процессе перебора возможных «кандидатов», которые по определённым причинам оказались наиболее приемлемыми и близкими слову-стимулу. При этом основанием для суждений Ии. явились не только начальная часть контаминанта – *fan-*, но и его конечный элемент – *-noménal*.

Следующие толкования – *привязанный к чему-то; языковая сфера; что-то особенное; общий + идентичный* свидетельствуют о том, что доступ к значениям стимула вовсе не был осуществлён. Скорее всего, лексическое решение принималось Ии. под влиянием личных впечатлений, образов и ассоциаций, связанных с данным словом.

Процесс доступа к значениям контаминированного образования был рассмотрен нами также на примере стимула RECOMMEMBER (*recommend + remember*, e.g. to remember, recollect [Danks 2003: 360]). В общей сложности было записано 84 реакции на английском и русском языках и выявлено 29 отказов. Три основные тематические группы, выделенные нами на основе полученных ответов, – это «помнить + рекомендовать», «рекомендовать + человек», «рекомендация». Первая группа представлена такими субъективными дефинициями, как *recommend*

+ *remember*, что-то типа рекомендую и советую запомнить мой совет; *to remember something you were recommended*; вспоминать что-то, освежить воспоминания; узнать и запомнить; помнить + вспоминать; рекомендовать + помнить (8); помнить порекомендовать что-то; рекомендовано помнить; *recommendation + remember*; *when you remember the recommendation you wanted to share* и словообразовательными реакциями – *recommend + remember* (23); *recollect + remember* (4). Как видно, этой части Ии. удалось «верно» обнаружить границу, по которой произошёл разрыв контаминанта, и восстановить значения слов-источников. К определяющим факторам, способствовавшим достаточно лёгкому «распаковыванию» стимула, можно отнести как невысокую степень усечённости обоих компонентов единицы, так и высокий уровень языковой подготовки Ии.

Ко второй тематической группе относятся толкования – *recommend + member*; человек, которого рекомендуют (3); человек, которого рекомендовал (коллектив); рекомендующий человек; человек, раздающий советы; рекомендованный участник; советчик, член совета; тот, кто рекомендует и словообразовательные реакции – *member* (5); *recommend + member* (12); *recommend + remember + member*. В представленных примерах граница «расчленения» контаминированного образования прошла по ложному шву, обнаружив два слова-источника, одно из которых увело Ии. от «правильного» опознания значения контаминанта.

Третья группа включает в себя такие дефиниции, как *записная книжка с событиями*; *памятка рекомендаций*; *рекомендация, которую надо запомнить*; *рекомендация* (7); *рекомендация члена организации или компании* и словообразовательную реакцию – *recommend + -er*. Очевидно, обработка стимула в данных примерах осуществлялась Ии. с опорой на внешнюю форму слова, в том числе две последние графемы – *-er*, которые, как известно, выступают деривационным суффиксом в английском языке и могут образовывать отглагольные существительные. Мы полагаем, что выделение Ии. данного фрагмента в структуре контаминанта на этапе восприятия стимула сказалось на

дальнейшем морфемном членении слова и, как результат, на его грамматическом и лексическом значении.

Стимул JAZZERCISE (*jazz + exercise*, e.g. *to do a fun and powerfully effective total body workout that combines jazz dance with Pilates, yoga, kickboxing, strength training and stretching* [Danks 2003: 347]) не был опознан Ии. как известный, однако, несмотря на эту характеристику, он вызвал достаточно большое количество реакций (74), было зафиксировано 39 отказов. Подавляющее большинство ответов, предоставленных Ии., можно отнести к категории «музыкальное / танцевальное направление: джаз». Среди них стоит выделить такие субъективные дефиниции, как *упражнения, чтобы практиковать джаз; занятия джазом (9); exercise + jazz (11); connected to music, improvisation; репетиция джазового произведения; заниматься джазом (играть); танцевать джаз, практиковать джаз; играть джаз (2); что-то связанное с джазом; упражнения по джазу; музыкальная принадлежность к какой-либо культуре; заниматься джазовой музыкой, играть её; репетировать джазовые песни; упражняться в джазе*, а также словообразовательные реакции – *jazz (5); [jazz]ercise; jazz + exercise (34)*. Качественный анализ полученных данных позволил нам определить границу «расщепления» контаминированного образования. В данном случае морфемный шов прошёл между начальным неусечённым фрагментом – *jazz-* и конечным усечённым – *-ercise*, которые затем были соотнесены с графически и / или фонетически похожими на стимул словами, являющимися наиболее частотными для Ии. При этом стоит отметить, что в отличие от слова *jazz*, которое было воспринято всеми Ии. как существительное, восстановленное слово-источник *exercise* выступало и в качестве существительного, и в качестве глагола. Данное явление объясняется тем, что в английском языке встречаются слова, форма которых не отражает их принадлежность к определённой части речи: такие единицы могут быть и существительным, и глаголом одновременно. Представляется, что вне контекста определить, к какому грамматическому классу относятся подобного рода слова, невозможно.

Заслуживают внимания дефиниции двух Ии. – *тот, кто играет джаз, выполняет упражнения, связанные с джазом; тот, кто увлекается джазом или постоянно слушает его*. В этом случае граница морфемного шва прошла между начальным неусечённым фрагментом – *-jazz* и конечным усечённым – *-cise*, что привело к семантическому сдвигу в значении лексемы и актуализации в конечном итоге другого, субъективного значения, наиболее близкого исходной единице.

Несколько Ии. (2) предоставили в качестве реакций такие толкования, как *упражнение в определённой сфере; тренировка каких-либо навыков игры*, таким образом остановившись лишь на конечном усечённом компоненте слова – *-ercise*.

Стимул POLITICIDE (*politician + suicide*, e.g. *to kill or eliminate a particular group because of its political or ideological beliefs* [Danks 2003: 358]) также вызвал множество реакций у Ии. (79), всё же было выявлено 34 отказа. Несмотря на то, что в бланках ответов Ии. не были указаны ни степень знакомости стимула, ни области его употребления, распознавание контаминанта в большинстве примеров произошло в соответствии с его первоначальным значением. При этом важной здесь оказалась опора на звукобуквенный комплекс. Так, подавляющее большинство Ии. записали реакции, которые можно отнести к категории «политическое убийство», а именно: дефиниции – *убийство какого-то политика (8); кризис или политический суицид; убийство + политика (2); политическое самоубийство (5); politics + homicide, when there's a homicide due to politics; политический суицид (3); political suicide (4); when you kill your reputation as a politician* и словообразовательные реакции – *politics + suicide (6); political suicide (14); politic + homicide (4); politics + homicide (5)*. Очевидно, обработка стимула в рассмотренных примерах осуществлялась как поочередно (например, *politics + suicide*), так и параллельно (например, *when you kill your reputation as a politician*). К этой группе ответов можно также отнести интерпретации двух Ии. – *крах политического курса* и *политический провал*, появившиеся в результате инференции.

Следующие толкования – *заниматься политикой; что-то связанное с политикой (2); понятие политики; политикон* и словообразовательные реакции –

politic (9); *politics* (4) свидетельствуют о том, что мотивирующим элементом идентификации данного контаминанта послужил начальный компонент стимула – *politic-*.

В случаях с такими дефинициями, как *политика + сторона; политическая сторона, точка зрения; оппозиция* и словообразовательными реакциями – *politic side* (2) можно говорить о сбое в процессе идентификации стимула и осуществлении ошибочного доступа к значениям «графического соседа».

Качественный анализ полученных данных показал, что стимул POLITICIDE был воспринят большей частью Ии. как существительное (например, *убийство какого-то политика*) и меньшей – как глагол (например, *заниматься политикой*). Скорее всего, представленный контаминант вызвал у большинства Ии. ассоциации с другими словами, созвучными стимулу, – *suicide* или *homicide*, которые встречались им в разных контекстах именно в качестве существительных.

Влияние фактора субъективной частотности слова и его значений прослеживается на примере стимула TWOGETHER (*two + together, e.g. a couple that does not believe in ‘soul mates’ or the traditional relationship, but they want to be known as one [Danks 2003: 372]*). В общей сложности было записано 93 реакции на английском и русском языках и получено 20 отказов. Две основные тематические группы, на которые можно подразделить реакции, – это «группа людей, состоящая из двух человек» и «вместе». К первой группе относятся субъективные дефиниции – *двойняшки или те, кто всегда вдвоём; 2 + gether, то же самое, что и 4ever 2gether, про хороших друзей; используется, когда есть цель сделать упор на то, что люди должны работать вместе как команда; вместе именно о двух; about a couple who’s always together, two people who can’t imagine their lives without each other; группа из 2-х людей (7); отношения двух людей (2); компания, состоящая из двух; когда два человека собираются вместе и делают что-то; два человека вместе; взаимоотношения два + вместе; два человека вместе; вдвоём (9); компания на «двоих»; word play: “two” + “together”; two people together и словообразовательные реакции – *two + together* (38); *Two + gether* (3). Мы можем*

предположить, что данные примеры являются результатом как поочерёдного доступа (например, *два человека вместе*), так и параллельного (например, *используется, когда есть цель сделать упор на то, что люди должны работать вместе как команда*). Стоит обратить внимание на то, что во многих ответах, записанных Ии., прослеживается эмоционально-оценочный компонент восприятия стимула: они отмечали те критерии взаимоотношений, которые важны для них в первую очередь.

Во вторую тематическую группу входят такие толкования, как *с кем-то вместе; схожее по значению с together; together (4); вместе (5); парно; видела сокращение 2together* и словообразовательные реакции – *together (7)*. Очевидно, в процессе перебора возможных «кандидатов» на роль ассоциата произошёл сбой, вследствие чего Ии. получили доступ к «фонетическому соседу» – *together* (в значении ‘вместе’). В данном случае Ии., скорее всего, восприняли стимул как некую «деформированную», «аномальную» лексическую единицу. Стремясь придать ей структурную целостность, они заменяли одни компоненты слова другими, созвучными с предъявляемым стимулом. Таким образом, в сознании индивидов контаминант миновал стадию «распада» на составляющие элементы, изначально заложенные в лексеме, и актуализировал значение, оказавшееся для Ии. наиболее частотным. В этой связи можно сделать вывод о том, что процесс восприятия и опознания контаминированных образований может сопровождаться не только расширением значения, но и сужением.

Для одного И. актуальным стал только начальный компонент стимула, который мотивировал следующую словообразовательную реакцию: *two*.

В ходе качественного анализа всех ответов нам удалось обнаружить, что стимул *TWOGETHER* в одних случаях был «отнесён» Ии. к разряду существительных (например, *двойняшки или те, кто всегда вдвоём*), в других – к разряду наречий (например, *вдвоём*). По всей видимости, одной из причин появления первых (именных частей речи) является то, что стимул был записан в анкетах с заглавной буквы, что нетипично для английских наречий.

В результате количественного анализа данных, полученных в ходе Э2, было установлено, что основными реакциями на предъявленные англоязычные слова-стимулы оказались переводные (27%) (например, POLITICIDE < *политическое самоубийство*), псевдо-переводные (12%) (например, FANOMENAL < *синдром «фаната»*), беспереводные реакции с «верным» опознанием мотивирующих элементов (45%) (например, JAPANEASY < *Japan + easy*), беспереводные реакции с «неверным» опознанием мотивирующих элементов (16%) (например, MAGALOGUE < *MAGA (Make America Great Again) + monologue*). Преобладающее количество беспереводных реакций с «верным» опознанием мотивирующих элементов, а также переводных реакций свидетельствует, прежде всего, о незатруднённом «распаковывании» исследуемых стимулов большинством Ии. Так, 73% Ии. удалось «верно» обнаружить границу, по которой проходил разрыв контаминированных образований, и восстановить значения слов-источников на английском и / или русском языке. При этом наиболее лёгкими для идентификации оказались стимулы AMEXICA, KIDULT, JAPANEASY, SCARIFYING, JAZZERCISE и TWOGETHER, где процент «правильного» опознания слов Ии. составил 55,2% от общего числа реакций (456 ответов из 826), а показатель отказов – не более 10%. В большинстве случаев доступ к значениям представленных контаминантов осуществлялся с опорой на внешнюю форму слова, а именно выделяемые в контаминированном образовании фрагменты (65,7%) (например, KIDULT < *kid + adult*), а также с опорой на эмоционально-оценочные переживания (17,6%) (например, SCARIFYING < *что-то очень пугающее, вызывающее сильный ужас*). В некоторых примерах идентификация слов-стимулов могла привести к актуализации фоновых знаний (в трёх бланках ответов «распакованные» понятия *America* и *Mexico* автоматически активировали в памяти Ии. связанные с ними ассоциации о последних внешнеполитических событиях, в частности, миграционном кризисе, приведшем к частичной экономической блокаде Мексики со стороны США). Мы полагаем, что выбор носителями языка той или иной стратегии в отношении указанных стимулов был обусловлен высоким уровнем лингвистической, в том числе

словообразовательной, компетентности Ии., а также «развитостью» ментального лексикона изучаемого ими языка. К определяющим факторам, способствовавшим достаточно лёгкому распознаванию данных контаминантов, можно также отнести невысокую (отсутствие) степень усечённости компонентов лексических единиц.

В 69 реакциях (8,4%), тем не менее, определяющим фактором для Ии. оказалась субъективная частотность значения слова, которая способствовала тому, что Ии. «подстраивали» первоначальное значение контаминанта под то, которое оказалось для них наиболее актуальным. В этой связи считаем необходимым выделить реакции двух Ии. на стимул SCARIFYING: *пугало или отпугиватель* и *захоронение*, появившиеся в результате инференции, или семантического вывода. Пытаясь преодолеть семантический разрыв между элементами, входящими в состав контаминанта, Ии. активировали отсутствующую информацию путём творческого «домысливания», которое опиралось главным образом на личные впечатления индивидов, ассоциации и образы, возникающие в связи с этим словом.

В других примерах наблюдался противоположный по содержанию процесс, представляющий собой уменьшение семантического объёма слова. В этом отношении заслуживают внимания несколько реакций Ии. на стимул TWOGETHER: *с кем-то вместе; схожее по значению с together; вместе (5); парно и together (4)*. Стремясь придать лексеме структурную целостность, Ии. заменяли одни компоненты слова другими, созвучными с предъявляемым стимулом, в результате чего актуализировались значения, оказавшиеся для них наиболее частотными. Таким образом, нами был сделан вывод, что восприятие и понимание контаминированных образований искусственными билингвами предполагает в ряде случаев семантическую модификацию исходного значения слов, которая, в свою очередь, может привести к расширению смыслового объёма контаминантов или его сужению.

Наиболее трудными для идентификации оказались стимулы MAGALOGUE, FANOMENAL, RECOMMEMBER и POLITICIDE (более 15% отказов), где из-за недостатка фоновых знаний, а иногда ввиду невысокого уровня языковой

подготовки, доступ к значениям контаминированных слов осуществлялся с опорой на звукобуквенный комплекс (74,4%) (например, POLITICIDE < *politic side*) и возникающее у Ии. ощущение сходства указанных стимулов с другими единицами языка (24,3%) (например, MAGALOGUE < *что-то связанное с монологом и диалогом*). При этом нами было обнаружено, что лишь в 151 реакции (18,3%) дезинтеграция смешанного пространства произошла в соответствии с первоначальным «замыслом» контаминанта. В остальных случаях (18,2%) «расщепление» ментальных пространств приводило к актуализации других, субъективных значений, наиболее близких исходной единице. Таким образом, Ии. «подстраивали» своё понимание под те значения, которые, по их мнению, являлись наиболее подходящими. Представляется, что при «распаковывании» стимулов этой группы основные усилия Ии. были направлены на поиск различных опор и знакомых элементов, которые в конечном итоге смогли бы вывести их на смысл.

Стоит отметить, что результаты, полученные в ходе Э2, отразили также значимость словообразовательной формы при распознавании контаминантов рядовыми носителями языка. Так, 45% Ии. в процессе идентификации стимулов ориентировались не только на значение мотивирующих элементов (корневых морфем), но и на формообразующие суффиксы. Например, доступ к слову-стимулу JAPANEASY был осуществлён большинством Ии. с опорой на графический образ конечного фрагмента – -у, сигнализирующий о грамматической принадлежности лексемы к классу прилагательных. Выделенный Ии. в ходе морфемного анализа словообразовательный суффикс побудил их записать слова, имеющие такой же (для реакций на английском языке) или эквивалентный (для реакций на русском языке) элемент в своей структуре, а именно: *Japan + easy*; *Japan + суффикс прилагательного*; *простой японский (упрощённый)*; *лёгкий японский язык*; *лёгкое изучение японского* и др. (с сохранением знаков в ответах Ии.).

При опознании слов-стимулов с нулевыми суффиксами Ии. опирались на такие формальные характеристики, как написание слова с заглавной буквы

(29,6%) (например, *Amexica, Japaneasy, Twogether*), а также образ отдельных морфем (цепочек графем) – ‘-gue’, ‘-cide’, ‘-ica’ (24,1%) (например, *magalogue, politicide*), которые выступали своеобразными «графическими маркерами» для рядовых носителей английского языка, позволяющие им определить, к какой части речи относится то или иное слово. В некоторых примерах, однако, были зафиксированы случаи грамматической омонимии в рамках одного слова. Иллюстрацией такого языкового явления может служить стимул JAZZERSIZE, который был воспринят одной частью Ии. как существительное, а другой частью – как глагол. Этот факт объясняется тем, что в английском языке встречаются слова, форма которых не отражает их принадлежность к определённой части речи: такие единицы могут быть и существительным, и глаголом одновременно. Представляется, что вне контекста определить, к какому грамматическому классу относятся подобного рода слова, невозможно.

Материалы Э2 показывают, что мотивирующими элементами идентификации представленных контаминантов послужили различные компоненты слова, как значимые (морфологические компоненты), так и простые цепочки графем. При этом во многих случаях использование мотивирующих элементов носило комбинаторный характер, что обеспечивало более успешный доступ к слову.

Обобщая результаты качественного анализа экспериментальных данных на этом этапе, мы можем сделать вывод, что основными опорами для Ии. при доступе к контаминированному образованию в процессе идентификации стали:

1) опора на перевод и прямую дефиницию слова (переводные и псевдо-переводные реакции): AMEXICA < *область между Америкой и Мексикой*; MAGALOGUE < *большой монолог*;

2) опора на фонетический образ (фонетические реакции, созвучные с исходным словом) с дальнейшим подразделением на следующие группы:

а) сходство по начальному элементу: POLITICIDE < *politic* (9); JAPANEASY < *Japan* (5); FANOMENAL < *fan, что-то необъяснимо весёлое*;

б) сходство по конечному элементу: RECOMMEMBER < *member* (5); AMEXICA < *население, живущее в Мексике*; MAGALOGUE < *catalogue*;

3) опора на морфологические компоненты слова с дальнейшим подразделением на следующие группы:

а) опознание мотивирующих элементов слова: JAPANEASY < *лёгкое изучение японского; японский по-простому*; TWOGETHER < *отношения двух людей; компания, состоящая из двух*; POLITICIDE < *политическое самоубийство* (5);

б) опознание словообразовательной модели стимула (мотивация суффиксом): SCARIFYING < *scare + terrifying; scary + satisfying*; FANOMENAL < *fan + phenomenal; может быть, связано со словом fan и феноменальный*;

4) опора на возникающее у Ии. ощущение сходства слова-стимула с другими единицами языка (так называемые «графические соседи»): MAGALOGUE < *MAGA (Make America Great Again) + monologue; большой монолог*; FANOMENAL < *феноменальный*;

5) опора на эмоционально-оценочные переживания, когда даётся оценка предмету и описываются разные оттенки эмоционального отношения, признаётся важность участия чувственно-сенсорного компонента: KIDULT < *наивный и безответственный взрослый человек, не желающий взрослеть; используется по отношению к взрослым, которые ведут себя как дети (инфантильные)*; TWOGETHER < *about a couple who's always together, two people who can't imagine their lives without each other*;

б) опора на уже известную ситуацию, соотнесение со своим социальным опытом: AMEXICA < *слово связано с недавними политическими событиями, а именно попыткой постройки стены между двумя государствами*; TWOGETHER < *видела сокращение 2together*.

На основе всех выявленных опор, используемых Ии. в ходе Э2, нам удалось выделить наиболее актуальные модели идентификации контаминированных образований. Среди них оказались модель опознания формальных мотивирующих элементов стимула (корневых морфем) и опознание словообразовательной модели

стимула, что подразумевает не только узнавание формообразующих аффиксов, но и простых цепочек графем и / или фонем, находящихся в начале, середине или конце слова. Выделение морфологических компонентов слова в качестве опоры для идентификации контаминантов предполагает наличие у носителей языка морфологического знания. Приведённые выше примеры, по нашему мнению, подтверждают наличие у Ии. правил и идентификационных эталонов и свидетельствуют об опознании словообразовательной модели. При этом формообразующие суффиксы и цепочки графем выступали как более стабильные, более частотные элементы, в отличие от корневых морфем.

Итак, в результате проведённого нами анализа экспериментального материала было установлено, что практически все предъявленные в Э2 стимулы переживались Ии. как незнакомые, в связи с чем в подавляющем большинстве случаев (73,1%) они были подвергнуты поэлементному / поморфемному анализу. При этом важно отметить, что реагирование подобным образом требовало от Ии. больших умственных затрат, так как анализ структуры контаминированных образований предполагал не только выявление мотивирующих элементов, но и соотнесение полученной информации со всеми имеющимися у индивидов сведениями о языке и окружающем мире, а также поиск объяснимой связи между обнаруженными компонентами. Вполне естественным было то, что в фокусе внимания Ии. могла оказаться какая-то одна особенность объекта, не обязательно существенная, но возбудившая наиболее яркие впечатления и переживания. Представляется, что при встрече с незнакомым / малознакомым словом, каковым и является контаминант, Ии. искали в своём предшествующем опыте известный им конкретный образец, на который они смогли бы спроецировать новое явление. Как отмечает А.А. Залевская, «... чтобы опознать слово как таковое, его нужно включить во внутренний контекст предшествующего опыта познания и общения, т.е. “высветить” в голограмме индивидуального образа мира полимодальный образ соответствующего объекта (действия, состояния и т.д.) как некую сущность с определёнными признаками, свойствами, связями и отношениями, типичными и возможными / невозможными ситуациями, пресуппозициями и импликациями, а

также с социально принятым и / или личностным отношением к именуемой сущности» [Залевская 2012б цит. раб.: 57].

Таким образом, можно сделать вывод, что в процессе идентификации контаминированного образования одинаково важны как внутренний, так и внешний (понимаемый широко) контексты, слаженное функционирование и взаимодействие которых обеспечивает лексический доступ к незнакомой единице, а также её понимание. При этом сам процесс идентификации контаминанта не сводится к простому декодированию составляющих его компонентов, а представляет собой творческий процесс распознавания образов.

2.2.3. Факторы, влияющие на выбор приоритетных стратегий, и модель процесса идентификации контаминированного образования

В задачи настоящего исследования входило выявление специфических факторов, оказывающих влияние на функционирование контаминанта в сознании и подсознании искусственного билингва. В результате анализа полученного от испытуемых языкового материала было установлено, что при идентификации контаминированного слова носители языка прибегают к двум основным видам стратегий: 1) стратегии восстановления значений слов-источников, т.е. поэлементного / поморфемного анализа; 2) стратегии восприятия контаминанта как целостного образования, т.е. без предварительного доступа к элементам, входящим в его состав. Как уже было отмечено ранее, поэлементному анализу подверглось 69,1% всех предъявленных стимулов, в то время как целостному – 9%. То, какой именно способ был задействован в каждом конкретном случае, было обусловлено рядом факторов, которые мы условно подразделили на две категории: а) факторы, связанные с лексическим статусом контаминанта (степень выраженности лексических характеристик контаминированного слова: степень усечённости компонентов слова, орфографическое сходство с другими высокочастотными «соседями», влияние словообразовательных морфем); б) факторы, связанные с личностно-психологическими особенностями носителей

учебного билингвизма, воспринимающими контаминант (объём фоновых знаний, уровень лингвистической компетентности, степень социокультурной эрудиции индивидов).

Рассмотрим каждую из указанных групп факторов более подробно. К числу наиболее существенных лингвистических признаков, влияющих на восприятие и опознание контаминированного образования, относится степень усечённости компонентов слова. Понимание единиц с низкой степенью сокращения было связано с меньшими умственными затратами, чем понимание слов с высокой степенью сокращения. Полная форма слова-источника не всегда могла быть восстановлена из части, входящей в состав контаминанта, ввиду высокой степени усечённости хотя бы одного из компонентов и, соответственно, невозможности его распознавания (например, БРЕКСИТ < *имя; человек*; CHILLAX < *что-то холодное; охлаждение; что-то связанное со словом chill, возможно, холод*; CATASTROIKA < *стройка; строительство*; RECOMMEMBER < *member*; POLITICIDE < *politics*). В таких случаях соответствующая ментальная репрезентация не была активирована, поэтому предложенная Ии. интерпретация могла часто не совпадать с содержанием, изначально заложенным в контаминант.

Не менее важным фактором, оказывающим влияние на доступ к значениям контаминированного слова, является звукобуквенный комплекс и то, каким образом он коррелирует с уже имеющимися знаниями и социальным опытом Ии., в частности наличием так называемых «графических и / или фонетических соседей». В 31,3% случаев (в 378 реакциях из 1207) доступ к «нужным» значениям контаминантов не был осуществлён по причине их «схожести» со словами, являющимися для Ии. более актуальными (например, БРЕКСИТ < *break + seat; место для отдыха; похоже на брекеты, возможно, из сферы стоматологии и ортодонт-систем*; FANOMENAL < *имеющий большое количество фанатов*; SCARIFYING < *раскритиковать*). В некоторых примерах стимул и вовсе не был воспринят как многокомпонентная единица, относящаяся к периферийным слоям ментального лексикона. Например, стимул БРАНЧ был опознан как одно из значений английского слова 'branch', о чём свидетельствуют

полученные на него ответы: *ветвь; ответвление; раздел; подразделение; ветка от основного направления.*

Актуальными для Ии. при распознавании контаминантов также оказались словообразовательная структура слова и его морфемный состав. Как показали результаты экспериментального исследования, опорными элементами идентификации стимулов могли служить различные компоненты слова, как значимые (морфологические компоненты), так и простые цепочки графем и / или фонем, находящиеся в начале, середине и в конце слова. При этом во многих случаях использование мотивирующих элементов носило комбинаторный характер, что обеспечивало более успешный доступ к слову. Например, доступ к стимулу MAGALOGUE был осуществлён большинством Ии. с опорой на звукобуквенный комплекс, в том числе графический образ конечного фрагмента – *-gue*, указывающий на принадлежность лексемы к классу существительных. Выделенный Ии. в ходе морфемного анализа словообразовательный суффикс побудил их записать слова, имеющие такой же (для реакций на английском языке) или эквивалентный (для реакций на русском языке) элемент в своей структуре, а именно: *magazine + catalogue; monologue + dialogue; MAGA (Make America Great Again) + monologue; что-то связанное с монологом и диалогом; растянутый монолог; монолог + диалог* и др. (с сохранением знаков в ответах Ии.).

Важно отметить, что факторы, влияющие на процесс опознавания слова, зависели не только от степени выраженности лексических свойств контаминанта, но и от уровня личностно-психологических особенностей носителей учебного билингвизма, воспринимающих контаминант. Полученные экспериментальные данные позволили установить, что успешность опознания значений контаминированных слов в целом связана с уровнем сформированности лингвистической компетентности у Ии., объёмом и качеством словаря родного и изучаемого языков, а также с запасом фоновых знаний родной культуры и культуры изучаемого языка. По нашим наблюдениям степень влияния родного языка и культуры находилась в определённой зависимости от уровня владения неродным языком искусственными билингвами: чем более незнакомым стимул

казался Ии. по причине отсутствия или неполноты фоновых знаний и / или недостаточной лингвистической подготовки, тем большее значение имел принцип опоры на родной язык. Рассмотрим в качестве примера некоторые ответы Ии., полученные на стимул CATASTROIKA. Заслуживает внимания реакция одного И. – *что-то связанное с подсчётами, точными науками*, мотивированная конечным элементом – *-troika* (рус. *тройка*). Этот же элемент, переосмысленный как «упряжка в три лошади», побудил ещё одного И. отреагировать ассоциатом – *лошади*, что явно обусловлено его культурной принадлежностью, осведомлённостью о реалиях родной культуры. Ассоциация – *стройка котов* является результатом поочерёдного доступа сначала к начальному компоненту стимула – *cata-*, а потом конечному – *-stroika*, которая, к тому же, отражает способности И. к языковой игре.

С другой стороны, контаминанты, воспринимаемые Ии. как «знакомые / известные», а также контаминанты с низкой степенью усечённости компонентов распознавались без особых затруднений в соответствии со значением, изначально заложенным в слове. Особый интерес представляют примеры идентификации контаминанта Ии., характер которой прямо не соотносился с уровнем их лингвистической подготовки. Ожидалось, что студенты магистратуры не будут испытывать трудностей при опознании стимула БРЕКСИТ. Однако, судя по ответам большинства Ии., они были «дезориентированы» сформировавшимися к этому этапу обучения навыками лингвистического анализа, который был применен ими в отношении стимула. Так, реакции *break + seat; место для отдыха в офисе; место для отдыха* были мотивированы начальным фрагментом слова – *Брек-* и конечным – *-сит*. Предположительно, в результате доступа к начальному элементу стимула у Ии. было актуализировано значение его «фонетического соседа» – *break* (в значении ‘перерыв / перемена’), являющееся наиболее частотным для них. В процессе перебора возможных «кандидатов» на роль ассоциата для конечного компонента стимула Ии. получили доступ к английскому слову – *seat* (в значении ‘место’), имеющему схожую фонетическую форму.

Реакции других Ии. – *выход Великобритании из ЕС; выход Британии из Евросоюза; отделение страны, ранее входящей в федерацию; что-то связанное с бизнесом; что-то связанное с политикой; финансы* (с сохранением знаков в ответах Ии.) свидетельствуют об успешности опознания контаминанта, обозначающего известную процедуру выхода Великобритании из Европейского союза, инициированную в 2017 году.

В связи с этим мы полагаем, что результаты идентификации контаминанта в целом коррелируют с уровнем лингвистической компетентности (уровнем владения иностранным языком), который формально соотносится с этапом обучения. Однако часто успешность идентификации, т.е. опознание значения контаминанта, принятое в социуме, в большей степени зависит от развитости социокультурной эрудиции индивида, его осведомлённости о политических и культурных событиях, происходящих в современном мире.

Таким образом, процесс идентификации контаминированного слова в силу специфики учебного двуязычия находится под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, которые в целом уравнивают друг друга. В результате их воздействия актуализируются («высвечиваются») все возможные элементы слова, которые могут послужить опорами при его идентификации. Обработка лексемы и неосознаваемый анализ возможных опор идентификации приводит к выделению основного опорного элемента / элементов, что обеспечивает репрезентацию доступа к стимулу в ментальном лексиконе (к целому слову или к отдельным его морфемам). Это ведёт к извлечению всей имеющейся информации о слове, т.е. его идентификации.

Анализ литературы по проблемам идентификации слова и моделям доступа к слову в ментальном лексиконе, а также результаты проведённого экспериментального исследования позволяют нам построить последовательную модель процесса идентификации контаминированного слова, которая может пойти двумя путями: через восприятие контаминанта как целостного образования (когда слово ранее встречалось Ии. в различных контекстах и переживается как знакомое, в нашем эксперименте, например, БРАНЧ, БРЕКСИТ, ДЖЕГГИНСЫ,

ФИЛОЛУХ) или через идентификацию отдельных составляющих (если слово воспринимается Ии. как незнакомое или плохо знакомое, например, CATASTROIKA, RECOMMEMBER, FANOMENAL) (см. рис. 7).

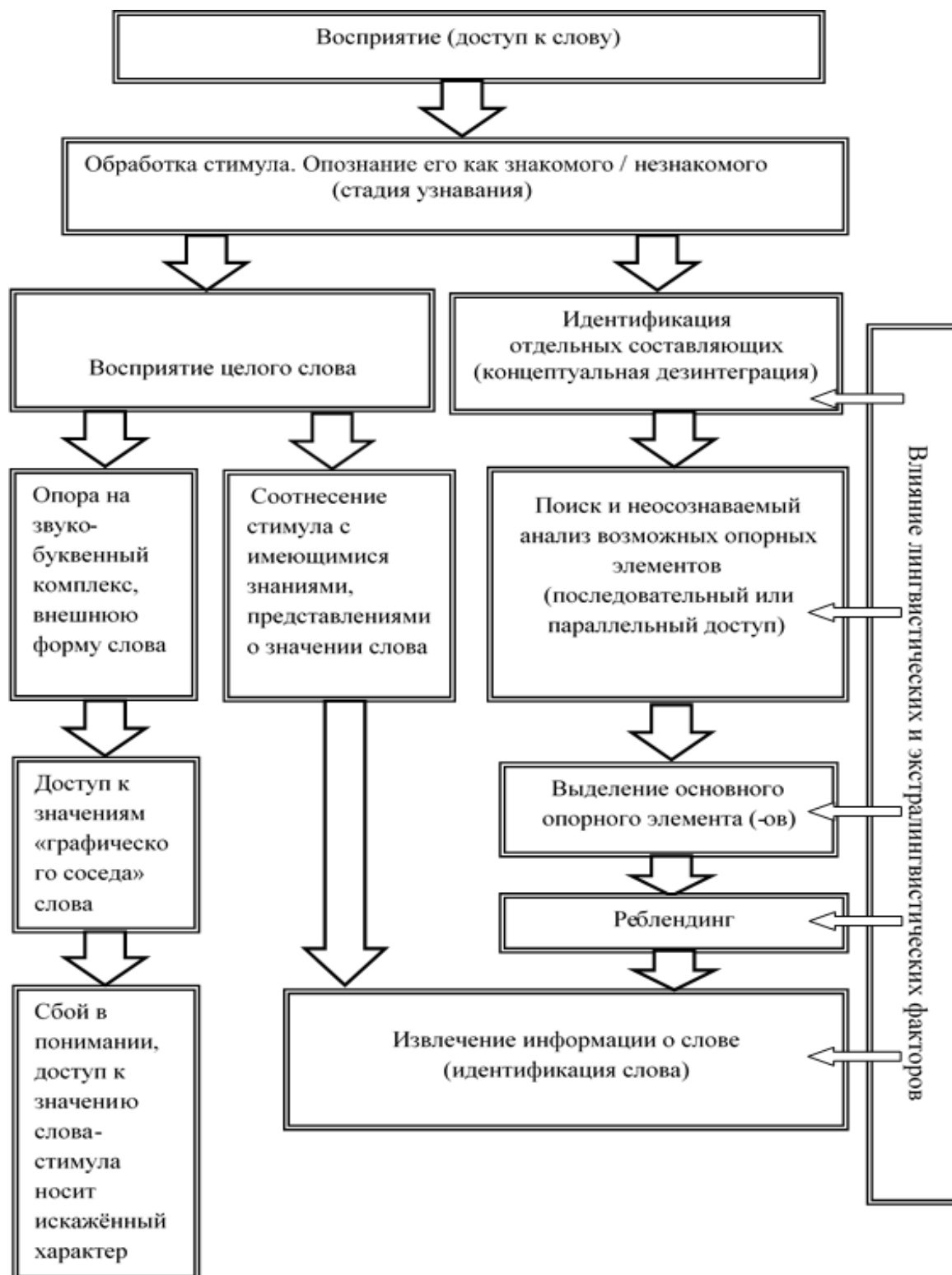

Рис. 7. Модель процесса идентификации контаминированного образования искусственными билингвами

Выводы по главе 2

1. Обзор существующих на сегодняшний день моделей доступа к хранению и извлечению значений слов в ментальном лексиконе, а также анализ нашего экспериментального материала показали, что опознание контаминанта, как и любой другой сложно репрезентированной единицы, осуществляется двумя способами: либо непосредственно, т.е. без предварительного доступа к элементам (морфемам / цепочкам графем), входящим в их состав, либо через идентификацию отдельных составляющих. Так, в нашем исследовании поэлементному анализу подверглось 69,1% всех предъявленных стимулов, в то время как целостному – 9%. Поэлементный доступ к значениям контаминированных образований был обусловлен следующими лексическими характеристиками контаминанта: а) его низкой частотностью по данным задействованных корпусов; б) мотивирующей морфемой, воспринимаемой Ии. как высокочастотная. При прямом (непосредственном) доступе к контаминанту как целостному образованию определяющими стали: а) его высокая частотность; б) знакомость слова; в) ситуация, в которой мотивирующие элементы контаминанта соотносятся с другим, хорошо знакомым словом («графическим соседом»).

2. При доступе к контаминанту происходит «расщепление» ментальных пространств, находящихся в состоянии слияния в структуре контаминированного образования, которое, в свою очередь, предлагается рассматривать как процесс концептуальной дезинтеграции – процесс, обратный концептуальной интеграции в терминах Ж. Фоконье и М. Тёрнера. Граница, по которой происходит разрыв образования, «подвижна» и часто не совпадает с «морфемным швом» контаминанта как лексической единицы языковой системы, что свидетельствует о субъективном характере восприятия подобного рода слов. Перемещение границы морфем внутри лексемы влечёт за собой новое членение и сопровождается семантическим сдвигом, приводящим к образованию новых по смыслу и различных по объёму значения слов. Описанный процесс «переосмысления» значения контаминанта рядовым носителем языка и культуры был обозначен

нами термином «ментальный реблендинг», подразумевающий объединение вновь распавшихся ментальных пространств. При моделировании процесса идентификации контаминированного слова возможно условное разграничение стадий: доступ к слову – концептуальная дезинтеграция – реблендинг, сопровождающийся семантическим сдвигом – идентификация слова.

3. На основе полученных в ходе Э1 и Э2 данных, можно сделать вывод, что при предъявлении стимулов вне контекста основными опорами для Ии. при доступе к контаминированному образованию в процессе идентификации являются:

1) опора на перевод и прямую дефиницию слова (переводные и псевдо-переводные реакции): BRANGELINA < союз Брэда Питта и Анджелины Джоли; THRILLIONAIRE < человек, у которого дух захватывает; CATASTROÏKA < стройка котов; MAGALOGUE < большой монолог;

2) опора на фонетический образ (фонетические реакции, созвучные с исходным словом) с дальнейшим подразделением на следующие группы:

а) сходство по начальному элементу: БРЕКСИТ < похоже на брекеты, возможно, из сферы стоматологии и ортодонт-систем; THRILLIONAIRE < thriller – a man who scares people; триллер; POLITICIDE < politic; JAPANEASY < Japan;

б) сходство по конечному элементу: CATASTROÏKA < стройка; лошади; ПЕРМЪЗАН < порода птиц; RECOMMEMBER < member; AMEXICA < население, живущее в Мексике; MAGALOGUE < catalogue;

3) опора на морфологические компоненты слова с дальнейшим подразделением на следующие группы:

а) опознание мотивирующих элементов слова: БРЕКСИТ < место для отдыха в офисе; место для отдыха; БРАНЧ < breakfast + lunch; приём пищи между завтраком и обедом; ФАБЛЕТ < маленькая фабула; fabulous + outlet; TWOGETHER < отношения двух людей; POLITICIDE < политическое самоубийство;

б) опознание словообразовательной модели стимула (мотивация суффиксом): SCARIFYING < *scare + terrifying; scary + satisfying*; FANOMENAL < *fan + phenomenal*; может быть, связано со словом *fan* и феноменальный;

4) опора на возникающее у Ии. ощущение сходства слова-стимула с другими единицами языка (так называемые «графические соседи»): БРАНЧ < *подразделение; отдел; ответвление; раздел; ветвь*; MAGALOGUE < *MAGA (Make America Great Again) + monologue*; FANOMENAL < *феноменальный*;

5) опора на эмоционально-оценочные переживания, когда даётся оценка предмету и описываются разные оттенки эмоционального отношения, признаётся важность участия чувственно-сенсорного компонента: ФИЛОЛУХ < *филолог-неудачник; филолог-растяпа; лентяй*; KIDULT < *наивный и безответственный взрослый человек, не желающий взрослеть; используется по отношению к взрослым, которые ведут себя как дети (инфантильные)*;

б) опора на уже известную ситуацию, соотнесение со своим социальным опытом: БРЕКСИТ < *выход Великобритании из ЕС*; БРАНЧ < *приём в высшем обществе, Верхний Ист-Сайд*; ФАБЛЕТ < *таблет; телефон; смартфон*; ПЕРМЬЗАН < *что-то связанное с Пермью, может, сыр, который стали там делать после санкций*; АМЕХИСА < *слово связано с недавними политическими событиями, а именно попыткой постройки стены между двумя государствами*; TWOGETHER < *видела сокращение 2together*.

Анализируя возможности выбора опоры, мы пришли к выводу, что в ряде случаев не представлялось возможным выделить приоритетные опорные элементы, так как реакции Ии. свидетельствуют о взаимодействии опор разного типа.

4. Важно отметить, что в 40,9% случаев (в 493 реакциях из 1207) определяющим фактором для Ии. оказалась субъективная частотность значения слова, которая способствовала тому, что Ии. «подстраивали» первоначальное значение контаминанта под то, которое оказалось для них наиболее актуальным. При этом в процентном соотношении показатели субъективной оценки узнаваемости предъявленных стимулов распределились между студентами 1

курса магистратуры и студентами 1-4 курсов бакалавриата следующим образом: 72% и 27% соответственно. В этой связи мы можем сделать вывод, что «правильность» идентификации контаминированных слов находилась в определённой зависимости от уровня владения неродным языком искусственными билингвами: очевидно, студентам-бакалаврам, прошедшим углублённую лингвистическую подготовку, было легче понять первоначальный «замысел» контаминантов, нежели студентам магистратуры, имеющим разный уровень языковой компетенции. Кроме того, достаточно высокий процент субъективных интерпретаций свидетельствует о том, что процесс идентификации контаминированного образования не сводится к простому декодированию составляющих его компонентов, а представляет собой творческий процесс распознавания образов носителями определённого лингвокультурного сообщества.

5. На основании интерпретации полученных результатов была предложена последовательная модель процесса идентификации контаминированного образования искусственными билингвами, которая может пойти двумя путями: через восприятие контаминанта как целостного образования (когда слово могло ранее встречаться Ии. в различных контекстах и переживается как знакомое, в нашем эксперименте, например, БРАНЧ, БРЕКСИТ, ДЖЕГГИНСЫ, ФИЛОЛУХ) или через идентификацию отдельных составляющих (если слово воспринимается Ии. как незнакомое или плохо знакомое, например, CATASTROIKA, RECOMMEMBER, FANOMENAL).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бурный рост потока информации в условиях глобализации, расширения взаимосвязей и взаимозависимости различных культур, а также ускорения темпов научно-технического прогресса привёл к необходимости создания особых механизмов переработки данных, заключающихся в сжатии речевого сообщения при его одновременном смысловом уплотнении. На данном этапе развития как английского, так и русского языков одним из высокопродуктивных способов образования слов, способных кратко передать мини-сообщение в условиях недостатка времени или эмоциональной насыщенности, является контаминация. Вбирая в себя черты двух продуктивных способов словообразования, таких как словосложение и словосокращение, она позволяет передать максимум смыслового содержания при минимуме формальных (графических и / или звуковых) затрат.

Будучи билексемными образованиями, контаминанты обнаруживают ряд общих черт с другими словообразовательными моделями. Проведенный анализ нескольких типов словообразования, целью которого было определение статуса контаминации в словообразовательной системе, позволил нам сделать вывод о том, что рассматриваемый языковой феномен представляет собой самостоятельную модель образования новых слов, не сводимую к смежным словообразовательным явлениям, таким как словосложение, аффиксация и аббревиация ввиду своих специфических черт.

Проникая во многие сферы деятельности, контаминанты создают колорит и экспрессию в рекламном и медиадискурсах, художественном и публицистическом тексте, а также в сленге и повседневном общении. Лексические образования такого рода представляют собой яркие, запоминающиеся, несущие заряд выразительности слова, целью которых является привлечение внимания читателя, сокращение печатного пространства статьи, телевизионного или радиоэфирного времени; выражение сложной мысли, состоящей как минимум из двух концептов, средствами одного ёмкого слова. При этом отличительной особенностью контаминированных лексем от других новых сложных слов является то, что

первые образуются не с целью номинации принципиально нового понятия, а с целью синонимичной номинации уже существующего. Такие лексические единицы выступают своеобразным медиатором деривационных отношений: они, с одной стороны, наделены способностью сохранять и удерживать своё первоначальное значение, а с другой – «запускать» процесс появления новых смыслов.

Простые понятия, однако, на самом деле не так просты, как кажутся. Мы не осознаем всю сложность операций, происходящих в головном мозге при образовании контаминантов. Контаминация является продуктивным способом словообразования с привлечением творческих и когнитивных способностей человека. Согласно теории концептуальной интеграции, или теории блендинга, разработанной Ж. Фоконье и М. Тёрнером, бленд (Blended Space) – это результат сложного взаимодействия трёх ментальных пространств: двух исходных пространств (Input Spaces) и общего пространства (Generic Space). При этом бленд не выводится напрямую из всех составляющих исходных пространств, а заимствует только часть их структуры и образуется для понимания конкретной ситуации или контекста. Таким образом, концептуальная интеграция является основной ментальной способностью, ведущей к новым значениям, глобальным озарениям, концептуальной компрессии, удобной для памяти.

В нашем исследовании была предпринята попытка выявить особенности восприятия контаминированных слов рядовыми носителями языка и культуры – учебными билингвами, что позволило по-новому взглянуть на специфику функционирования контаминантов в индивидуальном сознании, изучить идентификационные стратегии и опоры, используемые индивидами при опознании единиц такого рода, а также определить факторы, оказывающие влияние на принятие решения о значении контаминированных лексем. Основным постулатом работы стало положение о том, что доступ к контаминанту в ментальном лексиконе сопровождается процессом дезинтеграции «смешанного пространства», или концептуальной дезинтеграцией – процессом, обратным концептуальной интеграции в терминах Ж. Фоконье и М. Тёрнера. При

«распаковывании» контаминированных образований обнаруживается иное, индивидуальное / искажённое значение слова, которое, с одной стороны, наследует роли и свойства исходных ментальных пространств и, с другой стороны, приобретает собственную структуру, новые оттенки и смысловые нюансы под влиянием внутреннего и внешнего (понимаемого широко) контекста.

В результате анализа экспериментальных данных было установлено, что идентификация контаминанта, как и любой другой сложно репрезентированной единицы, осуществляется по моделям последовательного доступа, предполагающего поэлементный анализ, и альтернативного (параллельного), понимаемого как схватывание целостного образа. Так, в нашем исследовании поэлементному анализу подверглось 69,1% всех предъявленных стимулов, в то время как целостному – 9%. Отчётливое преобладание стратегии поэлементного восприятия контаминированных слов свидетельствует, прежде всего, о «невключённости» большинства предъявленных стимулов во внутренний контекст многих Ии. Пытаясь найти сходство между незнакомым и уже знакомым словом, обращаясь при этом к различным типам знания (как к языковым, так и неязыковым), Ии. прибегали к использованию различных опор (ключей), которые находились в слове и могли быть найдены индивидами. В случаях, когда слово ранее встречалось Ии. в различных контекстах и переживалось как знакомое, усиливалась целостная стратегия восприятия. Такая лексема воспринималась Ии., предположительно, как мономорфемное слово (например, BRANGELINA < балерина; имя героини романа; THRILLIONAIRE < триллионер; ФАБЛЕТ < предмет одежды или обувь), где связь между значениями слов-источников и контаминированным образованием была утрачена. В некоторых примерах стимул и вовсе не был воспринят как многокомпонентная единица, относящаяся к периферийным слоям ментального лексикона. Например, стимул БРАНЧ был опознан как одно из значений английского слова 'branch', о чём свидетельствуют полученные на него ответы: *ветвь; ответвление; раздел; подразделение; ветка от основного направления* (с сохранением знаков в ответах Ии.). Таким образом, мы обнаружили закономерность, сходную с той, что была установлена в ряде

более ранних исследований [Тогоева 1989; Сазонова 1993; Родионова 1994; Медведева 1999; Новикова 2011], выполненных на материале слов, относящихся к периферии ментального лексикона, которая заключается в следующем: при восприятии малознакомых или незнакомых слов увеличивается опора на элементы слова и уменьшается его восприятие как целостного образования.

Обобщая выявленные на обоих этапах экспериментального исследования особенности способов идентификации контаминированных образований, мы сделали вывод, что поэлементный доступ к значениям контаминированных образований обусловлен следующими лексическими характеристиками контаминанта: а) его низкой частотностью по данным задействованных корпусов; б) мотивирующей морфемой, воспринимаемой Ии. как высокочастотная. При прямом (непосредственном) доступе к контаминанту как целостному образованию определяющими являются: а) его высокая частотность; б) знакомость слова; в) ситуация, в которой мотивирующие элементы контаминанта соотносятся с другим, хорошо знакомым словом («графическим соседом»).

Стратегическая природа процессов идентификации контаминированных слов в ситуации учебного двуязычия проявляется в следующих видах стратегий: 1) стратегия с опорой на перевод и прямую дефиницию слова (переводные и псевдопереводные реакции); 2) стратегия с опорой на звукобуквенный комплекс (ассоциация по случайному сходству морфем и звукобуквенного комплекса); 3) стратегия с опорой на конкретную ситуацию, соотнесение значений слов со своим социальным опытом; 4) стратегия с опорой на эмоционально-оценочные переживания, когда даётся оценка предмету и описываются разные оттенки эмоционального отношения, признаётся важность участия чувственно-сенсорного компонента; 5) словообразовательная стратегия с опорой на морфологические компоненты слова, когда опорными элементами служили различные компоненты слова, как значимые (морфологические компоненты), так и простые цепочки графем и / или фонем, находящиеся в начале, середине или конце слова.

Выбор носителем языка той или иной идентификационной стратегии был обусловлен рядом факторов, условно подразделяемых на две категории: а)

факторы, связанные с лексическим статусом контаминанта (степень выраженности лексических характеристик контаминированного слова: степень усечённости компонентов слова, орфографическое сходство с другими высокочастотными «соседями», влияние словообразовательных морфем); б) факторы, связанные с личностно-психологическими особенностями носителей учебного билингвизма, воспринимающими контаминант (объём фоновых знаний, уровень лингвистической компетентности, степень социокультурной эрудиции индивидов). Стоит отметить, что в 40,9% случаев (в 493 реакциях из 1207) определяющим фактором для Ии. оказалась субъективная частотность значения слова, которая способствовала тому, что Ии. «подстраивали» первоначальное значение контаминанта под то, которое оказалось для них наиболее актуальным. При этом в процентном соотношении показатели субъективной оценки узнаваемости предъявленных стимулов распределились между студентами 1 курса магистратуры и студентами 1-4 курсов бакалавриата следующим образом: 72% и 27% соответственно. В этой связи мы можем сделать вывод, что «правильность» идентификации контаминированных слов находилась в определённой зависимости от уровня владения искусственными билингвами неродным языком: очевидно, студентам-бакалаврам, прошедшим углублённую лингвистическую подготовку, было легче понять первоначальный «замысел» контаминантов, нежели студентам магистратуры, имеющим разный уровень языковой компетенции. Кроме того, достаточно высокий процент субъективных интерпретаций свидетельствует о том, что процесс идентификации контаминированного образования не сводится к простому декодированию составляющих его компонентов, а представляет собой творческий процесс распознавания образов носителями определённого лингвокультурного сообщества.

Таким образом, по результатам количественного и качественного анализа экспериментального материала подтверждается рабочая гипотеза исследования. Процесс идентификации контаминанта, как правило, связан с его дезинтеграцией (распадом целого на части) – процессом, обратным концептуальной интеграции в

терминах Ж. Фоконье и М. Тёрнера. При «распаковывании» контаминированного образования происходит «расщепление» ментальных пространств, находящихся в состоянии слияния в структуре бленда. Граница, по которой происходит разрыв образования, «подвижна» и часто не совпадает с «морфемным швом» контаминанта как лексической единицы языковой системы, что свидетельствует о субъективном характере восприятия подобного рода слов. Перемещение границы морфем внутри лексемы влечёт за собой новое членение и сопровождается семантическим сдвигом, приводящим к образованию новых по смыслу и различных по объёму значения слов. Описанный процесс «переосмысления» значения контаминанта рядовым носителем языка и культуры был обозначен нами термином «ментальный реблендинг», подразумевающий объединение вновь распавшихся ментальных пространств. При моделировании процесса идентификации контаминированного слова мы считаем возможным условное разграничение следующих стадий: доступ к слову – концептуальная дезинтеграция – реблендинг, сопровождающийся семантическим сдвигом – идентификация слова.

Тот же процесс идентификации контаминированного образования может быть представлен в координатах, предложенных Ж. Фоконье и М. Тёрнером, но для иллюстрации обратного процесса – процесса концептуальной дезинтеграции. Данная модель включает в себя смешанное пространство, или бленд (Blended Space), два выводных пространства (Output Space 1, Output Space 2) и новое (сгенерированное) пространство (Generated Space). Каждое сгенерированное пространство содержит в себе элементы, по меньшей мере, двух выводных ментальных пространств, которые, в свою очередь, образуются в результате «расщепления» бленда. Новое ментальное пространство заимствует только часть структуры выводных пространств, а также приобретает свои уникальные черты за счёт его пополнения фоновыми знаниями, культурными и когнитивными моделями. Продуктом сгенерированного ментального пространства становятся различные по своей сути интерпретации одного и того же бленда, что обусловлено доминированием определённых элементов в том или ином выводном

ментальном пространстве, а также дополнительными элементами, появившимися уже внутри нового ментального пространства.

Всё же стоит отметить, что контаминант может миновать стадию «распада» на составляющие элементы, изначально заложенные в слове, если такая лексема является для носителя языка субъективно частотной и переживается им как знакомая. В этом случае она будет восприниматься индивидом как целостная единица.

Предпринятое исследование позволяет рассмотреть некоторые особенности восприятия контаминированных образований рядовыми носителями языка и культуры – учебными билингвами вне контекста на материале английского и русского языков. Данные, описанные в настоящей работе, могут найти применение в лексикографии и учитываться при составлении неологических словарей контаминантов. Можно прогнозировать, что процесс пополнения английского и русского языков новыми контаминированными образованиями не снизит темпов своей интенсивности. Кроме того, полученные результаты могут быть применены в методике преподавания иностранных языков, так как данная информация помогает раскрыть особенности организации ментального лексикона обучающихся, хранения и доступа к значениям контаминантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимова Л.С. Блендинг в аспекте когнитивно-коммуникативной парадигмы / Л.С. Абросимова // Известия Саратовского университета. – Серия «Филология. Журналистика». – 2012. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 18–22.
2. Абросимова Л.С. Теоретико-методологические установки когнитивного подхода к изучению словообразования / Л.С. Абросимова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 2. – С. 7–14.
3. Алексеева Н.Н. Типология сокращенных лексических единиц современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Н. Алексеева. – М., 1984. – 22 с.
4. Алексеева С.В., Слюсарь Н.А. Эффект длины при парафовеальной обработке слов во время чтения / С.В. Алексеева, Н.А. Слюсарь // Вестник Томского государственного университета. – Серия «Филология». – 2017. – № 45. – С. 5–29.
5. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. – М.: Высшая школа, 1986. – 156 с.
6. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии / А.Г. Асмолов. – М.: «Смысл», 2002. – 480 с.
7. Астафурова Т.Н., Сухорукова О.Н. Телескопия: новый способ словообразования? / Т.Н. Астафурова, О.Н. Сухорукова // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. – Сер. 2. Языкознание. – 2006. – Вып. 5. – С. 182–185.
8. Бельчиков Ю.А. Контаминация / Ю.А. Бельчиков // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 238.
9. Беляева Т.М. Нестандартная лексика английского языка / Т.М. Беляева, В.А. Хомяков. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 136 с.
10. Беляева В.А. Отражение ментальности сквозь призму названия (на материале названий развлекательных заведений) / В.А. Беляева // Язык и

- культура: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции 22 октября 2013 года. – Новосибирск, 2013. – С. 153–157.
11. Беляева В.М. Стратегии преодоления лексической неоднозначности в условиях учебного билингвизма: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / В.М. Беляева. – Тверь, 2015. – 16 с.
 12. Берман И.М. О “вставочном” типе словообразования / И.М. Берман // Вопросы языкознания. – 1959. – № 2. – С. 105–111.
 13. Борисенко И.И. Телескопия в современном английском языке / И.И. Борисенко // Вопросы языковой структуры. – Киев: Киев. гос. пед. ин-т иностр.яз., 1976. – С. 17–21.
 14. Борисов В.В. Структурно-семантические особенности акронимов в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В.В. Борисов. – Москва, 1969. – 22 с.
 15. Васильева М.Д. Парафовеальная обработка: эффекты морфемного строения слова / М.Д. Васильева // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 1 (39). – С. 206–231.
 16. Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции сознания / Т.И. Вендина // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 42–72.
 17. Выготский Л.С. Выступление на I Всесоюзном съезде по изучению поведения человека / Л.С. Выготский // Стенографический отчёт I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека. – Л.; М.: Медгиз, 1930. – С. 323–327.
 18. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования / Л.С. Выготский. – М.: Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. – 362 с.
 19. Горшунов Ю.В. Прагматика аббревиатуры / Ю.В. Горшунов. – М.: УРСС, 1999. – 267 с.
 20. Гридина Т.А. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг: учеб. пособие / Т.А. Гридина. – 3-е изд. – М.: Наука: Флинта, 2009. – 160 с.

21. Гришкина Е.Н. Новизна лексической единицы как интегративный параметр психологической структуры значения слова (на материале психолингвистического эксперимента): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.Н. Гришкина. – Тверь, 2017. – 179 с.
22. Дубенец Э.М. Лингвистические изменения в современном английском языке. Спецкурс / Э.М. Дубенец. – М.: «Глосса-Пресс», 2003. – 256 с.
23. Дюжикова Е.А. Аббревиация сравнительно со словосложением: структура и семантика (на материале современного английского языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Е.А. Дюжикова. – М., 1997. – 340 с.
24. Ермоленко Ю.П. Номинативные модели формирования новых слов методом стяжения в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю.П. Ермоленко. – М., 2007. – 296 с.
25. Есперсен О. Философия грамматики [Электронный ресурс] / О. Есперсен. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/esper/05.php. – Дата обращения: 18.03.2020. – Загл. с экрана.
26. Ефанова Л.Г. Контаминация (Материалы к словарю лингвистических терминов). Часть 1. Широкое и узкое понимание термина «контаминация» / Л.Г. Ефанова // Вестник Томского государственного университета. – Серия «Филология». – 2015. – № 2. – С. 14–22.
27. Жлуктенко Ю.А., Березинский В.П., Борисенко И.И. Английские неологизмы / Ю.А. Жлуктенко, В.П. Березинский, И.И. Борисенко. – Киев: Наукова думка, 1983. – 172 с.
28. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка / В.И. Заботкина. – М.: Высшая школа, 1989. – 126 с.
29. Заботкина В.И. Роль прагматической инференции в процессе развития нового значения слова / В.И. Заботкина // Язык и действительность: сборник научных трудов, посвящённых В.Г. Гаку. – М.: Ленант, 2006. – С. 363–367.
30. Заботкина В.И. К вопросу о когнитивной неологии / В.И. Заботкина // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур. – 2009. – С. 337–349.

31. Заварзина С.А. Инференция как базовый компонент семантического разрыва [Электронный ресурс] / С.А. Заварзина // Университетские чтения. – Пятигорск, 2014. – Ч. 2. – Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: https://pgu.ru/upload/iblock/8e9/uch_2014_ii_14.pdf. – Дата обращения: 20.03.2020. – Загл. с экрана.
32. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. – 208 с.
33. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: монография / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 134 с.
34. Залевская А.А. Актуальные подходы к психолингвистическому исследованию лексики / А.А. Залевская // Проблемы психолингвистики: слово и текст: Сб. науч. тр. – Тверь, 1993. – С. 5–18.
35. Залевская А.А., Каминская Э.Е., Медведева И.Л., Рафикова Н.В. Слово на пути к пониманию текста / А.А. Залевская, Э.Е. Каминская, И.Л. Медведева, Н.В. Рафикова // Психолингвистические особенности взаимодействия слова и текста. – Тверь, 1998. – С. 4–46.
36. Залевская А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: РГГУ, 1999. – 382 с.
37. Залевская А.А. Концептуальная интеграция как базовая ментальная операция / А.А. Залевская // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 2. – С. 56–71.
38. Залевская А.А. Идентификация слова: процесс и продукт / А.А. Залевская // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2011. – № 28. – Вып. 4. – С. 190–203.
39. Залевская А.А. Значение слова в индивидуальном лексиконе / А.А. Залевская // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2012a. – № 3. – С. 479–493.

40. Залевская А.А. Внутренний контекст и метафора «живой поликодовый гипертекст» / А.А. Залевская // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2012б. – № 24. – Вып. 4. – С 55–62.
41. Залевская А.А. Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – М., 2013. – № 1 (17). – С. 8–19.
42. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Е.А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
43. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. Пособие / Е.А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с.
44. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: монография / Н.О. Золотова. – Тверь: Лилия Принт, 2005. – 203 с.
45. Золотова Н.О., Комарова Ю.В. Идентификация незнакомого слова как необходимое звено познавательных процессов / Н.О. Золотова, Ю.В. Комарова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 2. – С. 72–77.
46. Золотова Н.О. Частотность как фактор культурной и психологической значимости слова / Н.О. Золотова // Языковой дискурс в социальной практике: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. – С. 101–105.
47. Ирисханова О.К. Лингвокреативные основания теории номинализации: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.19 / О.К. Ирисханова. – М., 2005. – 50 с.
48. Корниевская С.И. Доступ к слову при устном продуцировании речи на иностранном языке в ситуации учебного двуязычия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.И. Корниевская. – Тверь, 2012. – 19 с.
49. Корытова О.М. Когнитивное пространство словосращения: монография / О.М. Корытова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. – 100 с.
50. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1965. – 78 с.

51. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа: (на материале романогерманских языков) / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1974. – 319 с.
52. Кубрякова Е.С. Словообразование / Е.С. Кубрякова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 467–469.
53. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
54. Кубрякова Е.С. О реализации значений слова в дискурсе / Е.С. Кубрякова // Язык и действительность: сб. научн. трудов памяти В.Г. Гака. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – С. 367–379.
55. Лаврова Н.А. Структурно-семантические и функциональные аспекты контаминации: на материале современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.А. Лаврова. – М., 2007. – 227 с.
56. Лаврова Н.А. Контаминированное слово и комплексное сокращение / Н.А. Лаврова // LINGUA MOBILIS: Научный журнал. – 2009. – № 5 (19). – С. 99–105.
57. Лаврова Н.А. Контаминация в современном английском языке: структура, семантика, прагматика / Н.А. Лаврова // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия «Филология. Искусствоведение». – 2011. – № 8 (223). – Вып. 51. – С. 88–93.
58. Лаврова Н.А. Контаминация и паронимическая аттракция / Н.А. Лаврова // Уральский филологический вестник. – Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2012. – № 3. – С. 93–98.
59. Лаврова Н.А. Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка): дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.04 / Н.А. Лаврова. – М., 2013. – 520 с.
60. Лаврова Н.А. Контаминация в современном английском языке: о некоторых результатах и перспективах исследования / Н.А. Лаврова //

Вестник Московского государственного лингвистического университета. Современная лингвистика: взаимодействие парадигм и школ. – 2014. – Вып. 20 (776). – С. 120–129.

61. Лаврова Н.А. Контаминация и контаминанты в современном английском языке: номенклатура, структура, динамика [Электронный ресурс] / Н.А. Лаврова. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/26_WP_2012/Philologia/3_116103.doc.htm. – Дата обращения: 29.09.2017. – Загл. с экрана.
62. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры: сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. под ред. и с предисл. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–416.
63. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности / А.А. Леонтьев. – М.: Изд. АН СССР, 1965. – 246 с.
64. Липилина Л.А. Лексические слияния в современном английском языке / Л.А. Липилина // Вестник БФУ им. И. Канта. – Серия: Филологические науки. – 2006. – № 2. – С. 87–92.
65. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания / В.В. Лопатин. – М.: Наука, 1977. – 316 с.
66. Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / И.Л. Медведева. – Уфа, 1999. – 46 с.
67. Москвитин Е. Хождение по внукам [Электронный ресурс] / Е. Москвитин // Газета.ru. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/culture/2013/01/18/a_4931245.shtml. – Дата обращения: 01.10.2017. – Загл. с экрана.
68. Мурадян А.Ю. Словослияние в современном английском языке (специфика, динамика, теория): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Ю. Мурадян. – Л., 1978а. – 15 с.

69. Мурадян А.Ю. Словослияние в современном английском языке (специфика, динамика, теория): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Ю. Мурадян. – Л., 1978б. – 201 с.
70. Николаева Н.Т. Тенденции аббревиатурных процессов современного английского языка / Н.Т. Николаева // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 2. – Ч. 2. – С. 98–101.
71. Новикова И.В. Психолингвистическое исследование идентификации полиморфного слова при учебном двуязычии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.В. Новикова. – Тверь, 2011. – 20 с.
72. Родионова Т.Г. Стратегии идентификации неологизмов-глаголов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.Г. Родионова. – Тверь, 1994. – 16 с.
73. Сазонова Т.Ю. Стратегии идентификации новых слов носителями языка (на примере прилагательных): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.Ю. Сазонова. – Тверь, 1993. – 17 с.
74. Сазонова Т.Ю. Экспериментальное психолингвистическое исследование процесса поиска слова в ментальном лексиконе / Т.Ю. Сазонова // Языковое сознание и образ мира: XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации 2–4 июня 1997 года. – М.: Изд-во МГЛУ, 1997. – С. 138–139.
75. Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход: монография / Т.Ю. Сазонова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. – 134 с.
76. Саркисова Э.В. Взаимодействие стратегий и структурных опор при идентификации незнакомого слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Э.В. Саркисова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. – 19 с.
77. Скребцова Т.Г. Языковые бленды в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тёрнера [Электронный ресурс] / Т.Г. Скребцова. – Режим доступа: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/skrebcova.htm>. – Дата обращения: 16.02.2019. – Загл. с экрана.

78. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. – 259 с.
79. Тарасова Л.А. Структурно-семантические аспекты телескопии в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.А. Тарасова. – М., 1991. – 22 с.
80. Тимошенко Т.Р. О морфемном статусе так называемых осколочных элементов телескопных слов / Т.Р. Тимошенко // Вопросы романо-германской филологии. – Киев, 1974. – С. 180–189.
81. Тимошенко Т.Р. Телескопия в словообразовательной системе современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.Р. Тимошенко. – Киев, 1975. – 192 с.
82. Тимошенко Т.Р. Телескопия в словообразовательной системе современного английского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.Р. Тимошенко. – Киев, 1976. – 26 с.
83. Тогоева С.И. Психолингвистическое исследование стратегий идентификации значения словесного новообразования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.И. Тогоева. – Саратов, 1989. – 16 с.
84. Тогоева С.И. Специфика субъективных дефиниций словесных новообразований / С.И. Тогоева // Психолингвистические проблемы семантики: сб. науч. тр. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1990. – С. 24–31.
85. Федурко Ю.В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ю.В. Федурко. – Тверь, 2008. – 15 с.
86. Фёдорова О.В. Методика регистрации движений глаз «Визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций / О.В. Фёдорова // Вопросы Языкознания. – 2008. – № 2. – С. 98–120.
87. Федорова О.В., Шаврыгина А.С. Влияние места словесного ударения на распознавание слов в русской устной речи [Электронный ресурс] / О.В. Федорова, А.С. Шаврыгина. – Режим доступа: <http://www.dialog->

21.ru/digests/dialog2009/materials/html/79.htm. – Дата обращения: 16.02.2020.
– Загл. с экрана.

88. Филд Дж. Психоллингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами) / Дж. Филд. – Пер. с англ. / Общ. ред. И.В. Журавлёва. – М.: Издательство ЛКИ, 2012. – 344 с.
89. Филлипова М.М. Взаимосвязь языка, мышления и культуры и преподавание иностранного языка / М.М. Филлипова // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2008. – Вып. 36. – С. 105–118.
90. Хавкин И.М. Занимательный специальный перевод: пособие для начинающих переводчиков с примерами типичных ошибок (на материале английского и некоторых романских языков) [Электронный ресурс] / И.М. Хавкин // [б.м.]: Издательские решения, 2015. – 390 с. – Режим доступа:
https://books.google.ru/books?id=q8kACgAAQBAJ&pg=PA2&lpg=PA2&dq=source=bl&ots=dF0CxCKUWL&sig=ACfU3U23zKhx6s9H8zY_oVoaYfLsbbbjw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwiZkq3wrcDoAhXqllsKHZVhDhgQ6AEwAnoE SAoQAQ#v=onepage&q=Хавкин&f=false. – Дата обращения: 14.04.2018. – Загл. с экрана.
91. Хасанова Л.Р. Словообразование у детей и филогенез речи в связи с проблемой выделения нерегулярных отрезков в лексических единицах / Л.Р. Хасанова // Русская и сопоставительная филология: взгляд молодых. – Казань: ДАС, 2001. – С. 294–300.
92. Хахам Л.А. Основные типы новообразований в современном английском языке и способы их перевода на русский язык (на материале общественно-политической лексики): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Л.А. Хахам. – М., 1967. – 21 с.
93. Хрущёва О.А. Блендинг в системе словообразования / О.А. Хрущёва // Вестник Оренбургского государственного университета. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. – № 11 (105). – С. 95–101.

94. Хрущёва О.А. Универсальные особенности блендинга / О.А. Хрущёва // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 187–189.
95. Цыганова Н.Д. Контаминанты с точки зрения функционально-прагматического подхода (на материале специальных интернет-сайтов, посвящённых словотворчеству) / Н.Д. Цыганова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 11 (89). – С. 134–136.
96. Черкасская Е.Б. Некоторые новые тенденции в лексической системе современного английского языка / Е.Б. Черкасская // Исследования по английской и сравнительной лексикологии: уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1971. – С. 6–16.
97. Шемчук Ю.М. Модернизация существующей лексики современного немецкого языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Ю.М. Шемчук. – М., 2006. – 42 с.
98. Шейфель Н.А. Понятие блендинга и его отличие от других смежных способов словообразования в лингвистике / Н.А. Шейфель // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики: материалы II Международной научной конференции 20–21 апреля 2016 года / отв. ред. В.А. Виноградов. – Белгород, 2016. – С. 290–294.
99. Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности (экспериментальное исследование): монография / А.С. Штерн. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1992. – 236 с.
100. Aitchison J. Words in the mind: An introduction to the mental lexicon / J. Aitchison. – Oxford: Basil Blackwell, 1987. – 229 p.
101. Algeo J. Blends, a structural and systemic view / J. Algeo // American Speech. – Durham, North Carolina: Duke University Press, 1977. – V. 52. – Issue 1/2. – Pp. 47–64.

102. Baayen H.R. Dutch inflection: The rules that prove the exception / H.R. Baayen, R. Schreuder, N. De Jong, A. Krott // *Storage and Computation in the Language Faculty*, 2002. – № 3. – Pp. 61–92.
103. Barret G. The official dictionary of unofficial English / G. Barret. – New York: McGraw-Hill, 2006. – 412 p.
104. Bergstrom G.A. On Blendings of Synonymous or Cognate Expressions in English: doctoral dissertation / G.A. Bergstrom. – Lund, 1906. – 211 p.
105. Bolinger D.J. Among the New Words / D.J. Bolinger // *American Speech*, 1943. – V. XVIII. – Pp. 121–130.
106. Cannon G. Blends in English word formation / G. Cannon // *Linguistics*, 1986. – V. 24. – № 4. – Pp. 725–753.
107. Coltheart M., Rastle K., Perry C., Langdon R., Ziegler J. DRC: A dual route cascaded model of visual word recognition and reading aloud / M. Coltheart, K. Rastle, C. Perry, R. Langdon, J. Ziegler // *Psychological Review*, 2001. – № 108 (1). – Pp. 204–256.
108. Crystal D.A. How language works / D.A. Crystal. – London: Penguin, 2007. – 512 p.
109. Cutler A. & Norris D. The role of strong syllables in segmentation for lexical access / A. Cutler, D. Norris // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1988. – № 14. – Pp. 113–121.
110. Danks D. Separating blends: a formal investigation of the blending process in English and its relationship to associated word formation processes: doctoral dissertation / D. Danks. – Liverpool, 2003. – 427 p.
111. Elina E.N., Tibbenham P.J. Changes & tendencies in contemporary native English / E.N. Elina, P.J. Tibbenham // *Вестник РУДН. – Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. – 2009. – № 3. – С. 79–87.
112. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books, 2001. – 440 p.

113. Fauconnier G. Pragmatics and Cognitive Linguistics / G. Fauconnier // L.R. Horn, G. Ward (Eds.). *The Handbook of Pragmatics*. – Malden, MA: Blackwell, 2004. – Pp. 657–674.
114. Gries S. Th. Isn't that Fantabulous? How Similarity Motivates Intentional Morphological Blends in English / S. Th. Gries // *Language, Culture and Mind*. – Stanford: CSLI Publications, 2004. – Pp. 415–428.
115. Kemmer S. Schemas and lexical blends / S. Kemmer // *Motivation in language: From case grammar to cognitive linguistics*. – Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2003. – Pp. 69–97.
116. Marchand H. *The Categories and Types of Present Day English Word Formation* / H. Marchand. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1960. – 545 p.
117. Marslen-Wilson W.D. Function and process in spoken word-recognition / W.D. Marslen-Wilson // Bouma H. & Bouwhuis D.G. (Eds.). *Attention and performance X: Control of language processes*. – Hillsdale, NJ.: Lawrence Erlbaum, 1984. – Pp. 125–150.
118. McClelland J.L. & Elman J.L. The TRACE model of speech perception / J.L. McClelland, J.L. Elman // *Cognitive Psychology*, 1986. – № 18 (1). – Pp. 1–86.
119. Sproat R. *Morphology and Computation* / R. Sproat. – Cambridge, MA: MIT Press, 1992. – 295 p.
120. Sweet H.A. *Short Historical English Grammar* / H.A. Sweet. – Oxford: Clarendon Press, 1892. – 264 p.
121. Taft M. Morphological decomposition and the reverse base frequency effect / M. Taft // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2004. – № 57 (A). – Pp. 745–746.
122. Zobotkina V. The pragmatics of new words and their translation from English into Russian / V. Zobotkina // *Language History and Linguistic Modelling. A Festschrift for Jacek Fisiak on his 60th Birthday*. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. – Pp. 1902–1907.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

123. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 7602 с.
124. Словарь окказионализмов современного русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://noncewords.ru/alphabet/zhritel>. – Дата обращения: 05.10.2018. – Загл. с экрана.
125. Эпштейн М.Н. Дар слова. Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна [Электронный ресурс] / М.Н. Эпштейн. – Режим доступа: <http://subscribe.ru/catalog/linguistics.lexicon>. – Дата обращения: 06.10.2018. – Загл. с экрана.
126. Ayto J. The Longman Register of New Words [Electronic resource] / J. Ayto. – М.: Русский язык, 1990. – 434 с. – Режим доступа: https://books.google.ru/books/about/The_Longman_register_of_new_words.html?id=VSi5bvidinUC&redir_esc=y. – Дата обращения: 13.09.2018. – Загл. с экрана.
127. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru>. – Дата обращения: 17.01.2019. – Загл. с экрана.
128. Cambridge Dictionaries Online Blog [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://dictionaryblog.cambridge.org>. – Дата обращения: 11.02.2018. – Загл. с экрана.
129. Collins English Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.collinsdictionary.com>. – Дата обращения: 01.02.2018. – Загл. с экрана.
130. Google Trends [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://trends.google.ru/trends/?geo=RU>. – Дата обращения: 30.10.2018. – Загл. с экрана.
131. Keyword Tool [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://keywordtool.io/ru>. – Дата обращения: 10.01.2019. – Загл. с экрана.

132. Knowles E.M., Elliott J. The Oxford Dictionary of New Words [Electronic resource] / E.M. Knowles, J. Elliott. – UK: Oxford University Press, 1997. – 357 p. – Режим доступа: <https://ru.b-ok2.org/book/701738/8553fe>. – Дата обращения: 11.02.2018. – Загл. с экрана.
133. Lexico.com: English Dictionary, Thesaurus, & Grammar Help [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.lexico.com/definition/recommember>. – Дата обращения: 20.03.2020. – Загл. с экрана.
134. Macmillan Buzzword Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/buzzword/recent.html>. – Дата обращения: 11.02.2018. – Загл. с экрана.
135. Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. – Дата обращения: 24.01.2018. – Загл. с экрана.
136. Oxford Dictionary of English (3 ed.) [Electronic resource]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=anecAQAAQBAJ&pg=PA1588&lpg=PA1588&dq=scarifying+meaning+scaring+frightening&source=bl&ots=T_kxbyjFCN&sig=ACfU3U2aWYUv3z5ayDJEXELOiN_LP80FKw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUK_EwjO_72F6aLoAhVryMQBHWHOcjoQ6AEwEXoECAgQAQ#v=onepage&q=scarifying%20%20&f=false. – Дата обращения: 19.03.2019. – Загл. с экрана.
137. Urban Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=The%20Urban%20Dictionary>. – Дата обращения: 11.02.2018. – Загл. с экрана.
138. Wikipedia [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фаблет>. – Дата обращения: 11.10.2018. – Загл. с экрана.
139. Wiktionary [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://en.wiktionary.org/wiki>. – Дата обращения: 15.01.2019. – Загл. с экрана.
140. Wordspy [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.wordspy.com>. – Дата обращения: 11.02.2018. – Загл. с экрана.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Бланк для ответов (Э1)

	знакомо / незнакомо слово (+/-)	укажите возможные области употребления / использования данного слова	запишите первое, что пришло вам в голову в связи с предложенным словом (группа 1) напишите, что может означать данное слово (группа 2)
Brangelina			
chillax			
catastroika			
thrillionaire			
бранч			
Брексит			
джеггинсы			
фаблет			
жритель			
филолух			
пермьзан			
дивчайна			

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Бланк для ответов (Э2)

	знакомо / незнакомо слово (+/-)	если слово знакомое, то укажите область употребления / использования	напишите, что может означать данное слово (группа 1) напишите, какие слова (части слов) вы видите (группа 2)
Amexica			
kidult			
magalogue			
Japaneasy			
scarifying			
fanomenal			
recommember			
jazzercise			
politicide			
Twogether			